

Алан Мурхед

ДОРОГА ЧЕРЕЗ БЕЗМОЛВИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Алан Мурхед

ДОРОГА ЧЕРЕЗ БЕЗМОЛВИЕ

*Трагическая история
экспедиции Берка*

*Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1988*

ББК л8
М91

Alan Moorehead
COOPER'S CREEK

Harper & Row Publishers
New York and Evanston, 1963

Редакционная коллегия
К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев,
Л. М. Белоусов, А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков,
Г. Г. Котовский, Р. Г. Ланда, Н. А. Симония

Перевод с английского

Ответственный редактор и автор послесловия
К. В. Малаховский

Мурхед А.

М91 Дорога через безмолвие. Трагическая история экспедиции Берка. Пер. с англ. Послесл. К. В. Малаховского. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

208 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

В книге рассказывается история экспедиции, которой удалось в 60-х годах XIX века пересечь Австралийский континент. Сто лет спустя автор — известный австралийский писатель — повторил путь первопроходца Р. О'Х. Берка и его спутников, побывал в местах, где происходили драматические события, закончившиеся гибелью руководителей похода.

Напряженное действие разворачивается на фоне картин природы центральных областей Австралии, ее уникальной флоры и фауны. Интересны психологические портреты путешественников, воссозданные на основе документов эпохи освоения материка.

М-1905020000-000
72-88
013(02)-88

ББКл8

Алан Мурхед

ДОРОГА ЧЕРЕЗ БЕЗМОЛВИЕ

Трагическая история экспедиции Берка

Перевод с английского и послесловие в печати
«Рассказы о странах Востока»

Малаховский К. В. Главный редактор М. С. Грикурова. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор И. И. Струковичка. Корректор Е. В. Карюкина

ИБ № 15583

Подписано к печати 23.11.87. Формат 84×108^{1/2}. Гарнитура литературная. Печать высококачественная № 1. Вкладка на мелованной бумаге. Усл. л. 10,42. Тираж 50 000 экз. (1-й завод 30 000 экз.)

Изд. № 6356. Зак. № 539. Цена 1 р. 40 к.

Издательство Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

Глава I

ЗЛОВЕЩЕЕ ПЯТНО

Здесь человечество могло начать новую главу своей истории. Более подходящее место трудно отыскать на всем белом свете. Предшествующие цивилизации обошли эту землю стороной, сохранив ее в первозданном виде; присутствие людей выдавали лишь следы босых ног аборигенов. Ничто в этом необычном краю не имело даже отдаленного сходства с окружающим миром, он выглядел совершенно диким,— выжженным, безмолвным, дряхлым. Причем ощущение древности исходило не от руин, как в иных местах, а от самой земли, донельзя измученной и усталой. Даже деревья скорее можно было назвать вечносерыми, чем вечнозелеными: их листья не полностью обновлялись весной и не целиком опадали зимой. Вместо них облезала кора, она высыхала и трескалась, а затем сползала со стволов подобно змеиной коже.

Все здесь было шиворот-навыворот. Середина зимы приходилась на июль, а разгар лета — на январь; по бушу вперевалку бродили гигантские птицы, не умеющие летать, а на ветвях неподвижно сидели диковинные животные. Созвездия в ночном небе, повернутые вверх ногами, выглядели так, словно принадлежали другой галактике. Что касается аборигенов, то они пребывали в непонятном для европейцев безвременье, не знавшем перемен или развития; голые люди не строили деревень, не сеяли и не жали, не обзаводились скотом. Когда они не охотились или не разрисовывали тела по случаю предстоящей племенной церемонии, то казались погруженными в глубокую дрему.

Все живое как будто впало в оцепенение и никак не могло воспрянуть ото сна. В разгар летнего зноя, когда истомившаяся земля переставала дышать, белый чужестранец, проходя сквозь строй пепельно-серых деревьев,

испытывал странное ощущение, будто кто-то (или что-то), затаившись, прислушивается к его шагам. Мелкие птички не вспархивали при его приближении, как в Европе; зимородок-хохотун пронзительно гоготал и призывно задира л голову в ожидании ответного приветствия. Кенгуру, застыв на месте, внимательно оглядывали путника. Природа страстно жаждала благодатного дождя, чтобы вернуться к жизни...

Так выглядел континент в последней четверти XVIII века, когда его стали обживать европейцы, селившиеся на юго-восточном побережье. Каким-то чудом на этой никогда не возделывавшейся земле вырос первый урожай; местные травы пришлись по вкусу коровам, лошадям и овцам, о которых здесь прежде никто не слышал. Край выглядел многообещающе: дождей выпадало не больше, чем в Англии, а солнце жгло не сильнее, чем в южной Европе. А какие открывались просторы с вершин Большого Водораздельного хребта!

Правда, жизнь колонистов была далеко не райской. Каждый человек оказывался Робинзоном Крузо и мог рассчитывать только на свои силы. Порой наводнение за один день уничтожало плоды многомесячного труда, а засуха растягивалась на годы. Но континент манил все новых и новых людей, которых теснили рамки словесной Европы.

К 1800 году Сидней, Мельбурн и Аделаида уже выглядели солидными процветающими городами. Самым значительным стал Мельбурн, столица Виктории, причем произошло это с ошеломляющей быстротой. Еще десять лет назад Виктория считалась глухим захолустьем, придатком колонии Новый Южный Уэльс и именовалась округом Порт-Филлип. Все дела маленькой колонии решались в Сиднее. С остальными австралийскими поселениями ее не связывали ни железные, ни какие-либо иные дороги, а о телеграфе в те времена только мечтали; от Европы ее отделяли тысячи миль океана. На всей территории размером с Англию, помимо Мельбурна и Джилонга, не было ни одного населенного пункта, достойного именоваться городом; число жителей дистрикта не превышало 80 000 человек.

В 1850 году королева Виктория дала согласие на создание к югу от реки Муррей новой колонии, нареченной ее именем. А в следующем году возле Балларата обнаружили золото. «Золотая лихорадка» в любом месте земного шара приводила к массовому безумию —

именно так случилось в Калифорнии как раз незадолго до описываемых событий; но здесь, в маленькой пограничной австралийской общине, где борьба за существование стоила тяжких трудов, люди буквально впали в неистовство. Банковские клерки и государственные чиновники, в одночасье побросав работу, толпами ринулись на золотые прииски; никакие посулы не могли удержать их на месте, даже обещания двойного жалования. Прибывшие в мельбурнский порт суда оставались стоять у пирса, покинутые экипажами. В самом городе хозяйничали одни женщины — коммерция, как и все прочие дела, легла на плечи представительниц слабого пола. «Дома опустели, хозяйства в забросе и даже школы закрылись. В некоторых пригородах не сыскать ни единого мужчины», — докладывал вице-губернатор Латроб. Цены взлетели до небес: с приезжего брали два фунта стерлингов только за право сойти на берег, столько же стоила койка в ночлежном доме.

Золото находили поначалу около Балларата, а затем у Каслмейна, Бендиго и в десятках других «жилых мест». Прихватив кирку и лопату, мешок с мукой и пакет чая, золотоискатели устремились на северо-восток, прокладывая путь через безымянные холмы и долины; не успевал пронестись слух о чьей-либо удаче, к примеру, о том, что «выпал фарт на реке Овенс», как там лихорадочно начинали копать. Нередко золото лежало прямо на поверхности — стоило лишь нагнуться, чтобы подобрать его; самородки находили у корней деревьев, в траве или в песчаном русле обмелевших рек. Знаменитый самородок, нареченный «Привет пришельцу», весом 2284 унции и стоимостью 9534 фунта стерлингов, был открыт на глубине... пяти сантиметров.

К 1853 году в Мельбурн ежегодно прибывало до тысячи судов, деньги в неразберихе спекуляции потеряли всякую стоимость. Цены на землю в городе подскочили до 200 фунтов за фут — в пять раз выше, чем в Лондоне! Старатели загребали деньги лопатой, чтобы тут же спустить их. После долгих месяцев изнурительного труда на прииске душа жаждала кутнуть — и удачники прикуривали сигару от пятифунтовой банкноты, ставили вместо кеглей бутылки французского вина, прибывали к копытам лошадей золотые подковы.

В Австралии всегда ощущалась нехватка женщин; на заре колонизации, во времена каторжников, несколько сот девиц из исправительной колонии, прозванных

«гриновским штучным товаром»¹, доставили сюда из Англии, чтобы поселенцы смогли обзавестись женами. Теперь положение изменилось: проститутки стаями разгуливали среди наспех сколоченных лачуг на окраинах Мельбурна; свежеиспеченный богач-золотоискатель, желавший пустить пыль в глаза, устраивал шутовскую свадьбу с одной из девиц и на глазах у шокированных обывателей катил в карете по Коллинз-стрит с разодетой в парчу и бархат «невестой».

В первое время на золотых приисках действовал «сухой закон», но весьма скоро он превратился в фарс и был отменен; питейные заведения расплодились как грибы и не испытывали недостатка в клиентах. Повальное пьянство, острая нехватка полицейских и бесконтрольность со стороны чиновников привели к тому, что преступность расцвела пышным цветом, превратившись в серьезную проблему. На приисках не умолкала стрельба, поножовщина сделалась заурядным явлением, разбойники устраивали засады на дорогах, грабя старателей, возвращавшихся с золотом к побережью, убийства совершались прямо на улицах Мельбурна.

Старая гвардия поселенцев — овцеводы-скваттеры, первыми захватившие окрестные земли, — воспринимали эти события почти как конец света. Одни видели в них безумство черни, грозившее «новой Французской революцией». Другие, такие, как декан местного собора Маркартни, считали, что «расшатались все общественные устои, большинство людей лишилось разума, а остальных парализовал страх».

Некто Д. Пьюзли, писатель-путешественник безукоризненной респектабельности, с ужасом делился впечатлениями от Мельбурна той эпохи: «Это — современный Вавилон, филиал ада на Земле, город драчунов, мошенников и пьяниц... В 1852—1853 годах спекуляция, разбой и беспорядки в Виктории достигли апогея; добыча золота и цена на землю тоже подскочили к этому времени до наивысшей точки. Грабители и убийцы орудовали абсолютно беззастенчиво, уверенные в полной безнаказанности; стражи порядка совершали столь выгодные сделки, заколачивая по тысяче в день, что им было не до арестов нарушителей закона; купцы и лавочники не заботились ни о чем, кроме как о наживе, а пройдохи и картежники пожинали обильный урожай...»

¹ По фамилии чиновника Грина, привезшего драгоценный груз в Австралию.— *Примеч. авт.*

И все же объективность требует сказать, что за фасадом этой кутежной вакханалии в колонии продолжалась и другая жизнь: фермеры возделывали землю, горожане строили дома, а предприниматели, сумевшие устоять перед соблазнами «золотой лихорадки», успешно вели дела. Так или иначе разгулу и беззаконию первых лет нашествия искателей легких денег понемногу стал приходить конец. Нет, запасы золота не исчерпались, просто старатели выбрали лежавшие на поверхности россыпи, и теперь драгоценный металл приходилось добывать в глубоких шахтах. Место золотоискателей-одиночек заняли сотни и тысячи рабочих, нанятых золотопромышленными компаниями, платившими твердое жалованье. Важной отраслью хозяйства становилось производство шерсти, а позднее — зерна; многие ремесленники из числа новых иммигрантов убеждались, что они в состоянии прокормить семью в городе, не отправляясь на рудники. В итоге цены постепенно стабилизировались.

К концу 50-х годов к Балларату протянули железнодорожную ветку, а связь между наиболее густонаселенными частями колонии обеспечивали дилижансы дорожной компании, организованной молодым американцем по фамилии Кобб. Вскоре дилижансы предприимчивого Кобба колесили по всей Австралии, а его курсировавшие между золотыми приисками «левиафаны», запряженные двадцатью двумя лошадьми, брали за раз до 100 пассажиров — рекордное количество для той эпохи. Короткое время спустя телеграф соединил Мельбурн с Аделаидой и Сиднеем. Быстроходные клиперы добирались из Англии до Мельбурна вокруг мыса Доброй Надежды за два месяца с небольшим; строившийся Суэцкий канал должен был значительно сократить путь, так что изоляция континента отходила в прошлое.

К 1860 году Мельбурн окончательно обрел вид солидного города. Он живописно раскинулся на берегах реки Ярры, широкие прямые улицы освещались газовыми фонарями. К описываемому периоду он уже имел университет, публичную библиотеку, здание парламента колонии, несколько коммерческих банков и муниципальных парков, засаженных привезенными заморскими деревьями. В Королевском оперном театре на 4000 мест ложа на спектакль с участием примадонны, певицы Катерины Хэйс, стоила 12 гиней; полдюжины драматических театров ставили Шекспира, Шеридана и водеви-

ли — грандиозные перемены по сравнению с недавними временами, когда театр служил придатком питейного заведения, куда ни одна уважающая себя женщина не ступила бы ногой. В Креморнском парке, разбитом по образцу лондонских, имелись свой театр, галерея восковых фигур, танцзал и зверинец; там же в парке можно было послушать духовой оркестр, развлечься полетом на воздушном шаре и полюбоваться фейерверком. Огромной популярностью пользовались скачки, особенно розыгрыш Мельбурнского кубка. А в дни решающих соревнований по крикету парламент переносил свои заседания на вечер.

В моду вошли европейские танцы — кадрили, полька, вальс; тысячи гостей съезжались на субботние балы в только что построенный Выставочный павильон. По большей части это были состоятельные горожане в собственных экипажах — дамы в кринолинах, мужчины с распушенными бакенбардами, в цилиндрах. Днем, судя по рассказам, а также прелестным рисункам и акварелям тех лет, по оживленным центральным улицам катили кареты, двуколки и омнибусы; железнодорожная ветка вела к станции Килда, где отдыхающих ждали гостиницы и морские купальни (раздельно для мужчин и женщин). В фешенебельных пригородах выросли огромные викторианские особняки и кокетливые виллы с висячими садами и обращенными к реке бельведерами.

В богатых домах жили на широкую ногу. Содержать трех служанок-ирландок, повара, кучера и садовника считалось обычным делом; столовое серебро, мебель и портьеры доставляли из Европы (местный колорит обеспечивали коврики из шкур кенгуру и разноцветные верера из перьев лирохвостов); обильная викторианская кухня дополнялась изысканными австралийскими блюдами, среди которых особо ценился жареный черный лебедь в винном соусе. Излюбленным развлечением сделались пикники, именовавшиеся «лесными вылазками»; в жаркий летний день «чистая публика» отправлялась на лодках вверх по Ярре полюбоваться на диковинных птиц и кенгуру-валлаби, выпить шампанского и обсудить местные новости.

Скваттеры в буше тоже жили безбедно — в комфортабельных усадьбах с широкими верандами, москитными сетками в спальнях и даже ванными с горячей водой. Изобилие пищи приводило к настоящему ожорству: обычный завтрак состоял из куриного яйца... впри-

дачу к бифштексу в полкило весом. Англичанин Энтони Троллоп, приехавший навестить своего сына, так описывает социальный статус австралийских скваттеров:

«При ста тысячах овец и более владельцу полагается иметь повара-мужчину и дворецкого; в имении, где стригут сорок тысяч овец, как минимум необходим рояль; двадцать тысяч — это нижний предел, при котором салфетки являются неперменной принадлежностью обеденного стола. При десяти тысячах просто всего должно быть очень много — много мяса, много чая, бренди и воды, много колониальных блюд, но рассчитывать на шампанское, шерри или привозные яства не следует...»

Представители богатой прослойки и среднего класса, прибывавшие во все большем числе в колонию, были, как правило, грамотными людьми; степень образованности среди них, пожалуй, превышала аналогичный показатель в Англии. Примерно треть экспортируемых из Великобритании книг отправлялась в Австралию, и с каждой почтой приходило огромное количество английских газет и периодических изданий. К середине прошлого века в колонии уже появились и собственные газеты: «Эйдж», «Аргус», «Геральд» и «Мельбурнский Панч».

Однако помимо радужных следует сказать и о теневых сторонах жизни. В Мельбурне насчитывалось по меньшей мере 100 публичных домов, а пьянство сделалось такой же привычной болезнью, как простуда. По улицам бродило немало нищих, а лицам наемного труда только еще предстоял долгий путь борьбы за восьмичасовой рабочий день. Потеря места означала для человека подлинное несчастье. Тем не менее нищета переносилась здесь легче, чем в Англии, где к тому времени насчитывался миллион бедняков. Пища, особенно мясо, стоила недорого, а перезимовать короткий период в мягком климате было не так уж сложно. И потом перемены происходили очень быстро, у иммигранта здесь оказывалось куда больше шансов устроить свою жизнь, чем где бы то ни было. Даже для китайцев, терявших работу по мере того, как скудели золотые прииски, находилось дело — они кормились огородничеством, открывали прачечные, занимались ловлей и засолкой рыбы недалеко от пляжей Килды.

К 1860 году жители Виктории крепко стояли на ногах. За десять бурных лет их новая и самая маленькая на материке колония по богатству и влиянию далеко

превзошла соседей. Поселенцы Виктории обеспечивали шестую часть британского импорта шерсти и треть мировой добычи золота; золотой поток из Австралии был столь велик, что оказал влияние на всю мировую экономику, замедлив на какое-то время катастрофический спад производства в Европе, предсказанный Марксом и Энгельсом.

Население колонии выросло до полумиллиона, составив около половины белого населения континента, а Мельбурн с его 140 000 жителей занял ведущее положение в жизни страны, отобрав эту роль у своего давнего соперника — Сиднея. В это кипучее десятилетие родился новый тип поселенца. За исключением представителей национальных меньшинств — 34 000 китайцев, 10 000 немцев и 2500 американцев — остальные жители Виктории были английского, ирландского или шотландского происхождения, и, хотя они всё еще находились под сильным влиянием британских традиций и нравов, новая жизнь меняла этих людей и физически, и психически. Они все чаще называли себя не англичанами, ирландцами или шотландцами, а *австралийцами*. Эти люди относились с куда меньшим пиететом к классовым различиям, в их среде постепенно крепились уверенность в себе и чуть окрашенная бравадой готовность сразиться с трудностями.

Новый тип характера представлял собой смесь практичности, азарта, независимости по отношению к властям и нередко сентиментальности. Австралиец обладал твердой волей, отличался деловой сметкой и готовностью к риску; однако за нарочито выказываемым презрением к устоям и традициям часто скрывалось ощущение глубокой провинциальности, своеобразный комплекс культурной неполноценности, компенсированный внешними проявлениями резкости и даже агрессивности. Тяготы выживания на далеком континенте с его внезапно обрушивающимися порой трагическими бедствиями и неудачами заставили австралийца относиться к жизни как к безжалостной борьбе: он ощущал себя обязанным состязаться как с неподатливой землей, так и со своими ближними. Каждый здесь был за себя. Потому, если в конце концов он находил друга, человека, которому можно было доверять, он привязывался к нему всей душой и верил ему до конца. Виктория никогда не была каторжной колонией, как Новый Южный Уэльс или Тасмания, тем не менее и здесь не прошли

бесследно времена, когда отверженный и бесправный заключенный искал союзников среди себе подобных для борьбы с тюремщиками и обществом, обрекшим его на заточение. Это, пожалуй, одно из самых поразительных ощущений в Австралии — клаустрофобия посреди безграничного пространства.

Что же принес этот новый человек континенту, который он захватил и присвоил? К аборигенам он испытывал смешанное чувство страха и презрения. Его не интересовали их образ жизни и обычаи, не заботила их судьба; черные люди были лишены в своей собственной стране всяких прав, и с ними обращались почти как с животными. К 1860 году аборигенов оттеснили далеко от Мельбурна и других крупных поселений. Во всей колонии их осталось несколько тысяч человек; коренных жителей косили оспа и другие завезенные белыми болезни, против которых был бессилён их организм.

Столь же безжалостно уничтожалась фауна Австралии. Уже в те времена в радиусе тридцати миль от Мельбурна встреча с кенгуру стала редкостью, а из многих тысяч коал, обитавших по берегам реки Муррей, в живых не осталось ни одного. Чарльз Дарвин, возвращаясь в Англию из кругосветного путешествия на корабле «Бигль», писал об Австралии: «Всего несколько лет назад эта страна изобиловала дикими животными; ныне же эму и кенгуру согнаны с привычных мест; для обоих видов страшным бедствием оказались английские борзые; возможно, что до полного уничтожения еще далеко, но судьба их предрешена».

Проблема выбора стояла жестко: земля требовалась для сельского хозяйства страны, входившей в эпоху бурного развития; наступала эра овцеводства и разведения кроликов, эра каменщиков и шахтеров. После миллионов лет полной изоляции Австралия попала в руки людей, стремившихся к немедленной выгоде. Эксплуатируя природные ресурсы, они одновременно насаждали чужеродную цивилизацию.

Во всем происходящем не было ничего сверхъестественного; такой же процесс уже произошел в Америке, он начинался в ряде колоний Африки и многих других местах земного шара, куда проник белый человек. Новым в Австралии 1860 года оказалось то, что поселенцы не смогли не только «приручить», но даже исследовать попавший к ним в руки материк. Они лепились вдоль его южной и восточной кромки. Сидней, Мельбурн, Аде-

лаида и Брисбен с прилегающими городками и поселками выглядели точками на континенте размером с Соединенные Штаты. Все они — прачки и рудокопы, лавочники и грузчики, раскатывавшие в экипажах по Коллинз-стрит нувориши, дамы в кринолинах и господа в крахмальных воротничках и цилиндрах, потягивавшие шампанское на балах в Выставочном павильоне,— все они жили в маленькой капсуле, словно подвешенные в пространстве. И любой шаг за пределы обитаемого мира мог стоить жизни.

За три четверти века на карту была нанесена лишь береговая линия открытого мореплавателями континента, но в глубь его удалось проникнуть лишь немногим смельчакам. Чем дальше от берега, тем суше становилась местность и свирепее жара; парадоксально, но именно зной и отсутствие воды породили в воспаленном воображении колонистов убеждение, что рано или поздно в центре континента откроется... «Средиземное море». Напрасно географы доказывали бесплодность этой гипотезы — легенда о море оказалась невероятно живучей. В центре континента еще никому не удалось побывать, поэтому никто точно не знал, что же все-таки там находится; полдюжины экспедиций, рискнувших отправиться в глубь материка, вернулись с полпути, и это обстоятельство иррациональным образом укрепило миф.

Многое в рассказах об этих походах напоминает вторичное открытие Сахары в XIX веке. И африканские, и австралийские путешественники повествуют о сухом целительном воздухе, холодных ночах, непереносимой дневной жаре, мучительной жажде, миражах и ощущении безбрежности пустыни, где человек превращался в крошечный атом, на который обрушиваются грозные силы природы.

Пустыня неодолимо манила землепроходцев; они обретали в ней волнующее чувство свободы, духовного очищения и даже физического обновления; поэтому как бы ни были тяжелы перенесенные лишения, они снова стремились туда. Все путешественники, как известно, охотно рассказывают о выпавших на их долю невзгодах, но австралийские первопроходцы возводили опасности в некий культ. Поход грезился им каким-то мистическим *поиском неведомого*, а это требовало полной самоотдачи, вдохновения и аскетизма. Вот как звучат описания Уорбертона, открывшего озеро Эйр:

«Высохшая котловина являла собой жуткую карти-

ну. Мучимому жаждой усталому путнику, добравшемуся до этих берегов, не останется ничего иного, как духнуть на песок и встретить свою судьбу с покаянием и смирением. Ступить ногой в озеро Эйр означает отрезать себя от всего человечества. Со мной был верный друг, добрый конь, немного чая и запас испеченных в золе пресных лепешек; как замороженный смотрел я на озеро, не в силах постичь, что же передо мной — земля, вола или небо, и невольно думал, что довелось бы мне испытать, окажись я тут один в менее удачных обстоятельствах».

Австралийский географ Гриффит Тейлор, цитируя этот абзац, замечает, насколько разительно сходство между внутренними областями Австралии и Сахарой. По его убеждению, пустыни Австралии защитили материк от переселенцев из Юго-Восточной Азии точно так же, как Сахара преградила путь иммиграции из Европы в Центральную Африку. Тейлор видит сходство и между крупнейшими реками — австралийским Мурреем и африканским Нилом: Муррей тоже берет начало в горном районе, вбирает множество притоков, а затем течет по пустыне, где на протяжении 800 миль в него впадает один-единственный приток — река Дарлинг.

Идея о внутреннем море родилась не случайно: все известные к тому времени горы располагались влоль восточного побережья, а все главные реки — Муррей, Дарлинг и Маррамбилжи — текли с этих гор на запад, внутрь континента. Должны же они были куда-то впадать! Между тем на западе между 20 и 32 южной параллелью и 115 и 140 меридианом лежало гигантское неизведанное пространство длиной 1600 и шириной 800 миль — площадью в половину Европы. Австралийцы окрестили его «зловещим пятном».

Глава 2

СТЕРТ

Экспедиции 40—50-х годов прошлого века принесли немало сведений о центральных районах континента, и первым в когорте славных путешественников той поры следует назвать Чарльза Стерта. По странности судьбы имя этого самого образованного, самого упорного и от-

важного исследователя Австралии не пользуется достаточной известностью, хотя он заслужил ее в полной мере.

Стерт родился в Индии в семье британского офицера и подобно большинству детей этого круга был отправлен в раннем возрасте на воспитание в Англию; образование он получил в закрытой частной школе в Хэрроу, а затем в кадетском корпусе. К 1814 году, когда ему исполнилось девятнадцать лет, Стерт уже успел побывать в сражениях — против французов на Пиренейском полуострове с армией Веллингтона и против американцев в Канаде. После Ватерлоо Стерт продолжает гарнизонную службу во Франции, а затем в Ирландии, куда переводят его полк. В 1823 году его производят в лейтенанты, а два года спустя — в капитаны, после чего он получает назначение в Австралию, в Новый Южный Уэльс, начальником охраны мест заключения. Из скудных деталей биографии вырисовывается типичная фигура служаки начала XIX века: задиристый молодой офицер, невежда в политике и беззастенчивый карьерист, готовый крушить любого противника имперских устоев, будь то американский повстанец, ирландский крестьянин или английский каторжник. Ему скорее пошел бы мундир полицейского, а не солдата.

На самом деле портрет не имеет даже отдаленного сходства с оригиналом. Высокий худощавый блондин с тонкими чертами лица, Стерт обладал явным талантом рисовальщика и незаурядным писательским даром, увлекался ботаникой и минералогией. Меньше чем кому бы то ни было ему нравилось тянуть ляжку гарнизонного офицера или держать в страхе колонию уголовников. Но в 20-х годах XIX века у профессионального военного без копейки за душой был небольшой выбор... Вот почему в возрасте тридцати лет Стерт отправляется в Австралию навстречу своей судьбе и через шесть месяцев прибывает в Сидней. Губернатор Дарлинг, быстро оценив умного, уравновешенного молодого человека, предложил ему стать своим личным секретарем.

К 1827 году Сидней окружали кукурузные поля и фруктовые сады, спускавшиеся к морю, где в гавани ежедневно швартовалось до 40—50 парусных судов. Но в 1828 году Сиднейский округ поразила засуха, уничтожившая весь урожай, и поселенцы двинулись на новые места в надежде найти за прибрежными горами плодородные земли. Стерт присоединился к группе молодых

людей, горевших желанием обнаружить «австралийское Средиземное море», а в следующем году уже возглавил собственный отряд, отправившийся в глубь континента. С шестью заключенными, взятыми в качестве носильщиков, Стерт двинулся вдоль реки Маккуори и добрался до болотистой местности, где Маккуори впадает в крупную, текущую на запад реку; ее он назвал Дарлинг в честь своего шефа. Спустя год Стерт снова отправился в путь, на сей раз таща за собой волоком лодку. Дойдя до реки Маррамбиджи, он спустился по ней до другой крупной реки — Муррей, доплыл до места впадения в нее Дарлинга, а затем попал в бухту Александрина.

В результате этого плавания, преодолев в общей сложности более 2000 миль, Стерт выявил всю речную систему юга Австралии. Беспрецедентное путешествие принесло ему заслуженную славу, губернатор Сиднея выделил Стерту участок земли. Последующие десять лет Стерт вынужден был провести на своей ферме: экспедиция подорвала его здоровье и катастрофически испортила зрение. Наконец в 1839 году Стерта назначают генеральным инспектором в Аделаиду. Однако чиновничья жизнь ему не по душе, и он неоднократно предлагает свои услуги в качестве руководителя новых экспедиций. Стерта не оставляла мечта найти море в сердце континента. «Меня одолевала навязчивая мысль, — писал он впоследствии, — что центральное море лежит недалеко от Дарлинга, на широте 29° , и мне следует отправиться туда, подготовившись для морского путешествия». Наблюдая за попугаями, в том числе и какаду, улетающими на север, он еще больше уверился, что там, за пустынными областями к северу от Аделаиды, раскинулись «влажные долины».

В 1840 году его друг, Эдвард Джон Эйр отправился из Аделаиды к центру континента; Стерт, который не мог оставить службу и все еще страдал от расстройства зрения, с сожалением проводил его в поход. Вскоре, однако, Эйр вернулся: ему не удалось пробиться дальше горы Маунт-Хоуплес и солончаковых болот вокруг озера Торренс примерно в 400 милях севернее Аделаиды. Маунт-Хоуплес в действительности представлял собой не очень высокий холм с плоской вершиной, похожий на множество других, в обилии разбросанных в этой суровой местности. «Когда мы поднялись на вершину горы, — писал Эйр, — перед нами открылась мрач-

ная, безнадежная перспектива»: одни голые скалы и песок до самого горизонта. Эйр назвал ее горой Безнадежности, подкрепив тем самым свое решение «не тратить больше ни времени, ни сил на этот пустынный бесплодный край», и вернулся в цивилизованный мир. Стерта это сообщение не обескуражило. «Любой из вас,— говорил он, обращаясь к колонистам,— положив перед собой карту Австралии и увидев зловещее белое пятно, подступающее к нашим поселениям, почтет за честь первым пересечь его».

Наконец в 1844 году власти колонии разрешили ему организовать экспедицию. К этому времени Стерту исполнилось 49 лет, но он был физически крепок, а зрение значительно улучшилось. За зиму он подготовился к походу. Экспедиция, состоявшая из 16 человек, была экипирована основательно: 11 лошадей, 30 волов, 200 овец (для провианта), большая лодка, несколько тяжелых телег и запас сухих продуктов на год. Картографом экспедиции стал невысокий, худощавый шотландский офицер по имени Джон Макдауел Стюарт. Среди провожавших находился близкий друг Стерта, адвокат Чарлз Купер, впоследствии ставший верховным судьей колонии Южная Австралия. После прощального завтрака, устроенного отцами Аделаиды, Стерт надел соломенную шляпу, сел на своего верного коня Дункана и тронулся в путь.

Доехав до устья реки Муррей, караван двинулся берегом вверх по течению до ее слияния с Дарлингом. Пройдя около 180 миль, экспедиция достигла озера Каундилла вблизи местечка Менинди; соорудив там надежный склад, она взяла курс на северо-запад, в неведомое. Стоял октябрь, и, хотя уже приближалось лето, воды в ручьях и колодцах было предостаточно; все участники похода чувствовали себя хорошо. Чтобы успокоить оставшихся дома друзей, а возможно, подбодрить самого себя, Стерт отправил в Аделаиду письмо следующего содержания: «Похоже, мы на пути к успеху, впереди лежат моря и горы... Здесь обитают странные птицы с радужным оперением и растут необычные растения... Счастливейший день наступит, когда мы спустим лодку и поплывем по неведомому морю к Южному тропику».

Но мечты мечтами, а пока что земля оставалась сухой и такой плоской, что когда они добрались до гряды приземистых растянувшихся поравнине холмов, это по-

казалось им целым событием. Самый высокий холм путешественники окрестили Писовым Колпаком — тот сильно смахивал на островерхую шляпу интенданта экспедиции Луи Писа. У подножия холма Стерт обнаружил железнорудную жилу с сильными магнитными свойствами, и впоследствии горные инженеры проявили большой интерес к этому открытию.

Центр Австралии — место чудовищных крайностей. «Пустыня вдруг превращается в немыслимый потоп, — писал один из ранних географов. — Количество осадков может составить семь сантиметров на один год и семьдесят — в другой. Тогда русла криков² после десятилетнего перерыва превращаются в бурные потоки, а земля — твердая, как камень, — за ночь покрывается ковром диких цветов и молодой травы».

Стерт и его люди не могли знать, что предстоящее лето окажется одним из самых знойных, когда-либо зарегистрированных метеорологами. Конец 1844 года застал их, когда они медленно переваливали через холм в северном направлении — библейская вереница путников с телегами, запряженными волами, и стадом овец. К началу 1845 года добрались до 29° широты и здесь застряли на шесть месяцев, прикованные к источнику: земля вокруг высохла настолько, что пути не было ни вперед, ни назад до наступления сезона дождей.

Экстремальные температуры в центральных районах Австралии обычно переносятся довольно легко благодаря сухости воздуха, но в тот год жара выдалась особенно мучительной. Ртуть в термометре поднималась до 55° в тени и 70°С на солнце. Земля прокалилась больше чем на метр в глубину, из деревянных ящиков с треском вылетали гвозди, а роговые гребенки крошились на мелкие кусочки. У людей переставали расти волосы, ногти становились ломкими, как стекло. Стерт перестал вести дневник, потому что из карандашей вываливались грифели, а чернила высыхали в ту же секунду, когда перо касалось бумаги. В лагере началась цинга, один человек умер; помощи ждать было неоткуда посреди огромной пустыни — даже птицы покинули этот ад, по растрескавшейся земле бегали лишь ящерицы и муравьи. Аборигены, встреченные экспедицией несколько месяцев назад, давно уже убралась из этих мест, ска-

² Периодически пересыхающие реки. В Австралии в сухое время года многие крики распадаются на ряд разобщенных водоемов.—
Примеч. пер.

зав, что воды тут нет и не будет, поскольку «солнце вы-
пило ее всю».

«На небе не было ни единого пятнышка,— вспоминал Стерт,— и ослепительно яркая луна безумно действовала на нервы. Спрятаться от ее света не представлялось возможным, и это оказалось одним из самых тяжелых испытаний».

К апрелю жара немного спала и на горизонте стали набухать грозовые облака. Наконец 12 июля пошел дождь, пока робкий, мелкий, но через несколько дней уже лил как из ведра. Теперь приходилось мириться с наводнениями, ночным холодом и даже заморозками, зато можно было двинуться в путь. Жизнь возвращалась на истомленную землю — вновь появились лебеди, утки и другие перелетные птицы. Стерту пришлось отослать часть людей домой в Аделаиду; сам он с оставшимися направился дальше на северо-запад. В месте, названном им Форт-Грей, неподалеку от северо-западной границы Нового Южного Уэльса, он устроил еще один базовый лагерь, где и оставил почти всех членов экспедиции. Дальше Стерт пошел лишь с одним молодым спутником по имени Джон Харрис-Брауни. С собой они взяли провизии на пятнадцать недель. Путешественники достигли реки, названной Стертом Стшеллецки-Крик³, и продолжали путь на север, пока не оказались в странной местности, где лошадиные копыта высекали искры из твердых как кремь камней и не оставляли следов. Со всех сторон громоздились «крутые почти непроходимые песчаные дюны огненно-красного цвета». Эта песчаная гряда, продолжает Стерт, «похожа на застывшие морские волны, поднимавшиеся посреди гигантской равнины, где, кроме полоски низких деревцев далеко на северо-востоке и единственного сверкающего на солнце скального выступа, ничто не нарушает убийственной монотонности...»

Стерт нарек эту местность Каменной пустыней. За ней ему все еще мнился «приморский край», куда он стремился всей душой; пока же путники видели перед собой только дюны. В конце августа, добравшись до точки на 25° ю. ш. и 139° в. д., Стерт потерял надежду найти море в этой стороне. Земля вновь стала высыхать

³ В честь польского путешественника, открывшего и покорившего северу от границы между Новым Южным Уэльсом и Викторией.—

Примеч. авт.
го гору Косцюшко, высочайшую вершину Австралии, расположенную

и трескаться — иногда буквально разверзаясь огромными щелями, издалека доносились взрывы, словно где-то у горизонта палили пушки. Стерт решил, что это воспламенялись «газовые эманации»; на самом же деле это из-за резкого перепада дневных и ночных температур от скал с треском откалывались каменные глыбы. 8 сентября они повернули обратно. «Поверьте,— писал Стерт,— у меня были самые серьезные причины для возвращения, иначе я ни за что бы не отступил. Трудно себе представить, сколь мучителен этот маршрут».

Назад они пробивались сквозь красные дюны, между которыми лежали похожие на белые глиняные чаши влией⁴; на небе не появилось ни единого облачка, это был край контрастных цветов — красного, белого, синего. Стерт очень переживал неудачу, хотя, строго говоря, ее вполне можно назвать «полупобедой»: пусть путешественникам и не удалось добраться до центра континента, они прошли дальше, чем кто-либо до них. К концу седьмой недели, покрыв около 900 миль, путешественники появились в Форт-Грее; и лошади и люди к тому времени превратились в сущие скелеты.

Стоял уже октябрь 1845 года, экспедиция была отрезана от внешнего мира четырнадцать месяцев. Но Стерт не хотел возвращаться в Аделаиду. Надо сказать, что всех австралийских первопроходцев охватывала какая-то маниакальная страсть: они отчаянно стремились вперед, наперекор стихиям, не имея четко определенной цели; они шли до тех пор, пока хватало сил, и лишь достигнув предела физических возможностей, поворачивали назад.

После короткого отдыха, верней передышки, Стерт вновь выступил на север, на сей раз вместе с картографом Макдавелом Стюартом и еще двумя спутниками по фамилии Мак и Морган. Они двинулись верхом, взяв с собой четырех вьючных лошадей, рассчитывая пробыть в пути несколько месяцев. Базовый лагерь Форт-Грей оставили на попечении Харриса-Брауни; Стерт наказал ему покинуть место только в случае нехватки воды или серьезной болезни кого-либо. Тогда ему надлежало вложить записку с указанием маршрута движения в бутылку и зарыть ее под условленным деревом. Харрис-Брауни был преданным другом Стерта и всячески противил-

⁴ Впадины круглой или овальной формы, образующиеся на поверхностных рыхлых отложениях. Поперечник от нескольких метров до нескольких километров.— *Примеч. пер.*

ся своей новой роли, но руководитель оставался непреклонен.

9 октября маленькая группа скрылась в скрэбе⁵. В воздухе уже чувствовалось приближение дождей. В день они преодолевали по 30 миль и более, отклоняясь к востоку от предыдущего маршрута, пересекли русло Стшеллецки-Крик и оказались на песчаной равнине. Впереди на фоне далеких холмов они заметили вдруг лес эвкалиптов. Лошади сами понесли их к деревьям, за которыми открылась «местность, напоминающая ухоженный парк на берегах волшебного водоема, густо населенного пернатой дичью». На завтрак путешественники подстрелили трех уток. Подкрепившись, они двинулись дальше на север и в полумиле увидели еще один водоем «шире и красивее предыдущего... с зеркальной водной гладью». Ширина его была метров двести, а крутые берега, густо заросшие эвкалиптами, поднимались на пять-шесть метров. Аборигены выжгли пожухлую прошлогоднюю траву, и кое-где уже успели появиться молодые побеги. Вода отражала зелень и казалась изумрудной. Стерт намеревался остановиться здесь на дневку, но разразившаяся гроза изменила планы — грешно было не воспользоваться дождем, и он решил продолжить путь на север.

В его сознании вновь замаячила надежда отыскать внутреннее море, но горечь разочарования не заставила долго ждать: путешественники во второй раз попали в Каменную пустыню. «Оказавшись неожиданно в этом гиблом месте,— напишет Стерт,— я почувствовал, что сердце у меня упало. Пустыня выглядела еще более отталкивающе, чем раньше. Ни травинки, ни деревца, ни намек на тень,— ничего, на чем можно было бы остановить взгляд. Сплошное безмолвие. Мы продолжали путь, ориентируясь по компасу, словно в открытом море».

Попытка вновь оказалась тщетной — чем дальше они ехали, тем суше становилась земля. К концу октября запас воды почти истощился, оставался единственный выход — отступить.

И вот тут пустыня показала людям свой грозный лик. Почти все колодцы, открытые ими по пути на север, пересохли. «На первом привале,— писал Стерт,— мучимые жаждой кони отказались от еды; они сбились

⁵ Сообщества низкорослых кустарников высотой до двух метров в засушливых районах Австралии.— *Примеч. пер.*

кучкой, а мой серый любимец тыкал носом в мою шляпу, пытаюсь обратить на себя внимание». Случайно путники заметили, как голубь, трепыхавшийся невдалеке, исчез вдруг в неглубокой ложине. Дно ее было покрыто глинистой жижей, на которую набросились лошади. До волшебного крика оставалось еще 92 мили, запас воды иссяк окончательно, поэтому пришлось ехать всю ночь при свете керосиновой лампы. Лишь 28 октября, полумертвые от жажды, они ступили на берег водоема в тень деревьев.

Здесь их поджидала новая напасть — мухи и комары; насекомые вились тучами над головой, лица приходилось обматывать марлей, но по сравнению с пережитым это были пустяки: путники могли пить вволю, купаться и лакомиться подстреленными утками. Немного придя в себя, Стерт повел экспедицию вверх по течению крика, считая, что теперь, наконец, они идут по верному пути и впереди их ждет если не море, то большое озеро. Действительно, множество признаков подкрепляло надежду. По земле тянулись цепочки следов аборигенов, между деревьями виднелись их сложенные из ветвей хижины; на протяжении пяти миль путешественники встретили восемь становищ.

Следует подчеркнуть, что Стерт обращался с аборигенами с редкой среди австралийских исследователей доброжелательностью. В отличие от других он не выказывал по отношению к «дикарям» высокомерного презрения, напротив, он стремился понять их, и аборигены платили ему в ответ тем же; подчас их дружелюбие, не без смущения отмечал Стерт, превосходило всякие ожидания, например, когда аборигены предлагали путешественникам провести ночь со своими женами. По свидетельству Стерта, полуголодное существование не лишало этих людей жизнерадостности, они были готовы смеяться по любому поводу и вести беседу до утра. Аборигены не носили одежды и по ночам страдали от холода; однажды Стерт разорвал пополам свое одеяло и отдал половину дрожащему старику. Особое восхищение вызывало у Стерта умение аборигенов предсказывать погоду по положению луны и другим признакам. «Их зрение и обоняние столь остры,— писал он,— что им нет нужды держать собак».

Первые черные люди, встретившиеся им по пути недалеко от Мешипди, отличались невероятной худобой от хронического недоедания и были запуганы до край-

ности; увидев человека на лошади, они, вероятно, решили, что это одно существо — кентавр — и в ужасе бросились прочь, когда всадник спешил. Здесь, у зеленой реки, аборигены были куда более крепкого телосложения, особенно мужчины — рослые, ловкие, с обаятельными улыбками, которые портили лишь удаленные согласно ритуалу передние зубы. Они прекрасно владели навыками выживания: ловили сетями рыбу, доставали со дна моллюсков, без промаха разили дротиками птиц, а из семян растения *нарду* мололи грубую муку и пекли из нее лепешки.

Стерт подолгу расспрашивал аборигенов о ближних и дальних землях. Разговор велся с помощью мимики и жестов. Судя по движениям рук, напоминавшим веселую греблю, дальше к востоку должен лежать огромный водоем. Окрыленные надеждой, всадники заторопились в том направлении. Проехав около 20 миль, они увидели, что русло крика делится на множество мелких рукавов и проток, поросших густейшим кустарником и могучими деревьями. Зеленый край выглядел какой-то феерией, непохожей на все, что они видели раньше.

Первого ноября экспедиция вышла к озеру. У Стерта перехватило дыхание — над водой носились чайки! Неужели близко море? Дальше на восток тянулась цепь крупных озер густого синего цвета, очень соленых. Здесь взору путников предстала странная сцена: по берегу озера быстрым шагом, почти бегом, двигалась группа из семи аборигенов, и все семеро безутешно рыдали в голос; их вопли разносились далеко вокруг. Выяснить причину несчастья Стерту не удалось, и в конце концов он распорядился продолжать путь, оставив им в подарок свою шинель.

Спустя несколько дней, отойдя на 120 миль от базового лагеря, путешественники столкнулись с огромной толпой человек в четырехста — такого скопления аборигенов им еще не доводилось встречать. Мужчины были атлетического сложения, без племенных шрамов на теле, с целыми зубами. Испугавшись поначалу при виде лошадей, они затем повели себя крайне дружелюбно, одарили путников утками и лепешками, налили воды в корытца из коры и напоили лошадей. К сожалению, беседа с ними похоронила надежду Стерта найти море: аборигены утверждали, что дальше вода начинает убывать и на востоке нет ничего, кроме пустыни. Действительно, проехав немного в этом направлении, Стерт

очутился среди болот, за которыми опять простиривалась рыжая плоская равнина...

Всё, теперь уже не оставалось ничего другого, как возвращаться домой. Они двинулись обратно вдоль крика, а затем повернули на юг к Форт-Грею. Стерт записал в дневнике: «Перед тем, как навсегда покинуть местность, где столько раз пробуждались и угасали наши надежды, я дал имя красивейшей заводи, по берегу которой мы следовали с таким волнением. Я назвал ее Куперс-Крик в честь мистера Купера, судьи Южной Австралии». И добавил: «Я бы с превеликим удовольствием обозначил эту заводь как реку, однако она не имеет течения, поэтому я не чувствую себя вправе погрешить против истины».

Дорога до Форт-Грея уготовила им самые тяжкие испытания за все время экспедиции. Задул свирепый горячий ветер; ртуть в термометре подскочила до отметки 53°C, и прибор, не выдержав, лопнул; лошади стояли понурив головы, «птицы смолкли, листья сыпались с деревьев так, словно поднялась снежная метель. Я боялся, что вот-вот загорится трава». Когда ослабевшие животные стали спотыкаться и падать, Стерт и Стюарт решили оставить спутников, а самим сделать рывок до Форт-Грея и вернуться с подкреплением. На последнем этапе до базового лагеря они не слезали с лошадей пятнадцать часов.

Трясаясь в седле, Стерт с ужасом думал о том, что в лагере могли иссякнуть запасы воды и Харрису-Брауни пришлось уйти. Он старался отогнать черные мысли, но когда двое вконец измученных всадников добрались до места, его самые мрачные предчувствия оправдались. Лагерь был пуст. Провизия, животные, люди — все исчезло. «Силы оставили меня,— писал Стерт,— хотелось упасть ничком па эту иссохшую землю и больше не подниматься».

Спешившись, они подошли к условленному дереву и вырыли бутылку с запиской от Харрис-Брауни. В ней говорилось, что ему пришлось перекочевать к другому колодцу в 67 милях отсюда, поскольку вода в Форт-Грее протухла, и в лагере началась дизентерия. За доказательствами не надо было далеко ходить: вода в маленькой лужице действительно стала зеленоватого цвета и покрылась скользкой тиной.

Так и не утолив ни жажды, ни голода, Стерт и Стюарт улеглись на землю и заснули. На следующий день

Мак и Морган дотащились до лагеря, бросив по дороге всю провизию и оставшихся овец. Увидев ситуацию в Форт-Грее, Мак молча сел на самую крепкую лошадь, поехал обратно и подобрал провиант и чайник. Час спустя они испекли в золе лепешку и вскипятили немного мутноватой жижи. Это была вся их еда и питье за два дня.

Бросок в 67 миль к новому лагерю был, как пишет Стерт, «изнурительным сверх всякой меры»; каким-то чудом им удалось добраться живыми, проведя в седле двадцать часов без отдыха. При въезде в лагерь Стерт потерял сознание, на следующий день у него почернела кожа, а мышцы свела судорога. Лишь три недели спустя он смог двигаться, и экспедиция, теперь уже в полном составе, выступила к Дарлингу.

До реки оставалось 270 миль. Близилась середина лета — их второго лета в пустыне; снова наваливалась нестерпимая жара. «Горячий ветер наполнял воздух мельчайшей пылью, сквозь которую с трудом просвечивало кроваво-красное солнце; вся растительность казалась мертвой. Земля раскалилась настолько, что случайно оброненная спичка мгновенно вспыхивала... Вокруг царил могильная тишина». Они ехали ночью, Стерт беспомощно лежал в телеге. 21 декабря путники добрались до базы около Менинди. Дарлинг уже не тек, но в сухом русле еще оставались небольшие лужи. Наконец в середине января 1846 года после тяжелых мучений экспедиция вернулась в Аделаиду. Когда Стерт среди ночи появился на пороге своего дома, жена, взглянув на него, упала в обморок.

Несмотря на то что на долю первопроходцев выпали тяжелейшие испытания даже по тогдашним меркам, — а, надо признать, люди в ту эпоху были выносливее, чем сейчас, — экспедиция привезла богатую добычу. Да, главной цели достичь не удалось, тем не менее путешественники, не дойдя всего 150 миль до центра материка, прожили в пустыне больше года, оторванные от всего мира, словно астронавты на чужой планете; собранная ими информация представляла огромную ценность. Отныне те, кто пойдут по стопам Стерта, будут знать, что их ждет в летние месяцы, каким объемом воды и провизии следует запастись, насколько велика опасность цинги и других болезней. Экспедиция Стерта также доказала, что аборигены не являются врагами белых, более того — они могут стать незаменимыми помощни-

ками при условии, конечно, что с ними будут обращаться по-человечески.

Стерт привез более сотни образцов растений и минералов, благодаря которым впоследствии в центре Австралии открыли многие рудные месторождения. Он составил описания увиденных диких животных; поражает, насколько точными и исчерпывающими оказались характеристики, данные им обитающим возле водоемов птицам — с тех пор они не нуждались в поправках. Стерт наблюдал, как хищные птицы (ястребы и орлы), следуя по путям миграции в глубь континента, наводят страх на мелких птиц, стрелой падая на них с неба в момент, когда те спускаются на водопой. Стерт рассказывает о таких видах, как хохлатая славка, «которую можно услышать во время дневного зноя, когда все другие птицы молчат»; о розовых какаду и черных лебедях, которые ночью при яркой луне почему-то начинают летать; о ржанке «с ее какими-то особенно грустными трелями, звенящими в безмолвной пустыне»; о желтохохлых какаду, несущих по очереди караульную службу, пока их собратья кормятся на земле; о чайках, нашедших пристанище на Куперс-Крике, в 500 милях от моря. Стерт заметил около десятка видов уток, а также «голубя-чревопещателя», который при малейшем повороте шеи издавал звук такой силы, что он, казалось, уносился на край пустыни. Встречались ему и лягушкороты с рыжевато-коричневыми плечиками и ртом до ушей, кучками сидевшие, полузакрыв глазки, на ветках, склонив друг к другу головки, словно прихожане в церкви; австралийская сорока — уродливая птица с грязновато-серым оперением, владеющая искусством имитировать любые звуки. Один из таких уродцев повадился залетать по утрам в лагерь, старательно воспроизводя мелодию, которую насвистывали спутники Стерта.

Не раз за время долгого пути птицы несли спасение экспедиции. «*Amadina castanotus*, — писал Стерт, — делалась для нас вестником удачи. Заслышав ее пение, мы уже знали, что поблизости есть вода, — и каждый раз при звуках знакомой мелодии радостно переглядывались и ободрялись духом... Ястребы сеяли смерть среди этих беззаботных птичек и порой, налетая на них, утаскивали сразу по две».

Описывает он и серых соколов: «Однажды майским воскресеньем во время утренней молитвы мистер Пис увидел самца и самку, круживших высоко в небе. Не-

ожиданно они слетели вниз и устроились на ветвях дерева, росшего на берегу подле самой воды. Пис взял ружье и застрелил одну из них; другая немедленно упорхнула, но вскоре вернулась взглянуть на потерянного друга и разделила его судьбу. Ничто не может сравниться с изысканной красотой этих птиц. Их ярко-желтые лапки, восковины на клюве, синевато-серое оперенье и густая кайма по краям каждого перышка были совершенно ослепительны, но очень скоро поблекли после смерти, обретя тусклый безжизненный оттенок».

Столь же красочно описывает Стерт животных, например динго, «чьи костлявые фигуры, словно призраки, вдруг возникали в лунном свете, и тогда было видно, как жестоко обошлась судьба с этими существами».

Особой похвалы заслуживает Стерт на посту главы экспедиции. Тяжелые условия всегда обнажают человеческие характеры. Во время этого похода не возникало никаких разногласий, не говоря уже о раздорах, не было и частой в подобной ситуации борьбы самолюбий среди его людей. Несмотря на смертельную опасность, погиб только один человек. Вся экспедиция обошлась в 4000 фунтов, ненамного превысив отпущенную сумму. Тактика Стерта — система базовых складов и небольших разведывательных групп — оказалась превосходной. Его идея закладывать записки в бутылки, оставленные в условленном месте, и множество других новинок, в частности использование овец в качестве «живого провианта», очень пригодились будущим путешественникам. Те, кто шли по стопам Стерта, уже знали в общих чертах особенности фауны и флоры пустыни, контуры поверхности и ожидающие их сезонные перепады погоды. На карту были нанесены Менинди, Куперс-Крик и Каменная пустыня.

Стерту не довелось больше участвовать в экспедициях. Его зрение снова ухудшилось, и в 1853 году он вернулся в Англию, где умер шестнадцать лет спустя. Но его открытия проложили путь для новых исследований. Люди пытались пробиться к центру континента со всех сторон. Томас Ливингстон-Митчел, генеральный инспектор Нового Южного Уэльса, выйдя из Сиднея, совершил несколько рейдов и в результате открыл реку Викторю. Позднее его помощник Кеннеди проследовал вниз по ее течению и установил, что Викторя сливается с Куперс-Криком. Тем временем немецкий ботаник Людвиг Лейхгардт прошел по тропическому северу кон-

тинента до Порт-Эссингтона. В 1848 году он снова отправился в путь, на сей раз с восточного побережья, надеясь пересечь материк и закончить маршрут в Перте на западном берегу; больше его никто не видел.

Исчезновение Лейхгардта вызвало волнение среди поселенцев — долгие годы в Австралии ходили легенды об отчаянном белом человеке, заблудившемся в песках. Они обрастали все новыми и новыми подробностями; в результате Огастус Чарлз Грегори, генеральный инспектор Квинсленда, снарядил на поиски ботаника две экспедиционные группы, вышедшие по двум «вероятным» направлениям. Сам Грегори во главе первого отряда двинулся вдоль Куперс-Крика и в конце концов добрался до Маунт-Хоуплеса в Южной Австралии, тем самым соединив свой маршрут с путем, проложенным Стертом и Эйром двадцать лет назад. Позднее, в 1853 году удамой капитан по имени Френсис Кейделл пробился на маленьком пароходике через прибрежные отмели к устью Муррея, поднялся по реке до Суон-Хилла и вернулся назад к морю. Чуть позже он наладил паромное сообщение по Дарлингу с регулярными рейсами до Менинди. Это стало существенным событием в жизни колонистов.

Однако самым упорным и настойчивым путешественником оказался картограф Стерта — Джон Макдауел Стюарт. После экспедиции 1844 года он совершил несколько рейдов из Аделаиды, а в марте 1860 года стал готовиться к новому походу в центр континента.

За 25-й параллелью, куда дошла экспедиция Стерта, по-прежнему лежала *terra incognita*. Удастся ли наконец кому-нибудь пересечь материк с юга на север? Людьюми двигало не только любопытство или извечная тяга к неведомому, желание ступить на землю, где до тебя не побывала еще ни одна живая душа. Дело в том, что в 1860 году поселенцев австралийского Юга все еще отделяли от Англии и Европы два долгих месяца пути по морям и океанам. Появление пароходов ненамного убыстрило связь. Вот если бы удалось протянуть телеграфную линию от Аделаиды до северного побережья и там соединить ее с кабелем, уже проложенным через Индию до Юго-Восточной Азии...

Идея выглядела захватывающе. Если ее удастся реализовать, то ответ на посланный в Лондон вопрос пришел бы через несколько часов (пока что ожидание занимало четыре месяца). Кроме того, открывалась воз-

возможность наладить торговые связи с Юго-Восточной Азией через порты на северном побережье. Наконец, манила сама земля — пустынная и нетронутая; она никому не принадлежала, и первый пришедший мог за столбить ее. Казалось бы, лишения и страдания, выпавшие на долю Стерта, должны были отбить охоту у потенциальных землевладельцев, но здесь, как и в Сахаре, на горизонте маячили миражи: в пустыне открывались оазисы, доказательством чему служил Куперс-Крик, а где вода — там жизнь. В мечтах робкие надежды быстро превращались в реальность...

Таковы были причины, по которым колонисты Виктории сочли для себя настоятельной необходимостью снарядить в 1860 году трансконтинентальную экспедицию.

Глава 3

ЭКСПЕДИЦИЯ СОБИРАЕТСЯ

Философский институт Виктории представлял собой частное заведение, занимавшееся научными изысканиями. Он состоял из узкого круга лиц, пользовавшихся значительным влиянием в колонии. Не обладая никакой формальной властью, Институт, говоря современным языком, был частью истеблишмента, своего рода клубом правящей элиты. Членами кружка состояли новый губернатор сэр Генри Баркли и верховный судья сэр Уильям Стоуэлл. Среди прочих следует назвать лектора университета доктора Джона Макадама, ставшего вскоре видным политическим деятелем, лорд-мэра Мельбурна Ричарда Идеса, ботаника Фердинанда фон Мюллера⁶ и специалиста в области метеорологии Джорджа Нимейера; в списке мы также видим богатых коммерсантов и скваттеров, процветающих адвокатов, политиков и даже двух священников.

К концу 50-х годов королева пожаловала Институ-

⁶ Мюллер, холостяк-лютеранин, приехавший в Австралию из Германии, основал ботанический сад Виктории; благодаря ему эвкалипты были завезены в другие страны. Ученый и человек кипучей энергии, он собрал образцы флоры всего континента, состоял в переписке со множеством людей, собственноручно отправляя в год до 1000 писем.— *Примеч. авт.*

ту титул Королевского общества. Чтобы соответствовать новому статусу, оно заняло комфортабельный особняк на Виктория-стрит недалеко от здания парламента, где distinguished члены Общества в непринужденной обстановке проводили теперь свои «слушания».

При том обилии проблем, с которыми сталкивались поселенцы, осваивавшие Австралию, недостатка в темах дискуссий у ученых мужей не было; зачитывались доклады о геологических исследованиях на золотых приисках, об обычаях аборигенов, акклиматизации завезенных животных и растений, о движении небесных тел в Южном полушарии. Д-р Мюллер, побывавший с Грегори в Северной Австралии, вынес на рассмотрение вопрос об изучении внутренних областей континента, и в 1857 году Общество создало комиссию «по организации и снаряжению в Виктории экспедиции в видах пересечения Австралийского континента». В начале следующего года сэр Уильям Стоуэлл созвал заседание для обсуждения этого рискованного предприятия, на котором богатый делец по имени Амброс Кайт выразил готовность внести тысячу фунтов при условии, что еще две тысячи будут собраны в течение года за счет пожертвований.

Какое-то время вся затея висела в воздухе — как раз в этот период в делах колонии наступил спад; за одиннадцать месяцев удалось собрать лишь 900 фунтов. Пришлось отправить новый подписной лист «скваттерам, негодьям и другим джентльменам», и вскоре с каждой почтой стали приходить чеки, денежные переводы и наличные. Один деревенский священник внес 100 фунтов, Баркли выписал чек на 50 фунтов, капитан Кейделл обещал предоставить в распоряжение экспедиции пароходы на Муррее и Дарлинге; к назначенному сроку к тысяче Кайта добавились еще 2200 фунтов. Парламент Виктории, поначалу скептически отнесшийся к идее, проголосовал за субсидию в размере 6000 фунтов. Таким образом, Общество, имея на руках 9000 фунтов, получило возможность пачать подготовку.

Для организации предприятия учредили специальный комитет во главе со Стоуэллом и Макадамом в качестве секретаря. Прежде всего надлежало подобрать руководителя будущей экспедиции. Первым кандидатом был Грегори, уже совершивший поход к центру континента, но он отказался, предложив, в свою очередь, на это место майора Уорбертона, опытного исследователя из колонии Южная Австралия. Комитет, однако, отверг

его кандидатуру, считая, что главой экспедиции непременно должен стать житель Виктории, и поместил в мельбурнских газетах соответствующие объявления. Четырнадцать соискателей подали прошения, но к окончательному обсуждению оставили лишь шестерых претендентов. Одним из них был начальник полиции округа Каслмейн — Роберт О'Хара Берк. Большинством голосов — десять против пяти — Комитет избрал его на пост руководителя экспедиции.

Выбор по многим статьям представляется странным. Берк никогда прежде не участвовал в длительных походах и не имел никакой научной подготовки. Кроме того, он был ирландцем до мозга костей, а следует заметить (рискуя вызвать яростные возражения, как при всяком обобщении подобного рода), что в ирландском характере есть ряд черт — таких, как излишняя резкость и богатое воображение, своеволие и отчаянная храбрость, — которые парадоксальным образом служат в экспедиционных делах скорее недостатком, чем достоинством.

Из среды ирландцев вышли лучшие британские генералы, но ирландские имена редко встречаются среди первопроходцев Австралии, Африки, Азии и Америки. Для подобных предприятий противопоказана порывистость, исследовательские экспедиции требуют выдержки и упорства, огромного терпения и такта, методичности в ущерб эмоциям, наконец, умения отрешиться от всего постороннего, сосредоточившись на главной цели. Ирландец великолепен в лихой кавалерийской атаке и штыковом бою, но рытье траншей ему органически претит; последние качества скорей ассоциируются с шотландцами и англичанами (что вовсе не исключает ситуаций, когда шотландец или англичанин окажется несостоятельным, в то время как ирландец проявит незаурядное терпение и волю).

Берк вырос в имении Сент-Клеранс в графстве Галвэй в семье землевладельцев и военных. После окончания Королевского военного училища в Вулидже он поступил в кавалерийский полк, приданный австрийской армии. Когда полк расформировали, он вернулся в Ирландию, где служил констеблем, а затем получил пост инспектора полиции в колонии Виктория. В Австралию он прибыл как раз в период разгула страстей, вызванных «золотой лихорадкой», и быстро проявил армейские навыки. Когда старатели-европейцы учинили рас-

праву над двумя тысячами китайцев на Буклендских приисках, Берк во главе маленького отряда совершил пятидесятимильный марш-бросок к месту происшествия и железной рукой восстановил порядок.

В 1854 году, испросив годичный отпуск, он отбыл в Европу, чтобы принять участие в Крымской кампании, но опоздал: война уже кончилась. Берк возвратился в Викторию, где быстро получил пост начальника полиции в густонаселенном районе золотодобытчиков — Каслмейне. Ко времени назначения руководителем исследовательской экспедиции ему исполнилось 39 лет и он все еще не был женат.

Таковы официальные данные. Что касается личности Берка, то здесь суждения современников разноречивы. Вот как описывает Берка управляющий банком, хорошо его знавший: «Типичный ирландский сорвиголова с вполне заурядной внешностью и длинной бородой, в которой часто застревали остатки пищи. Вне службы часто расхаживал в нелепой, похожей на сомбреро шляпе, брюки неряшливо свисали мешком, поскольку он не носил помочей. В целом вид был весьма неопрятный... Про него рассказывают анекдотический случай, тем не менее имевший место в действительности: возвращаясь из Иаканданда в Бичуэрт, он заблудился на проторенной дороге и с трудом добрался до места назначения, опоздав на несколько часов. Путешественником его никак не назовешь...»

Другой современник пишет: «За резкими манерами скрывался мягкосердечный человек». И еще одна характеристика: «Он был добр и щедр до абсурда, но случись что-нибудь непредвиденное, и он терялся, приходя в такое замешательство, что лишался всякой способности к здравому разумению. Решившись на что-либо, он никогда не задумывался о последствиях. Будучи на службе человеком железной дисциплины, не терпел, если кто-то перечил ему».

«У Берка, — пишет следующий современник, — никогда не водилось фрака, ни даже белой рубашки, он одевался по-солдатски, хотя был джентльменом и чувствовал себя прекрасно в высшем обществе». (Последнее, по-видимому, намек на связи Берка с богатым семейством из Клонкарри.) За Берком числилось немало чудачеств. Так, сочтя однажды, что начинает толстеть, он приказал слуге тратить на еду не более шести пенсов в день. Он обожал будтыхаться в вырытом позади

дома бассейне, а после сидел на солнце нагишом, но в каске, с книгой в руке.

По общему мнению, Берк «был темпераментным, чудаковатым смельчаком... Он то ли не сознавал опасности, то ли упивался риском до степени безрассудства». Берк как бешеный носился на лошади по лесам и болотам, проявляя «такую прыть, что некоторые люди считали его не в своем уме». Берк обладал способностями к языкам и любил выписывать цитаты французских, немецких и итальянских поэтов, которые развешивал потом на стенах приемной в своем полицейском участке. Посетители, с любопытством разглядывая интригующие цитаты, вдруг застывали на месте, натолкнувшись на следующее объявление: «Читать написанное на стенах запрещается». Он охотно одалживал друзьям: «Деньги просачивались у него сквозь пальцы, едва он успевал получить жалованье». Иногда он исчезал из виду и не появлялся на работе несколько дней подряд.

Особое удовольствие доставляло ему доводить до белого каления одного судью, не терпевшего, когда хлопали его калиткой. Берк мог промчаться верхом 30 миль ради того, чтобы хлопнуть этой самой калиткой. Он слыл человеком богемным и, что удивительно для ирландца, был протестантом. А вот одно из существенных замечаний: «Худшего бушмена⁷ трудно вообразить — он всегда шел напролом».

Ходили упорные слухи о его романе с молоденькой актрисой Джулией Мэтьюз, приехавшей в Австралию петь в оперетте. Впервые Берк увидел ее на выступлении бродячей труппы, прибывшей на золотые прииски; по отзывам современников, это была «пышная и веселая» девица, весьма бойкая по тогдашним понятиям. Говорили, что он являлся на каждый ее концерт в Бичуэрте, а затем последовал за труппой. По рассказам одного из коллег по службе в полиции, Берк впал в полное отчаяние, когда Джулия ответила отказом на его предложение выйти за него замуж. Он купил пианино и несколько недель не вылезал из дома, разучивая с помощью учителя-немца ее песенки.

Так или иначе все сходятся в одном: Берк, несомненно, умел расположить к себе. Приехав в Мельбурн, где ему предстояло занять пост главы экспедиции, он приоделся, поселился в богатом пригороде — Ричмон-

⁷ Наименование обитателей австралийской глубинки, хорошо знакомых с условиями жизни в буше.— *Примеч. пер.*

де — и вступил в члены Мельбурнского клуба, представлявшего собой, как и Королевское общество, важный институт истеблишмента. Одна из дам описывает его следующим образом: «Познакомившись ближе с мистром Берком, мы прозвали его Рубакой — он действительно производил впечатление человека отважного и отчаянного, к тому же через все лицо у него тянулся огромный шрам от сабельного удара, полученного на дуэли еще в его бытность в кавалерии на австрийской службе. Все отмечали его прекрасные манеры; танцевать с ним было одно удовольствие».

Последнее описание внешности Берка никак не согласуется с его единственной сохранившейся фотографией, снятой вскоре после начала экспедиции. На дагерротипе видно холеное лицо, небольшую, начинающуюся со лба лысину, аккуратно подстриженную бороду — и ни малейших следов шрама. Глаза удивительно мягкие, взгляд романтический и задумчивый; в целом — лицо поэта.

Совершенно очевидно, что перед нами необычный характер, оказавшийся в необычных обстоятельствах. Вместе с тем нельзя не признать, что все поступки Берка отмечены какой-то бесшабашностью, отсутствием серьезности и целеустремленности. Непрерывные мотания верхом, легкомысленные поступки, страсть к богеме, сочетание мелочного педантизма на службе с нелепыми причудами вне ее, связь с актрисулькой — все это отдает наивностью и провинциализмом, качествами весьма далекими от вкусов джентльменов из Королевского общества. Он ничем не походил на Стерта и никак не соответствовал представлениям о *лидере*, руководителе исследовательского похода, которому можно доверить ответственное дело и человеческие жизни.

Почему же все-таки Комитет остановился на кандидатуре Берка? Конечно, сыграли свою роль обаяние и скромность, его храбрость и рвение не подлежали сомнению, послужной список выглядел безупречно, но, думается, ореол авантюриности оказался решающим для кабинетных «философов», искавших человека для похода в неведомое. Научную неосведомленность руководителя они рассчитывали компенсировать, включив в экспедицию ряд ученых, а тут у Комитета был богатый выбор.

Доктор Нимейер обещал свою помощь, по крайней мере на начальном этапе. Ботаником и врачом экспеди-

ции назначили доктора Германа Беклера, получившего образование в Мюнхене; это был методичный, скрупулезный работник, весьма компетентный в своей области, хотя как человек немного скучноватый. Пост натуралиста достался Людвигу Беккеру, еще одному немцу, отличавшемуся от доктора, как любили шутить, одной лишь буквой «л». На самом деле «фамильное» сходство тем и исчерпывалось. Беккер — громкоголосый жизнерадостный человек — был *дилетантом* в оригинальном значении этого слова. Он родился в Дармштадте в семье, обладавшей влиятельными связями: один его брат стал начальником штаба Гессенской армии, а второй — личным секретарем принца-консорта Англии и гувернером старших сыновей королевы Виктории. Людвиг, будучи непоседой, стал странствовать по свету; ко времени назначения в экспедицию он уже успел объездить всю Бразилию и девять лет прожить в Австралии, в том числе и на золотых приисках.

Губернатор Тасмании Денисон оставил красочное описание Беккера: «Людвиг из тех одаренных натур, которым все дается: талантливый натуралист, первоклассный геолог и знаток многих других наук, он прекрасно рисует, играет, поет... Странствуя по нашему острову, он зарабатывал рисованием портретов, и его миниатюры поистине замечательны. Отличается весьма странной внешностью, в глаза бросается обширная рыжая борода». Губернатор не слишком преувеличивал, аттестуя Беккера эпитетами в превосходной степени; среди его заслуг можно назвать одно из первых наиболее полных описаний птиц-лирохвостов, а рисунки, научные наблюдения и дневники Беккера (так никогда и не опубликованные) могут служить лучшими документами по истории экспедиции. К сожалению, у него был один серьезный недостаток для походов в глубь Австралии: ему исполнилось 52 года.

Важный пост топографа, в чьи обязанности входило нанесение на карту маршрута экспедиции, достался англичанину Уильяму Джону Уиллсу; его рекомендовал сам доктор Нимейер как человека проверенного и серьезного. Теперь мы знаем об Уиллсе довольно много из его писем, а также из книги, написанной его отцом; несомненно, это был талантливый молодой человек редкой добросовестности, по характеру — один из диккенсовских героев, прилежный, открытой души, умеющий страдать и готовый защищать всех обиженных.

Его отец, сельский врач, живший на юге Англии, не мог дать юноше хорошего образования; скромные возможности семьи не позволяли мечтать о колледже. Отец отправил Уильяма учиться медицине и химии в лондонскую больницу св. Варфоломея. Но молодого Уиллса куда больше влекли астрономия и метеорология; он обладал прекрасной способностью ориентироваться на местности и за каких-нибудь десять минут нашел выход из лабиринта в Хэмптон-Корте⁸. Едва у него появлялись деньги, он покупал научные приборы и инструменты. Излюбленным чтением Уильяма были «Письма к сыну» Честерфильда, а среди поэтов (которых он часто цитировал в письмах к родителям) предпочтение отдавал Поупу.

При «нормальном» ходе событий бедный, но многообещающий студент остался бы в Англии и со временем получил пост в научном учреждении. Однако жизнь сложилась иначе. В начале 50-х годов его отца захватила австралийская «золотая лихорадка», и доктор Уиллс отправил восемнадцатилетнего Уильяма с его младшим братом парохомом в Мельбурн, а вскоре сам последовал за сыновьями. Поначалу юноши работали пастухами за 30 фунтов в год на далекой овцеводческой ферме в Новом Южном Уэльсе; на сохранившейся фотографии они сняты в широченных соломенных шляпах, голубых рубашках навыпуск и парусиновых брюках. Затем, подобно сотням своих ровесников, они подались на Балларатские золотые прииски, где встретились с отцом.

В те времена Балларат выглядел так, будто подвергся сильной бомбардировке: повсюду зияли ямы, воронки, шурфы и траншеи, старатели орудовали чем ни попадя — одни воротом и корзинкой, другие — киркой и лопатой. Верхний слой земли промывали в специальных лотках, в воздухе стоял непрерывный гул голосов, грохот, стук, лягз. Старатели жили в палатках и хижинах из коры, но на главной улице уже теснились сколоченные на скорую руку бары и магазины. Сама улица тоннула в жидкой грязи зимой и клубах пыли летом, но покупатели подобрались некапризные. Был здесь и дешевый театрик, где золотоискатели из числа более удачливых собирались по вечерам пропустить стаканчик и поглазеть на представление варьете. Доктор Уиллс с

⁸ Знаменитый аттракцион в лондонском парке.— *Примеч. пер.*

помощью Уильяма поставил в центре городка палатку и открыл пункт медицинской помощи.

Молодой Уильям ненавидел царившую на приисках сумятицу — шальные деньги, повальное пьянство и ежевечерние драки в пивных барах; при первой же возможности он вырывался в буш, который успел полюбить и хорошо узнать. В 1858 году он писал матери в Англию: «Теперь, когда лихорадка на приисках стихает, люди вновь начинают обретать человеческий облик». Вскоре молодой человек находит место в Мельбурнской «Магнитной обсерватории», руководимой доктором Нимейером.

Уильям считал, что ему выпал счастливый билет. Он поселился в приличном пансионе и по уши погрузился в работу. Мюзик-холл и фейерверки в Креморнском парке были не для него. В редкие дни Уильям посещал оперу или отправлялся на бал, впрочем, чаще всего он проводил вечера дома за книгами, в мастерской с инструментами или вел обстоятельные беседы с кем-нибудь из начитанных обитателей пансиона; женщины его не слишком интересовали. Судя по описаниям, это был привлекательный юноша с русой бородкой и сдержанными манерами, всегда аккуратно одетый, одним словом — респектабельный молодой человек с большим будущим. Иногда в его письмах последней поры сквозит легкий оттенок самодовольства, однако следует учесть, что предложение принять участие в экспедиции делалось далеко не каждому, а пост топографа считался одним из самых престижных. Назначение он встретил с нескрываемым восторгом.

Итак, в возрасте 26 лет Уильям оказался в подчинении человека, бывшего по всем статьям полной его противоположностью. Небрежность, физическая энергия и романтическая пылкость Берка контрастировали с пытливым книжным умом Уиллса, его любовью к цифрам, а не мечтаньям. Тем не менее оба сразу же понравились друг другу; Уиллс безоговорочно признал авторитет и опыт руководителя, который был старше его на тринадцать лет, и приготовился верой и правдой служить ему.

Берк сам выбирал помощников из семисот кандидатов, изъявивших желание участвовать в экспедиции, и после бесед с ними остановился в конечном итоге на десяти. Они обладали различной квалификацией, но на чем именно основывался выбор Берка в каждом случае, нам узнать не дано. Американец Чарльз Фергюсон при-

ехал в Австралию из Калифорнии и работал мастером на золотых приисках; его сделали старшим рабочим. Имена остальных: Уильям Браге, Генри Крибер, Оуен Кауен, Джон Дрейкфорд, Роберт Флетчер, Патрик Ланган, Томас Макдоно, Уильям Пэттон и Джон Кинг. Из них, как мы увидим в дальнейшем, наиболее интересными фигурами оказались Кинг и Браге.

Берку положили жалованье 500 фунтов в год, Беклеру, Беккеру и Уиллсу — 300, Фергюсону — 200 и остальным помощникам — 120 фунтов. Перед походом всех освидетельствовал врач и признал «годными к путешествию».

Оставалось решить вопрос о заместителе Берка. Уиллс был слишком молод, Беклер и Беккер считались не вполне подходящими кандидатами — оба были немцами, а Беккер к тому же не очень хорошо говорил по-английски. В конце концов Комитет назначил на этот пост нового человека — Джорджа Ленделса. О нем известно весьма мало; информация сводится к следующему: англичанин, выдававший себя за знатока верблюдов, происходил из семьи, осевшей в Австралии в 40-х годах; женат; отличался невероятной жадностью. В экспедицию он попал исключительно благодаря верблюдам.

Кто-то из членов Комитета подал идею о том, что в поход следует отправиться на верблюдах — «корабли пустыни» прекрасно проявили себя в Сахаре и других аридных районах мира; почему бы не попробовать их в Австралии? Для начала купили шестерых верблюдов, привезенных в Мельбурн для циркового представления; оставалось раздобыть еще двадцать четыре, и с этой миссией Ленделса отрядили в Индию. Там только что отбушевало восстание сипаев и передвижение по стране было сопряжено с риском, однако Ленделс умело справился с поручением. Ему удалось пробиться к верблужьим рынкам в Пешаваре, где он закупил двадцать пять животных и нанял троих опытных погонщиков. Караван двинулся к побережью с поразительной скоростью — проходя по 50 миль в день! Во время погрузки в Карачи Ленделс познакомился с Джоном Кингом, умевшим говорить на языке погонщиков — дари, и предложил ему принять участие в экспедиции.

В истории Кинга есть что-то необычайно драматическое: он всегда оказывался жертвой обстоятельств; судьба носила его по свету, как перекаати-поле, и, хотя

Внешне он напоминал типичного ирландского солдата из рассказов Киплинга, он никак не подходил для роли носителя «времени белого человека». Главная причина заключалась в мягкости характера. Кинг стал солдатом в 14 лет — что еще оставалось сыну ирландского бедняка? Вскоре его направили в Индию, где он проявил способности к учению и был назначен помощником преподавателя полковой школы. Когда началось восстание сипаев, Кинг не участвовал в его подавлении, однако стал свидетелем зверских расправ с «туземцами»: в Пешаваре на его глазах казнили 40 мятежников, привязав их к стволам пушек. В результате Кинг тяжело заболел и провел полтора года в лазарете. Ленделс встретил его в городе, где Кинг проводил отпуск после болезни. К тому времени он уже отслужил в армии семь лет, поэтому смог выйти в отставку и принять предложение Ленделса.

В Мельбурне приезд группы Ленделса в июне 1860 года вызвал бурный восторг. И верблюды и погонщики были в диковину, сам Ленделс сошел на берег в восточном костюме; огромная толпа сопровождала экзотическую процессию к зданию парламента, где в конюшнях были приготовлены стойла для «заграничных зверей». Большинство животных прекрасно перенесли путешествие, но главный экзамен их ждал впереди: выдержат ли они переход через австралийские пустыни? Ответа никто не знал. Поговаривали, что дикий горох, растущий возле Дарлинга, окажется для них смертельной отравой. Ленделс, однако, утверждал, что все сойдет гладко при условии, если верблюдов поить ромом!

Вопрос о выживании верблюдов стоял очень серьезно: вся операция, включая покупку и транспортировку животных, обошлась в огромную сумму — 5497 фунтов стерлингов, и, дабы деньги не пошли на ветер, Ленделс настаивал на включении порции рома в ежедневный рацион питания верблюдов. Согласившись занять второй по рангу пост в экспедиции, Ленделс потребовал повышения жалованья на 100 фунтов, то есть захотел получать больше руководителя. Берк был азартным игроком, и в Мельбурнском клубе у него набежало немало долгов, с которыми он не мог расплатиться. И все же он широким жестом отказался от дополнительных 100 фунтов, предложенных ему в последнюю минуту Комитетом, заявив, что не возражает, если Ленделсу станут платить больше. И Ленделс получил 600 фунтов.

Тем временем приготовления шли полным ходом. Заключенные тюрьмы Пентридж-Гал в спешном порядке шили сапоги и упряжь, а в каретном сарае не покладая рук собирали повозки нового типа — снятые с колес, они могли плыть по реке как лодки-плоскодонки. Арсенал экспедиции состоял из 19 «кольтов», 10 двустволок, 8 винтовок и 50 ракетниц; среди прочего груза в описи фигурировали 95 наборов верблюжьих подков, 4 дюжины удочек, внушительное количество седел и ремешков, 10 дюжин зеркал и два фунта бус (подарки для аборигенов), 12 палаток, 20 походных коек, 80 пар сапог, 30 «пальмовых» шляп (с высокой тульей и широкими полями), 2 пары полевых биноклей, несколько ящиков с хирургическими инструментами, пакеты с семенами от доктора Мюллера, библиотека из книг Стерта, Грегори, Митчелла и других первопроходцев, 8 больших оплетенных бутылей с лаймовым соком (средство против цинги), 4 галлона бренди и 60 галлонов рома для верблюдов.

По расчетам, экспедиции предстояло провести в пути от одного до полутора лет, и в этой связи интенданты закупили огромный запас продовольствия: солонину, галеты, консервированные овощи, муку, имбирь и сушеные яблоки. Учли все мелочи, кажется, не забыли ничего. Приобрели двадцать три лошади в среднем по 50 фунтов за каждую. Общий вес снаряжения и багажа составил двадцать одну тонну; вне всяких сомнений, это была самая подготовленная и хорошо обеспеченная экспедиция в истории освоения Австралии.

Пока шли сборы, Комитет серьезнейшим образом размышлял над маршрутом. Главной целью похода оставалось пересечение континента и выяснение характера местности, лежащей в центре материка; повторяя чужой путь, однако, не имело смысла. Стерт дошел до 25°, а Стюарт продвинулся вдоль нее еще дальше на запад. Лейхгардт исследовал север, пройдя с востока на запад вдоль побережья залива Карпентария. В западной части Австралии Грегори спустился от северного побережья к югу до Маунт-Уилсона, а его младший брат изучил прибрежный район возле Шарк-Бея. Все путешественники — Стерт, Митчелл, Кеннеди и Грегори — побывали на Куперс-Крике. Задача нынешней экспедиции заключалась в том, чтобы завершить открытие континента — пройти его целиком в меридиональном направлении и разгадать наконец тайну центра.

Грегори направил Комитету подробное письмо, в котором разумно советовал стартовать из Брисбена и, добравшись до Куперс-Крика, разместить там базу. Он предупреждал, что летом двигаться бессмысленно, и поэтому, если за первую зиму экспедиции не удастся пересечь континент, ей следует отступить к Куперс-Крику и переждать там до следующей зимы. Другие считали, что наилучший путь — морем до Порт-Огасты в заливе Спенсер, а оттуда — на север. Третьи предлагали высадиться в заливе Карпентария, а затем идти на юг через центр.

Комитет отверг все варианты; во-первых, вторично везти верблюдов морем было и сложно, и накладно, но, главное, экспедиции следовало оставаться детищем колонии Виктория, поэтому из соображений престижа решили стартовать прямо из Мельбурна. Отцы-попечители сошлись на том, что первым этапом трансконтинентального маршрута станет переход до Куперс-Крика через Менинди.

18 августа 1860 года доктор Макадам официально вручил Берку походное наставление следующего содержания:

«Сэр,

По поручению Комитета имею честь передать Вам указания и соображения касательно руководства экспедицией, организованной с целью исследования внутренних областей Австралии.

Комитет счел открытый Стертом Куперс-Крик наиболее благоприятной базой для дальнейших операций. В связи с этим Вам надлежит расположить в указанном месте склад для хранения снаряжения и провизии и обеспечить надежную связь с тыловым постом на реке Дарлинг и, далее, с Мельбурном, с тем чтобы сообщать Комитету о своих передвижениях, а в ответ получать помощь пищевыми и прочими припасами, а также советами, буде в них возникнет необходимость. Если Вы сочтете, что более скорая связь может быть обеспечена через посредство полицейского поста колонии Южная Австралия близ Маунт-Серла [около 90 миль к юго-западу от Маунт-Хоуплеса], просим довести это решение письменно до сведения Комитета...

Направляя Вас к Куперс-Крику, Комитет руководствуется мнением, что Вам надлежит обследовать область между означенной рекой и Лейхгардтовым трактом к югу от залива Карпентария, избегая повторения марш-

рута Стерта на запад и оного, пройденного Грегори от реки Виктория на восток. Комитет желал бы, чтобы Вы употребили всю свою энергию в этом направлении; однако, если Вы определите, что указанный маршрут непроходим, Комитет просит Вас повернуть на запад в местность, недавно открытую Стюартом, и соединить крайнюю северную точку его маршрута с крайней южной точкой маршрута Грегори 1856 года [Маунт-Уилсон].

К западу от Куперс-Крика, по данным Стюарта, находятся солончаковые болота, которые могут стать непреодолимым препятствием для верблюдов; в таком случае Вам надлежит обойти эти болота с севера, двигаясь к Эйр-Крику, где всегда есть вода, а затем уже повернуть на запад.

В случае, если Вам не удастся соединить крайние точки маршрутов Стюарта и Грегори или если Вы установите, что эта область уже пройдена, Вам следует, по возможности, соединить свой маршрут с маршрутом молодого Грегори в окрестностях Маунт-Гульда и оттуда двигаться дальше к Шарк-Бею либо спуститься по реке Мерчисон к поселениям Западной Австралии.

Предстоящий поход потребует полной отдачи сил от всех участников экспедиции; поэтому при неблагоприятных обстоятельствах через пять-шесть месяцев работы Вы можете считать себя вправе вернуться обратно в Мельбурн укороченным маршрутом через Южную Австралию.

Комитет полностью отдает себе отчет в том, сколь многие трудности ожидают Вас в областях, которые намеревается пересечь экспедиция. Поэтому предлагаемые в наставлении маршруты следует рассматривать не в качестве точных указаний пути следования, а скорее как общие наметки, призванные облегчить осуществление замысла. Комитет полагается на Ваши решения при определении наилучшего и наиболее безопасного направления с учетом естественных особенностей местности.

В практическом смысле, имея в виду поиски новых территорий для будущих поселений, Вам лучше следовать вдоль русл рек, где имеется растительность, нежели по трассе, обозначенной Комитетом, располагавшим весьма несовершенной картой Австралии.

Комитет предоставляет Вам самые широкие полномочия во всем, что касается размещения лагерей и баз, а также в отношении общего плана передвижений. Вам

предлагается наряду с прочими обязанностями непременно и как можно более тщательно наносить на карту пройденный маршрут, делать записи, сеять семена, оставлять в качестве ориентиров пирамиды из камней и зарубки на деревьях.

Полагаем для Вас необходимым требовать от подчиненных отчетов о любом интересном явлении и отправлять их в Мельбурн при первой okazji, но не в ущерб продвижению экспедиции. К наставлению прилагается инструкция по изысканиям в различных науках, и Вам надлежит вручить каждому джентльмену копию раздела, относящегося к его компетенции».

(Далее следует указания для Беклера, Беккера и Уиллса по вопросам ведения географических, геологических, метеорологических, зоологических и ботанических наблюдений.)

Чтение этого документа вызывает недоумение. Даже если принять во внимание, что в те времена точных карт Австралии не существовало и никто не знал, что находится в центре материка, сама формулировка наставления давала простор для свободного толкования. Получалось, что после Куперс-Крика Берк мог идти на все четыре стороны — на север к заливу Карпентария, на запад к побережью Индийского океана или в любом другом направлении. Складывается впечатление, что Комитет жонглировал тысячами миль неизведанной земли так, словно речь шла о плавании по тихому морю, а не о походе через территорию, полную непрогнозируемых препятствий; в результате вся ответственность ложилась на плечи руководителя.

Тем не менее Берк, похоже, именно этого и хотел, более того — он сам принимал участие в составлении документа, ежедневно посещая заседания Комитета. К этому времени он уже пользовался большим авторитетом среди его членов, и те готовы были предоставить ему полную свободу действий. Правда, далеко не все в колонии находились в эйфории. Так, в газете «Эйдж» появились письма, авторы которых протестовали против назначения руководителем экспедиции человека, не обладающего необходимой квалификацией; абсурдная ситуация, указывалось в письмах, смогла возникнуть лишь потому, что ни члены Комитета, ни участники будущего похода не имели никакого опыта жизни в буше.

Сам Берк получил несколько анонимных писем такого же содержания, очень его расстроивших. Раздавались

также голоса, возражавшие против самой идеи экспедиции: по их мнению, открытие новых богатых земель в глубине континента нанесет непоправимый вред Виктории, лишив колонию доминирующих позиций в коммерции и других сферах.

Конечно же, нашлись чудаки, не замедлившие выступить с бредовыми предложениями. Один советовал экспедиции тащить за собой в пустыню шланг, чтобы обеспечить непрерывную подачу воды, другой рекомендовал использовать надутый горячим воздухом шар «для обозревания сверху», а некий скваттер сердито предупреждал членов Комитета, что подаст на них в суд, если верблюды Берка перепугают его коров.

Страсти накалились до такого предела, что ни о какой отсрочке для уточнения планов не могло быть и речи. Баркли информировал правительство Великобритании о скором отбытии экспедиции и попросил «дать указание офицерам флота Ее Величества наблюдать в течение одного-двух лет за северным побережьем Австралии с целью оказания помощи тем, кому удастся пересечь континент».

За несколько недель до этого в Ройял-парке был разбит лагерь экспедиции, и каждый день по пыльной дороге из центра Мельбурна туда валили толпы любопытных. Для членов экспедиции поставили палатки, а верблюдов разместили в дощатых сараях. Начались прощальные церемонии. Макартни, декан собора, отслужил молебен, а на торжественном обеде в честь Берка преподобный Дж. Сторн произнес напутственные слова: «Если в глубине нашего великого континента действительно лежит еще одна Сахара — земля песков и горячего ветра, — мы хотим знать об этом наверняка. Если же там лежат огромные озера, на зеленых берегах которых могут кормиться тысячи коров и подняться новые города, мы должны узнать об этом из первых рук». Берк скромно обещал сделать все что в его силах.

Поговаривали, что напоследок Берк еще раз предложил руку и сердце Джулии Мэтьюз, игравшей в то время в мельбурнском театре, Джулия ответила, что решит, когда он вернется.

Итак, в Ройял-парке собрались те, кого судьба выбрала в первопроходцы — ирландский полицейский, расторопный поставщик верблюдов, два ученых немца, привлекательный молодой топограф, американец-золотоискатель, помощники, погонщики, а также верблюды, лошади и

двадцать одна тонна поклажи. Никому не бросилась в глаза царившая вокруг серьезного предприятия атмосфера провинциального любительского театра или бродячего цирка. Наоборот, все причастные к эпопее ожидали невероятных приключений, а посему были возбуждены до крайности и поглощены последними приготовлениями. Между тем память о сгинувшем Лейхгардте еще не успела остыть: а что, если и этих людей постигнет та же участь и они исчезнут навеки в «зловещем пятне» в сердце материка? Никто не желал даже думать об этом. И все же прощание есть прощание — собравшиеся смотрели на Берка и его людей по-особому, как глядят на юных солдат, отправляющихся под бравый марш на войну.

19 августа 1860 года было объявлено, что подготовка к экспедиции закончена. На следующий день в Мельбурне закрылись все конторы и магазины, город от мала до велика двинулся в Ройял-парк, чтобы проводить экспедицию в путь.

Глава 4

НА ПУТИ К МЕНИНДИ

Началось путешествие не совсем удачно: по плану колонне надлежало отправиться в час дня, но замешкались до четырех. Шесть верблюдов заболели и не смогли подняться, так что часть снаряжения и провизии пришлось оставить. Впрочем, сцена отбытия настолько живо описана в мельбурнской «Геральд» от 21 августа 1860 года, что мы не откажем себе в удовольствии привести репортаж целиком:

«С самого утра празднично одетая публика потянулась пешком, верхом и в экипажах по пыльным улицам города к зеленым полянам и тенистым уголкам Ройял-парка, наслаждаясь первым в этом сезоне теплым норд-остом. Их взору предстала сцена кипучей деятельности. Среди палаток, телег и ящиков с поклажей сновали люди, ведя на поводу лошадей и верблюдов, во всем ощущался живописный предотъездный беспорядок — караван-сарай вот-вот должен был опустеть. Однако час шел за часом, а сборы никак не копчались. Кто-то вдруг решил, что груз в полтора центнера на каждого верблю-

да велик, посему пришлось срочно добывать дополнительные повозки, класть туда избыток багажа и лишь после этого навьючивать верблюдов и лошадей, следя за тем, чтобы поклажа крепко держалась.

Художники, репортеры и почетные гости старались ничего не пропустить: одни делали на скорую руку наброски, другие что-то записывали, и все задавали великое множество вопросов. Нетрудно догадаться, что подчас ответы на серьезные вопросы оказывались совершенно нелепыми, а в неразберихе торопливых приготовлений случались смешные недоразумения.

Одна из самых забавных сцен произошла, когда какой-то вздорный верблюд сорвался — в буквальном смысле слова — с цепи, до смерти напугав блюстителя порядка, который ринулся прочь, проделав немислимый кульбит в воздухе. Означенный джентльмен, весьма солидного телосложения, до вчерашнего дня не ведал о своем феноменальном акробатическом даре. Его приземление было встречено восторженными рукоплесканиями и смехом, к каковому он охотно присоединился. „Блудный“ верблюд метался среди толпы, как бы желая воочию продемонстрировать взволнованным зрителям, с какой скоростью умеют двигаться корабли пустыни.

Ровно без четверти четыре экспедиция выстроилась в строгом порядке. Толпа расступилась, образовав широкий проход. Во главе колонны верхом на сером коне встал господин Берк; на нем был синий редингот поверх красной рубашки, голову венчала островерхая черная шляпа. Напротив расположились члены Экспедиционного комитета Королевского общества и почетные гости из числа наиболее уважаемых колонистов, а также члены их семей. Мэр Мельбурна, взобравшись на одну из телег, произнес речь:

„Господин Берк, я прекрасно понимаю, что огромная толпа, запрудившая сегодня окрестности, весьма затруднила отправление Вашего каравана. Вместе с тем такое стечение публики лишний раз свидетельствует о том, какие горячие чувства испытывают к Вам сограждане (возгласы: „Правильно, правильно!“). Я не смею доле задерживать Вас; позвольте лишь от имени каждого и от лица всей колонии сказать — да поможет Вам Бог! (крики „ура!“)“.

Затем его честь провозгласил троекратное „ура“ в честь г-на Берка, г-на Ленделса и остальных членов экспедиции, подхваченное со страстью и энтузиазмом все-

ми присутствующими. В заключение он снова повторил: „Да поможет и благословит Вас Бог!“.

Г-н Берк, обнажив голову, произнес в ответ краткую речь, чеканя слова так, что его смог услышать каждый присутствующий: „Господин мэр, позвольте от имени всех участников экспедиции принести согражданам нашу искреннюю благодарность. Ни одна экспедиция еще не отправлялась в путь в столь благоприятных обстоятельствах, как наша. Народ, правительство и Комитет сделали все от них зависящее. Теперь настал наш черед, и мы не успокоимся, пока не оправдаем Ваши ожидания (возгласы „ура!“)“.

Процессия тронулась. За Берком следовали вьючные лошади, которых вел один из помощников. Затем ехал г-н Ленделс на верблюде, за ним — д-р Беккер и двое помощников, также на верблюдах; один из них вел в поводу верблюда с грузом медикаментов, другой — еще двух животных с запасом провизии. Остальных вели пешие сипаи, по четыре-пять верблюдов каждый, а шестые замыкал последний сипай верхом на верблюде.

Всего в экспедиции насчитывалось 27 верблюдов. На почтительном расстоянии за караваном ехали два нагруженных доверху новехоньких фургона, изготовленных специально для экспедиции; один из них легко снимался с колес, превращаясь в огромную лодку, способную взять гигантский груз. Для переправы верблюдов заготовили холщевые воздушные мешки: их будут подвязывать к подбородку животных так, чтобы головы торчали над водой во время переправы через глубокие водоемы. Несколько повозок и еще один фургон новой постройки оставались в парке до сумерек на попечении астронома, г-на У. Дж. Уиллса, и старшего помощника, наблюдавших за упаковкой инструментов, ящиков для образцов и прочего. Повозки были взяты напрокат до Суон-Хилла.

Покинув парк через южные ворота, процессия двинулась мимо складских помещений по Сиднейской дороге и поздно вечером остановилась у деревни Эссендон».

Вряд ли стоит удивляться, что недоделки и недочеты поспешных сборов дали о себе знать в первые же дни пути на север. Животные и телеги были явно перегружены, и несколько повозок скоро сломались. Один из сипаев, магометанин, заявил, что религия запрещает ему есть провизию, которой располагала экспедиция, и, со слезами распрощавшись с товарищами, отправился назад в

Мельбурн. Верблюды повсюду сеяли страх и недоумение; с верхушек деревьев голосили напуганные стаи белых какаду; аборигены, завидев незнакомых зверей, кидались врассыпную; Ленделс однажды застрелил двухметрового ромбического питона, который вскинул голову и ошалело смотрел на процессию. Лошадям верблюды тоже пришлось не по вкусу (вернее, «не по запаху»), они страшно нервничали, и их пришлось пустить вперед отдельной колонной.

Зима никак не кончалась, ночи стояли холодные, а днем сплошная стена дождя размывала черноземную равнину, расстилавшуюся к северу от Мельбурна, что сильно затрудняло путь. Два дня спустя после старта Людвиг Беккер записывает в дневнике: «По дороге на Болинду, неподалеку от фермы капитана Гарднера, около 5 вечера начался дождь; к ночи он превратился в неистовый ливень. Никакого чая, никакого костра; промокшие, мы улеглись спать».

Четырьмя днями позже, когда экспедиция добралась до поселка Миа-Миа, дождь все еще хлестал не переставая. Берк телеграфировал оттуда секретарю Комитета Макадаму: «Караван прибыл сюда вчера вечером. Сегодня, в воскресенье, отдыхаем. Продолжим путь завтра. Дороги очень плохи». Среди его редких писем Экспедиционному комитету сохранилось одно, написанное примерно в это же время на четвертушке белой бумаги. Крупным уверенным почерком на ней выведено: «Сэр, имею честь сообщить, что экспедиция прибыла вчера вечером на пост Холлоуэй, где намерена провести завтрашний день, так как погода и дороги очень плохи. Все в полном порядке. Ваш покорный слуга, *Р. О'Хара Берк*, руководитель экспедиции».

Пока что они двигались по заселенным районам через покрытые густой зеленью равнины и холмы, ночуя на постоянных дворах, в придорожных гостиницах или в домах колонистов. Люди съезжались к тракту с далеких ферм поглазеть на верблюдов и поприветствовать экспедицию. Спустя неделю путешественники добрались до реки Кампаспе, где были встречены восторженной толпой золотоискателей с рудников Бендиго.

За рекой лежала равнина, гладкая, как площадка для крикета. В заводях обитали птицы волшебной красоты: ибисы с изогнутыми, как ятаганы, клювами, визгливые серые какаду с нежно-розовыми грудками, серые цапли, ржанки, вороны, черные лебеди и сороки, кото-

рые здесь выглядели мельче и ярче своих европейских собратьев. Буквально повсюду на ветках эвкалиптов, все еще стоявших в жалком зимнем убранстве, заливались счастливым смехом зимородки.

На привале в местечке Террик Беккер сравнивает равнину со «спокойным зеленым океаном, где горизонт кажется очень высоким, отчего вся поверхность представляется вогнутой. Двигаясь миля за милей, видишь, как на горизонте всплывает вдруг одинокое дерево или чахлая рощица, искаженные миражем. Редкие валлаби или кенгуровая крыса возле низкого кустарника могут на мгновение прервать монотонное однообразие, но, миновав их, снова попадаешь в объятия зеленого безмятежного океана». Благодаря мастерству Беккера-рисовальщика мы знаем точный порядок движения экспедиции — слева колонна верблюдов, справа — лошади, а посередине Берк на сером Билли.

Погода улучшилась; у Пирамид-Хилла Беккер наблюдал за бабочками, порхавшими среди гигантских каменных глыб; по ночам, лежа у костра, он слушал «густую ночную тишину, нарушаемую лишь лошадиным ржанием». Иногда, правда, поднималась суматоха — это случалось, когда напуганные в темноте верблюды вдруг бросались врассыпную из лагеря; приходилось задерживаться и с восходом солнца ловить их по всей округе.

В письме к другу Уиллс сообщал: «Ехать на верблюде оказалось куда приятней, чем я ожидал, да и работать значительно удобней, чем верхом на лошади. Двойное седло позволяет сидеть за горбом, а инструменты держать спереди, так что в пути я веду журнал и произвожу расчеты; останавливаюсь только в случае, когда требуется точно определить направление, а показания барометров заносу в журнал на ходу. С полным знанием дела могу теперь утверждать, что верблюды весьма спокойные создания, с ними легко обращаться — гораздо легче, чем с лошадьми».

Экспедиция пересекла реку Лоддон у Керанга и 6 сентября добралась до первого важного пункта — поселка Суон-Хилл (известного также как Доннингтон). Здесь, на берегу Муррея, примерно в полумиле южнее поселка разбили лагерь. Беккер отправил в Мельбурн с возницей дилижанса первые трофеи: бутыль со змеями.

Позади остались три недели пути, настала пора подвести некоторые итоги. Одно выяснилось со всей определенностью: припасов взято слишком много, лишний груз

мешал движению. Снова зачастил дождь и увязшие в грязи телеги пришлось бросить на дороге. Берк решил освободиться от части снаряжения и, устроив аукцион, распродал его местным жителям. Вырученные деньги пришлось весьма кстати, поскольку из Мельбурна поступили тревожные письма: Комитет, серьезно озабоченный растущими расходами, призывал руководителя экспедиции к экономии. Не сможет ли он на следующем отрезке обойтись без арендованных повозок? Одновременно Комитет настойчиво просил ускорить продвижение, иначе экспедиция Стюарта может опередить Берка.

Отныне эта нота будет звучать во всех посланиях Комитета, и ее следует подчеркнуть особо, так как указанное обстоятельство во многом объясняет все дальнейшие действия Берка. Поход, как уже отмечалось, привлек к себе пристальное внимание австралийской публики. Газеты горячо обсуждали каждый шаг, прикидывая шансы Берка обойти Стюарта. Было известно, что опытный Стюарт собирался вот-вот выступить из Аделаиды. Было также известно, что ему обещано вознаграждение в несколько тысяч фунтов, если экспедиции удастся пересечь континент.

Стюарт, как и прежде, намеревался отправиться на лошадях, в связи с чем в «Мельбурнском Панче» появилась карикатура под названием «Великая гонка через Австралию». На рисунке был изображен Берк верхом на верблюде, озабоченно поглядывающий на крохотную фигурку Стюарта, трясущегося рядом на пони. Стихотворная подпись гласила:

Скачка, каких не знал еще свет;
Лошадь или верблюд
Преодолеют весь континент
(если не упадут)?

Макадам сообщал: «Мой дорогой Берк, все желают Вам всяческих успехов, а одна персона особенно — Вы догадываетесь, кто⁹. Честь Викторий в Ваших руках. Мы убеждены, что Вы оправдаете наши надежды. Да хранит Вас Бог. Ваш Дж. М».

Председатель Экспедиционного комитета Стоуэлл был еще более откровенен:

«Дорогой Берк,

Я только что вернулся с сессии Бичуэртского окружного суда, где услышал новости об экспедиции Стюарта.

⁹ По-видимому, намек на Джулию Мэтьюз.— *Примеч. авт.*

В самое ближайшее время партия в составе 12 человек с 36 лошадьми отправится в путь, начав своего рода соревнование с Вами. Зная Вас и Ваш боевой характер, не сомневаюсь, что Вы откликнетесь на вызов. До сих пор Вы сделали все от себя зависящее. Экспедиция получилась слишком громоздкой, и наша вина в том не меньше Вашей, однако полагаю, Вы уже исправили ошибку, проявив благоразумие. Партия Стюарта по числу участников в конечном итоге, будет, очевидно, примерно такой же, что и Ваша, но Вы лучше экипированы и лежащие впереди 60 миль равнинной территории, на которые Стюарт смотрит с опаской, не должны задерживать Вас надолго.

У меня нет никаких предложений по поводу маршрута. Вы определите его сами, как только получите последние сведения о Стюарте. Хочу Вас заверить, что какой бы маршрут Вы ни выбрали, Комитет единодушно, как и прежде, поддержит Вас; знайте, что есть человек, на которого Вы можете положиться в любых обстоятельствах. Надеюсь, статья в газете и письма читателей Вас не расстроили. Такие вещи, понятно, в Мельбурне воспринимаются иначе, чем в походе, но я надеюсь, что Вы, человек опытный, не придадите им значения¹⁰.

Комитет был несколько встревожен, обнаружив, что расходы превысили намеченную сумму...

До свидания, дорогой Берк,

Ваш верный друг
Уильям Ф. Стоуэлл.

Берк не получил этих писем, но он и без того хорошо понимал, что происходит в Мельбурне. Ситуация складывалась нервная: с одной стороны, его всячески подгоняли вперед, а с другой — настоятельно призывали сокращать расходы. Более того, идея состязания, конечно же, никак не способствовала проведению серьезных исследований. 11 сентября в полдень жители Суон-Хилла устроили прощальный обед, а к вечеру Берк переправился через Муррей и остановился на ночевку на другом берегу, уже в Новом Южном Уэльсе.

Дальше путь лежал на север к Балраналду на реке Маррамбиджи; маршрут по-прежнему проходил по равнине от одной фермы к другой. Беккер в своем дневнике написал о встретившейся им молодой женщине в

¹⁰ Речь шла о статьях и письмах читателей с нападками на Берка, продолжавших появляться в мельбурнских газетах.— *Примеч. авт.*

черном костюме для верховой езды по имени Энн Джейн Джонс, которая привела их «во владения Маккензи». 15 сентября колонна вошла в Балраналд, тогда отдаленный аванпост, представлявший собой два десятка сараев, крытых корой, дранкой, ситцем, а то и просто бумагой. Через Маррамбиджи экспедиция переправлялась на «утлой плоскодонке».

К этому времени в маленькой группе наметился разлад. Фургоны все еще плелись где-то далеко позади, арендная плата за них с каждым днем становилась все ощутимей; верблюды-самцы отчаянно дрались из-за самок, и с ними не было никакого сладу; повар Джон Дрейкфорд регулярно напивался и, глядя на него, некоторые помощники рьяно требовали спиртного. Берк решил на крутые меры. Он снял еще одну партию багажа — 15,5 центнера сахара, 8 бутылей лаймового сока, 2 винтовки, несколько револьверов и 3 палатки, уволил пьяницу-повара, а старшему помощнику Фергюсону урезал жалованье. Тот отказался участвовать в экспедиции на таких условиях, и Берк отпустил его¹¹. Меры Берка возымели действие, но лишь частично. Количество людей в экспедиции фактически не уменьшилось, поскольку вместо уволенных к ней присоединились житель Суон-Хилла Чарльз Грей и Уильям Ходжкинсон — молодой журналист, сотрудничавший в мельбурнской «Эйдж», отличный знаток буша.

Сейчас трудно оценивать поступки Берка. Заметим лишь, что в краю, где цинга была частым явлением, никак не следовало избавляться от сахара и лаймового сока. Вскоре после инцидента Комитет в Мельбурне получил письмо от некоего поселенца, в котором анонимный автор описывал позорный скандал в экспедиции и постоянно происходящие там перебранки из-за денег. Не мешало бы поучиться у д-ра Ливингстона, как следует путешествовать, заключал он. Закупить столько ценных продуктов, чтобы потом распродавать их по дешевке на аукционе, — разве это не абсурд?

Берк торопился. Позволив себе всего лишь день передышки, экспедиция выступила к Менинди на реке Дарлинг. 160 миль от Балраналда они шли по сухой местности; лошади, увязая в песке, двигались со скоростью

¹¹ Вернувшись в Мельбурн, Фергюсон предъявил Экспедиционному комитету судебный иск и получил компенсацию за несправедливое увольнение в размере 183 фунтов, 6 шиллингов и 8 пенсов.—
Примеч. авт.

полтора миль в час; ураганный ветер забивал пылью глаза и ноздри, заставлял останавливаться. Ночи опять стали очень холодные, по утрам землю покрывала серовато-белая изморозь. «Удручает кладбищенская тишина,— отмечает Беккер,— ни одна птица не пролетит, не раздастся ни звука». До сих пор Беккер находил время для зарисовок ландшафта, становищ аборигенов, птиц, насекомых и ящериц; он аккуратно вел дневник и журнал наблюдений природы, что являлось важнейшей частью экспедиционной работы. Теперь ситуация изменилась: Берк приказал Беккеру и Беклеру оставить научные изыскания и заняться подсобной работой наравне с рядовыми помощниками. Верблюдов и лошадей, сказал он, необходимо беречь, поэтому дальше они повезут только провизию. Каждый участник похода может взять в рюкзак не более 30 фунтов (около 14 кг) багажа, включая одежду и инструменты; все, что сверх этого, он распорядился оставить на ближайшей ферме.

Возраст Беккера давал себя знать, когда приходилось снимать, распаковывать и вновь навьючивать на верблюдов 150-килограммовые тюки; работа отнимала по нескольку часов в день, к тому же ему наступила на ногу лошадь, и он стал хромать. Тем не менее Беккер не бросил научных занятий и часто просиживал до глубокой ночи над дневником при свете лампы. «Надо было видеть лицо старика Б.,— писал Берк в письме в Мельбурн,— когда я объявил, что всем членам экспедиции предстоит работать на равных и каждый сможет взять не более 30 ф. багажа. Навьючивать верблюдов и вести их 20 миль — нешуточное дело. Первые два дня бедняга Б. отчаянно пыхтел, и я думаю, что долго он не выдержит».

В письме сквозит бессердечие, но справедливости ради надо вспомнить, что обстоятельства подстегивали Берка, и он вынужден был проявлять жесткость, чтобы тяжеловесная колонна не выбилась из ритма. Кроме того, нельзя не учитывать, что экспедиция в известном смысле являлась военной операцией: впереди поджидали опасности, и физически слабый человек мог стать обузой для всех.

К концу сентября они вышли к Дарлингу чуть выше места его слияния с Мурреем; вода в реке была, судя по описаниям, цвета «кофе с молоком». Берега густо заросли деревьями — эвкалиптами разных видов, самшитом, черными дубами, соснами и дивными акациями, на

которых в это время года как раз распускались желтые цветочки. Натуралисты обнаружили в здешних сухих широтах новых насекомых и рептилий, они видели куколки гусениц-шелкопрядов, напоминавшие гнезда ткачиков; стоило до них дотронуться, как в пальцах тут же появлялось болезненное покалывание, не проходившее несколько дней. Ядовитыми оказались и маленькие, покрытые чешуйками черные ящерицы с коротким хвостом, на вид совершенно безвредные; ящерица лениво лежала на песке, уютно свернувшись, словно домашний котенок, однако укус ее огромного треугольного рта оставлял глубокую, долго гноящуюся рану. На поваленных деревьях сидели гоаны длиной больше метра; по полянам вышагивали похожие на гигантских кур страусы эму и проносились крупные кенгуру. У воды обитало множество птиц: кругами летали, набирая высоту, пеликаны, на ветках сидели разноцветные попугаи и крохотные оливкового цвета сорокопуты, чьи пронзительные крики напоминали звуки полковой трубы. Беккер и Беклер едва успевали делать зарисовки, заносить в журнал записи и собирать образцы для коллекции.

Что касается взаимоотношений между членами экспедиции, то они обострялись день ото дня. У Берка произошла яростная стычка с Ленделсом из-за верблюдов. Руководитель экспедиции уже не раз громко высказывал недовольство тем, что за животными плохо смотрят — они постоянно разбегались, дрались, становились неуправляемыми. Наконец Берк решил, что всему виной ежедневная доза рома, призванная, по утверждению Ленделса, уберечь верблюдов от цинги. Берк велел прекратить спаивание животных.

Ленделс, считавший, что верблюды находятся в его полном ведении, заявил, что не потерпит вмешательства. Он стал расхаживать по лагерю, твердя, что Берк всегда был никчемным руководителем, а сейчас просто спятил — настолько, что с ним опасно находиться в одной палатке. Экспедицию, которую ведет сумасшедший, непременно ждет гибель, повторял он всем и каждому. «Неоднократно, — позднее писал Ленделс Комитету, — у меня возникали серьезные основания усомниться во вменяемости г-на Берка. Впадая в гнев, он не отдает отчета в своих деяниях. Видя, что он постоянно носит заряженное оружие, я опасался, что он воспользуется им в очередном приступе ярости».

Некоторые члены экспедиции, в частности хирург

Беклер, склонялись на сторону Ленделса; другие, и среди них молодой Уиллс, безоговорочно поддерживали Берка. До сих пор Уиллс, оставаясь важной фигурой похода, держался, как правило, в стороне, особенно в конфликтных ситуациях. Ему вообще претили распри и «всяческая суета», он даже отказался фотографироваться перед стартом в Мельбурне. Уиллс тихо и методично делал свое дело — наносил на карту маршрут, составлял аккуратным почерком отчеты, безропотно занимался со всеми погрузкой и разгрузкой и всегда подчинялся приказам Берка. Трезво оценивая ситуацию, он писал д-ру Нимейеру, что конфликт в лагере может обернуться тяжелыми последствиями; сам он, оставаясь в хороших отношениях с Ленделсом, ясно понимал, что тот плетет вокруг Берка интриги.

«Г-н Л., — пишет Уиллс, — пытается натравить всех друг на друга. Берку он наговаривает на нас, не останавливаясь перед клеветой, причем совершает это с такой настойчивостью, что г-н Берк говорил мне, что Ленделс просто ненавидит меня, хотя мне казалось, мы с ним друзья. Мне он жалуется на г-на Берка и не скрывает ненависти к Беккеру и доктору, зато с ними он — сама любезность. В итоге нет такого человека, о ком он не говорил бы гадостей. Л. не раз подстрекал м-ра Берка прогнать нас».

Впоследствии возникло предположение, что Ленделс намеренно затеял склоку с Берком, испугавшись идти дальше; некоторые даже считали, что он с самого начала решил оставить экспедицию, едва она покинет обжитые районы, и ждал лишь удобного случая. Скорее всего, в этом нет ни доли правды. Ленделс был по натуре человеком мрачным и подозрительным — из тех, кого называют «брюзгой»; ему вечно казалось, что его обманывают или выставляют дураком. Это часто вызывало истерическую реакцию, но не может служить основанием для обвинений в трусости или желании подвести экспедицию. Вспомним, как блестяще справился он с доставкой верблюдов в Австралию, и, по свидетельству Людвига Беккера, трудился на совесть весь путь от Мельбурна.

По всей видимости, к этому сроку экспедиция распалась на два лагеря: одним, как Уиллсу, нравилась решительность Берка, другие считали его действия скоропалительными и непродуманными. В первую группу входили главным образом молодые люди, которым им-

понировал Берк и которые охотно прощали ему взбалмошный характер. Зато Ленделс и люди постарше не считали возможным потакать Берку. Им не нравилось, когда с ними обращались как со школьниками или новобранцами; они не желали мириться со вспыльчивостью руководителя, который мог быть мил и любезен, а в следующую секунду вдруг разразиться бранью. Для них ирландское донкихотство Берка представлялось проявлением высокомерия и неуравновешенности. Так, хирург Беклер, воспитанный в традициях немецкого порядка, весьма тревожился за судьбу экспедиции, которой предстояло оказаться в полном отрыве от цивилизации под началом столь неуравновешенного руководителя.

Впрочем, будучи, как и Людвиг Беккер, человеком мягким и податливым, он никогда бы по собственной воле не решился на откровенное непослушание. Немалую роль играло и то обстоятельство, что оба были немцами и составляли в группе явное меньшинство. Ленделс же считал, что он ни в чем не уступает Берку; современники описывают его как человека крепкого сложения с упрямым, хмурым взглядом; когда Берк повышал на него голос, он тут же огрызался.

Скандалы следовали один за другим, и было ясно, что долго так продолжаться не может. Развязка наступила в Кинчеге — далеком овцеводческом селении на Дарлинге, милях в шести от Менинди. Каким-то непонятным образом стригали овец с фермы то ли купили у Ленделса, то ли просто стащили солидную часть «верблюжьего» рома. Последовал пьяный дебош, в котором приняли участие и кое-кто из экспедиционных помощников. Берк решил, что с него хватит: уцелевший запас рома приказано было оставить на месте, отныне ни одному участнику похода не дозволялось иметь при себе ни капли спиртного.

Вслед за тем у руководителя вышел очередной разговор в повышенных тонах с Ленделсом по поводу переправы верблюдов через Дарлинг, и тот написал прошение об отставке. Берк не стал его удерживать. Ленделс верхом отправился в Мельбурн. Доктор Беклер заявил, что он тоже уезжает в знак протеста против дурного обращения Берка со своим заместителем; правда, потом хирург согласился остаться до прибытия замены из Мельбурна. Берк, по отзывам очевидцев, был очень удручен бесконечными склоками и денежными проблема-

ми. Грозное лето стояло уже на пороге, а обоз безнадежно отстал.

Менинди на языке местных аборигенов значит «много воды». Это место открыл в свое время путешественник Митчелл. В 1845 году, как мы помним, тут находился базовый лагерь Стерта, откуда он предпринял попытку пробиться в центр континента. Дарлинг распадается здесь на ряд протоков, образуя цепь озер и болот, не пересыхающих круглый год, а главное русло остается судоходным на всем пути до впадения в Муррей. Кстати, один из колесных пароходов капитана Кейделла доставил в Менинди груз продовольствия в тот самый день, когда Берк добрался до поселка. К северу от него расстилается скрэб, но на озерах растут могучие вековые деревья, а на пастбищах всегда есть корм для овец и коров.

Это не совсем оазис — окружающая местность куда плодородней пустыни, тем не менее Менинди кажется блаженным убежищем от изнурительной жары. В известном смысле это граница. В сухом, прозрачном воздухе над водой кружат чайки и стаи других водоплавающих; 40° в тени в этих краях — обычное дело. На закате озера начинают искриться голубоватыми бликами, на фоне ярко-оранжевых берегов вдруг возникнет четкий силуэт кенгуру, а на песчаных отмелях замаячат тени опускающихся на ночевку пеликанов. Грозы и свирепые песчаные бури случаются нечасто, обычно здесь царит полный покой.

В октябре 1860 года, ко времени прибытия Берка, Менинди оставался аванпостом: дальше к центру континента не было никаких поселений. В тени деревьев стояли несколько наспех сколоченных хибар и пивная некоего Томаса Пейна, а возле причала для речных пароходов — лавка, принадлежавшая компании капитана Кейделла. На окраине ютились три-четыре семьи аборигенов, которым перепадала кое-какая работа на ферме или в качестве проводников. Менинди выглядела временным пристанищем, жители поселка постоянно менялись, отправляясь на поиски новых пастбищ, новых озер и рек; местные новости и сплетни касались в основном тех, кто «в пути», — оставшиеся горячо обсуждали, далеко ли им удалось уйти, что с ними случится в дороге и как скоро они вернутся. Каждого вновь прибывшего и его поклажу внимательно разглядывали, громко комментируя, а возвращавшихся «оттуда» засыпали гра-

дом вопросов о том, что он видел, чем кончились встречи с аборигенами, каким маршрутом он двигался и, главное, есть ли дальше вода. Естественно, более удобного места для базового лагеря было не найти, и Берк расположился здесь в ожидании мучительно медленно тянувшегося обоза.

Появление экспедиции произвело в Менинди настоящий переполох, никогда еще обитатели далекого селения не видели такого впечатляющего каравана — столько повозок, палаток, багажа, не говоря уже о верблюдах! Красочное зрелище, правда, отдавало дилетантством, и старожилы глубинки сразу уловили, что путешествуют новички, но они охотно вступали в деловой контакт с важными господами «из города».

Берк, не мешкая, приступил к реорганизации. Прежде всего он назначил на вакантную должность заместителя главы экспедиции молодого Уиллса, проявившего себя в походе с самой лучшей стороны. Кингу он поручил верблюдов, дав ему в подчинение трех сипаев. Немца Браге он сделал старшим помощником; это был грамотный человек с опытом работы на овцеводческих фермах и золотых приисках, кроме того, Уиллс обучил его пользоваться геодезическими приборами. На второй день пребывания в Менинди экспедиция пополнилась новым участником, которому суждено будет сыграть роковую роль в судьбе остальных. Его звали Уильям Райт. До недавнего времени он служил управляющим фермой в Кинчеге, но после смены владельца его рассчитали, и он по своей воле двинулся за караваном. Райт не производил особо приятного впечатления, но Берк надеялся использовать его опыт. Райт почти не знал грамоты, с трудом умел расписываться, но утверждал, что хорошо знает округу и не раз совершал вылазки на север. Его приняли на должность временного проводника.

Теперь состав экспедиции выглядел следующим образом:

Должностные лица: Берк, руководитель;
Уиллс, топограф, заместитель Берка;
Д-р Беклер, хирург (до прибытия замены);
Людвиг Беккер;
Уильям Райт;
Браге, новый старший помощник.

Помощники: Ходжкинсон;
Грей;
Макдоно;
Пэттон;
Кинг;
трое сипаев-погонщиков.

Общее число участников составило четырнадцать человек, позднее к ним добавились еще трое работников фермы из Менинди — Чарльз Стоун, Уильям Перселл и Джон Смит.

Первые несколько дней в Менинди ушли на сортировку снаряжения и припасов. Затем было решено переместить лагерь в более удобное место, расположенное в семи милях выше по Дарлингу на длинной отмели у впадения в реку Памамару-Крик. Стали готовиться к переезду.

Берк оказался в трудном положении. Близилось лето, местные поселенцы предупреждали, что двигаться к центру — чистое безумие. Следующий пункт маршрута, Куперс-Крик, лежал в 400 милях к северу; дорога туда мало разведана, никто не знал, есть ли там вода. Вместе с тем приказы из Мельбурна ясно гласили: не медлить ни дня. Провести три-четыре месяца на Дарлинге в ожидании дождя было равносильно отказу от первенства в гонке, чего Берк не мог допустить. Райт уверял, что проведет экспедицию надежным путем до половины дистанции, а дальше можно броском добраться до Куперс-Крика, где всегда есть вода.

Берк разделил экспедицию на две группы: сам он с небольшой партией налегке устремится вперед, а остальные оборудуют в Менинди продовольственный склад, подлечат заболевших животных и двинутся в арьергарде с тяжелым багажом.

Для головного отряда Берк отобрал семерых: Уилса, Браге, Кинга, Грея, Макдоно, Пэттона и сипая по имени Дост Магомет. Они отправлялись с шестнадцатью лучшими верблюдами и пятнадцатью лошадьми. Первые несколько дней экспедицию поведет Райт. Берк предложил Беккеру войти в первую группу, предупредив, что о научной работе не может быть и речи; кроме того, весь путь предстоит проделать пешком. Для Беккера, продолжавшего сильно хромать, это было заведомо невозможно, и он остался в тыловой партии, где старшим Берк назначил доктора Беклера — до прибытия замены.

План вызывал немало возражений: Берк намеревался идти без врача, без ученых (помимо Уиллса), с малым запасом провианта. Правда, он надеялся, что арьергард подтянется к Куперс-Крику до того, как передовой отряд двинется дальше. Из Менинди Берк написал сестре в Ирландию: «Я совершенно уверен в успехе, хотя понимаю, что нельзя исключить и возможность неудачи; мысль о провале кажется мне непереносимой, я полон решимости победить и рассчитываю уложиться самое большое в год».

Прошедший этап не мог не внушать тревоги: пять человек с чувством горькой обиды и разочарования покинули экспедицию, шестой собирался сделать это в самое ближайшее время. Ценой тяжелых усилий огромный, полный ненужных запасов багаж дотащили с грехом пополам по суше из Мельбурна, вместо того чтобы последовать совету Грегори и доставить его на параходе до Менинди или, на худой конец, до Порт-Огасты, откуда путь был намного короче.

Ладно, теперь все организационные хлопоты остались позади, экспедиция избавилась от неустойчивых элементов и лишнего груза, наступил решительный момент. Все члены головного отряда были в отличной физической форме и боевом настроении. Заменявший Ленделса Кинг прекрасно справлялся с верблюдами. В лагере царило оживление, всем отправлявшимся в путь хотелось поскорей расстаться с «цивилизацией», а вместе с ней — и с суетными заботами. 19 октября передовой отряд покинул Менинди, взяв курс на север.

Глава 5

ОТ МЕНИНДИ ДО КУПЕРС/КРИКА

Райт повел отряд к Куперс-Крику маршрутом, пролегавшим немного восточнее того, по которому пятнадцать лет назад шел Стерт. Они надеялись делать по двадцать миль в день и преодолеть этот этап длиной в 400 миль меньше чем за месяц. После дождей земля вновь ожила, буквально на каждом шагу путешественники наталкивались на неведомые растения, насекомых и птиц; как жаль, что ученые остались в обозе, и некому было их классифицировать... Обитателям вечнозеле-

ных краев здешние места могли показаться бедноватыми, но здесь, в пустыне, картина весеннего преобразования радовала взор: дикие цветы покрывали ковром красную землю — алый хмель и бело-желтый алтей, дикий горох Стерта (оказавшийся, кстати, совершенно безвредным для верблюдов) и вездесущие маргаритки, солончаковые кустарники и те цветы.

Бесконечная равнина убегала вдаль, глазу не на чем было остановиться; если на горизонте вдруг выплывал какой-нибудь, пусть даже малозаметный предмет — низкая линия пурпурных холмов или группа эвкалиптов вокруг колодца, — он моментально притягивал, словно магнитом, взор, становился желанной целью в одуряюще пустынном пространстве. По ночам все вокруг затоплял лунный свет, и по небу рассыпались звезды, казавшиеся неестественно крупными в совершенно прозрачном воздухе. Иногда на несколько секунд над головой загорался метеор, проносился, оставив сверкающий хвост, и пропадал в черной выси.

Несколько раз им попадались аборигены. Завидев верблюдов, они застывали как вкопанные и мгновение спустя убегали. Никакие уговоры или дружелюбные жесты не могли заставить их приблизиться на расстояние броска копья. Остановливаясь на ночевки, Берк стреноживал животных и выставлял караульного.

Наконец равнина перешла в холмистую местность с глубокими оврагами, на дне которых дождевая вода, стекавшая по естественным желобам в склонах, собиралась в застойные лужи. Место называлось Мутвинджи, что на языке аборигенов означает «зеленая трава». Оно и сегодня сохраняет свой необыкновенный рельеф — множество примет свидетельствуют о том, что когда-то, в доисторические времена здесь было море; тут находят ископаемые остатки морских животных, а ложбины, усыпанные мелкой галькой, возникли, как считают, под действием морских волн. Возраст этих скалистых образований внушает почтение: им около 500 миллионов лет.

Причудливые деревья и растения облепили кромки ущелий и оврагов — казуарины с темной сморщенной корой и кроваво-красной древесиной, леопардовое дерево в мелкую крапинку, цветущая акация, трава с лимонным запахом, австралийские сосны и снежно-белые эвкалипты, которые растут не прямо, а скручиваются и изгибаются, принимая гротескные формы. Мертвая тишина нарушается лишь визгом бело-розовых какаду.

Рыжие кенгуру и эму при появлении людей беззвучно исчезают, словно растворяясь в пустоте; здесь водятся змеи и ящерицы, ромбические питоны и маленькие гекконы, быстро семенящие на мягких «подушечных» лапках, ежи, серые мыши и прочая мелкая живность. Стрекозы с алыми крыльями мечутся над зеленовато-мутной водой, а муравьиные львы прокладывают в песке тайные ходы, дожидаясь, пока черные муравьи скатятся им прямо в рот. В бледно-голубом небе, раскинув метровые крылья, кружит, словно патрульный самолет, клинохвостый орел.

Аборигены считали Мутвинджи священным местом. Здесь они совершали свои обряды, разрисовывали символами стены пещер. На скалах осталось множество отпечатков ладоней и ступней: аборигены обмазывали их охрой и прикладывали к поверхностям камней. Среди изображений — огромный восьмиметровый питон, кенгуру, эму, бумеранги, крошечные фигурки людей, различные цветы и продолговатые предметы с утолщением на конце, которые с равным успехом можно принять как за ящериц, так и за фаллические символы. Аборигены складывали из обломков камней церемониальные пирамиды, выдалбливали углубления, в которых растирали семена нарду, из острых осколков делали наконечники для копий и стрел, из выщербленных камней — трещотки; привязанная к длинной веревке и раскрученная над головой, она производит шум, особенно оглушительный в этих безмолвных ущельях, где малейший звук отдается раскатистым эхом.

Людвиг Беккер наверняка пришел бы в восторг от этого впечатляющего зрелища, но Берк и его отряд постарались побыстрее выбраться из Мутвинджи. Уиллс упоминает в полевом журнале о «мрачных ущельях», где, несмотря на обилие воды, никто не захотел разбить лагерь.

Далее вновь потянулась однообразная равнина; путешественники шли от одного крика к другому, на каждой стоянке вырезали на дереве крупную букву «Б» и римскими цифрами — номер лагеря, чтобы тыловая группа могла следовать их маршрутом. Одолев благополучно 200 миль, Берк остановился на дневку у болотистого места, названного им Торовото; отсюда Райту предстояло вернуться к арьергарду. Берк отправил с ним в Комитет письмо, в котором сообщал, что экспедиция шла по «пригодным для овец пастбищам», а лошади

и верблюды находятся в хорошей форме — словом, все идет благополучно.

Далее Берк писал: «Г-н Райт возвращается отсюда в Менинди. Я уже сообщал, что назначил его третьим должностным лицом экспедиции; надеюсь, Комитет одобрит это назначение. Согласно моим инструкциям, он должен привести к Куперс-Крику оставшихся людей, у которых имеется в достаточном количестве солонина. Я также известил доктора Беклера, что принимаю его отставку, не дождавшись решения Комитета по этому поводу; обстоятельства складываются таким образом, что медлить дальше невозможно, поскольку доктор категорически отказался идти дальше, за пределы обжитых районов. Должен признать, что он проявил себя в походе наилучшим образом, однако не смог совладать со страхом, что, по моему мнению, делает невозможным его дальнейшее пребывание на посту. Если Райт будет строго следовать моим инструкциям, я совершенно уверен в положительных результатах. Полагаю, Комитет сумеет навести о нем справки и убедится в несомненной пригодности Райта для этой должности и наличии у него весьма похвальных качеств.

Отсюда я намерен держать путь на Куперс-Крик. Возможно, нам не удастся более отправлять сообщения до тех пор, пока к нам не присоединится остальная партия; я не склонен отпускать кого-либо из своего отряда, поскольку туземцы предупреждали Райта, что далее нам могут встретиться враждебные племена.

Наиболее разумным мне представляется создать продовольственный склад на Куперс-Крике и выступать оттуда мелкими партиями с целью разведки местности. В любом случае крайне желательно, чтобы оставшаяся группа как можно быстрее подтянулась к нам.

Полагаю для себя большой удачей то, что моим заместителем стал г-н Уиллс, превосходный работник, старательный и преданный делу. Уверен, что он останется на этом посту до тех пор, пока я руковожу экспедицией.

Все участники ведут себя безукоризненно и исполнены решимости идти вперед как можно быстрее; смею заверить Комитет, что я намереваюсь двигаться без задержек, но осмотрительно и приложу все усилия, дабы избежать ненужного риска, не упуская вместе с тем никаких шансов.

Примите и проч. *Р. О'Хара Берк*, руководитель».

В частном письме к дяде в Ирландию Берк высказы-

пался куда откровеннее о Ленделсе и Беклере. «Мой заместитель и доктор,— писал он,— подали в отставку в Менинди из чистой трусости, узнав, что я намерен двигаться дальше, в то время как им бы хотелось провести лето на Дарлинге. Не сомневаюсь, что они приведут в оправдание совершенно иные причины». Берк с восторгом описывал обнаруженную им область и сообщал, что вот-вот двинется дальше. «Однако,— заканчивает он,— не сомневайтесь, что я позабочусь о своих людях и о себе и не стану рисковать сверх меры. До свидания. Мои наилучшие пожелания сестре Хесси, леди Клонкарри и всем остальным. Ваш племянник, *Р. О'Хара Берк*».

Перед уходом Райта Берк собрал отряд и спросил, нет ли желающих воспользоваться случаем и вернуться в Менинди. Охотников не нашлось.

29 октября Райт отправился на юг, а Берк выступил на север, в неведомое. С утра было прохладно, но к полудню жара усиливалась, по мере продвижения путешественников все сильнее одолевали мухи и пыль — приходилось надевать защитные очки и обвязывать лица платками. За Торовото земля становилась все суше и суше, каменистая почва затрудняла ходьбу. Тем не менее отряд двигался в заданном темпе. Пока они не испытывали недостатка в воде; добравшись до очередной возвышенности, Уиллс поднимался на гребень, и каждый раз обнаруживал впереди новый крик в окаймлении акаций и самшитов,— зеленую полосу, нарушавшую однообразие серой равнины. Даже если водоем оказывался высохшим, где-то поблизости в тростниковых зарослях можно было отыскать колодец. Солончаковые кустарники и местные травы пришлись по вкусу верблюдам, которые если и страдали без рома, то никак этого не проявляли.

Полевой журнал вел Уиллс. Каждый вечер он усердно делал записи и перед сном зачитывал их руководителю. Благодаря Уиллсу мы имеем довольно точное представление о движении головной группы сначала вдоль старого маршрута Стерта (до болот Торовото), а затем к Буллу вдоль границы с Квинслендом — границы, уже нанесенной на карту, но еще никем не пересеченной. В случаях, когда не удавалось узнать местных названий рек, холмов и гор, путешественники нарекали их в честь участников экспедиции; так появились на карте Браге-Крик и Райт-Крик, гора Кинга и так далее (названия эти давно исчезли, за минувшее столетие их переимено-

вывали не один раз). Аборигены им попадались по пути очень редко. Из животных они видели только диких собак, редко эму и кенгуру. Каждый раз их появление предвещало близость воды.

В Буллу они наткнулись на стоянку аборигенов, там жило около шестидесяти человек; в пойменном озере¹² водилась рыба, плескались птицы. Подобно Робинзону Крузо, они вдруг наткнулись на непонятные следы: по песку тянулись две колесные колеи от проехавшей телеги, немного дальше — отпечатки лошадиных копыт. Они решили, что кто-то из поселенцев отважился в одиночку забраться в эти места в поисках новых пастбищ, но следы никуда не вели...

Путь на север пролегал через скалистую гряду, а вся округа оказалась усыпана такими острыми обломками бурого цвета, что шагать по ним было сущей мукой. Никакой растительности, а значит, и воды. Пришлось сделать большой крюк, и 11 ноября, через 23 дня после выхода из Менинди, экспедиция наконец достигла Куперс-Крика в точке с координатами 27°49' широты и 142°20' долготы. Место в полной мере соответствовало красочным описаниям Стерта пятнадцатилетней давности: цепь глубоких водоемов длиной до мили и более, густо поросшие дикой гречихой берега, эвкалиптовые рощи, красные акации с пергаментной корой, завитушками сползавшей со стволов, и листьями-шипками, как у казуаринового дерева. Уиллс отмечает в дневнике, что повсюду валялись стволы деревьев, а в колючих ветвях акаций торчали вырванные с корнем кустарники — верный признак недавнего могучего наводнения.

Не успели путешественники разбить лагерь, как набежали полчища крыс; продовольственные запасы пришлось подвесить на деревья, но это мало помогло, оставаться здесь было невозможно, и Берк приказал спутникам продвинуться дальше по течению в поисках подходящей стоянки. Сам он решил, не мешкая, совершить несколько коротких вылазок с целью выбрать наиболее приемлемый маршрут к заливу Карпентария. В первый раз он отправился с Браге; они вернулись через день, так и не найдя воды.

В следующий рейд Берк отрядил Уиллса и Макдоно; взяв трех верблюдов, они прошли девяносто миль на север от Куперс-Крика и вернулись ни с чем, едва жи-

¹² Остаток бывшей излучины продолговатой, извилистой или подковообразной формы.— *Примеч. пер.*

вые от жажды. Выяснилось, что на первой же ночевке от них сбежали все три верблюда; двое суток почти без отдыха путники пешком добирались до лагеря. Еще две попытки пробиться на север также закончились неудачей, и Берк решил, что единственный шанс — идти вдоль крика до того места, где остановился Стерт, и оттуда подниматься к заливу. Но прежде следовало оборудовать продуктовый склад.

В нескольких милях дальше на северном берегу они приглядели подходящую площадку под сенью огромного эвкалипта, где разбили лагерь. Крик выгибался здесь живописной излучиной, раскидистые деревья отбрасывали густую тень. На противоположной стороне зеленели тростниковые заросли, у воды не умолкал гомон тысяч птиц, слышался плеск рыбы. Лагерь получил номер 65, его, как обычно, вырезали на дереве — на сей раз на могучем эвкалипте, под которым они расположились.

Солнце пекло немилосердно — температура в тени поднималась до 45°C, но, писал Уиллс, переносить ее было легче, чем мельбурнскую жару, благодаря сухости воздуха. В письме к сестре в Англию он умалчивает о тяготах пути: «Пока поход напоминает пикник». Правда, он упоминает о том, что приходится пить воду, «которую ты не решилась бы даже попробовать, а мы здесь смакчем ее так, словно это бокал шерри или шампанского». Можно лишь удивляться выносливости Уиллса — ведь ему пришлось преодолеть за несколько разведочных рейдов от Куперс-Крика около 500 миль, по большей части пешком...

Время шло, близилась середина декабря; Райт с основным отрядом все еще не появлялся. Пока это не вызывало сильной тревоги, поскольку продовольствие имелось в достатке. Берк решил, что нет особой необходимости дожидаться Райта: тот должен объявиться в самые ближайшие дни, в этом не могло быть сомнений, а раз так, почему не отправиться к заливу Карпентария немедленно, не теряя времени? В конечном счете именно сейчас начиналось самое главное — экспедиция вступала в финальную фазу. Берк вновь делит отряд на две группы: четверых — Браге, Пэттона, Макдоно и Доста Магомета — он оставляет в лагере 65 с заданием построить укрепление и встретить Райта. Остальные — сам Берк, Уиллс, Грей и Кинг с шестью лучшими верблюдами и одной лошадью — отправятся на север к заливу.

13 декабря Берк составил для Комитета отчет о про-

движении экспедиции, где сообщал, что лагерь 65 отныне станет базовым продуктовым складом. «Возле Куперс-Крик много травы,— писал он,— лошади и верблюды найдут обильную пищу, хотя после дождей это место станет весьма неприятным из-за обилия мух, комаров и крыс.

Мы многократно пытались обнаружить приемлемый путь на север, не повторяя маршруты Грегори и Стерта, но все попытки окончились неудачей... Я убежден, что дорога на север непроходима в сухой сезон; туземцы покинули эти места из-за отсутствия воды; мы видели пустые колодцы в руслах высохших криков...

Следуя моим указаниям, арьергардная партия, которая вскоре должна прибыть в лагерь, попытается в мое отсутствие найти более короткий путь от базового склада 65 до Райт-Крика (около Торовото) или до Дарлинга. Завтра я отправляюсь с ограниченным отрядом [перечисляются имена] к Эйр-Крику. Оттуда я двинусь на север к заливу Карпентария и намереваюсь возвратиться на Куперс-Крик через три месяца.

Вторую группу я оставляю под началом г-на Браге, который пользуется полным моим доверием. Лагерь хорошо укреплен на случай нападения туземцев, поэтому ничто не сможет помешать группе пребывать там до нашего возвращения или же до тех пор, пока не истощатся запасы провизии. Я не имел намерений выступить из лагеря столь рано, но начавшиеся сильные грозы предвещают проливные дожди на севере; учитывая неудачи в попытках идти другим маршрутом, было бы жаль упустить столь благоприятную возможность.

Все участники экспедиции в добром здравии, а их поведение достойно всяческих похвал. Наши отношения с г-ном Уиллсом безупречны. Он человек усердный и исполнительный. Я счел возможным повысить в должности г-на Браге, назначив его руководителем партии на Куперс-Крике. Полагаю это назначение правильным, учитывая характер возложенных на него обязанностей и надеюсь, что Комитет одобрит его.

Я дал указание г-ну Браге отправить это письмо с первой же оказией.

Честь имею и проч. *Р. О'Хара* Берк, руководитель».

Перед выходом Берк обсудил с Браге вопрос о том, как следует поступить в случае, если рейдовая группа не вернется в лагерь по истечении трех месяцев. Берк считал этот срок предельным — сам он не сомневался,

что бросок к океану займет от силы месяц, не более. Он не допускал и мысли о том, что может вернуться с побережья залива Карпентария в Мельбурн на судне, обогнув континент, или же восточным маршрутом через обжитые районы Квинсленда. Берк намеревался прийти пазад к Куперс-Крику. Если Райт с основной колошпой прибудет в ближайшее время, Браге должен был следовать за Берком со второй рейдовой группой из трех-четыре человек, захватив доставленные от Комитета депеши. Если Райт не появится в течение ближайших нескольких дней, Браге уже не сможет догнать Берка, и потому ему следует оставаться на месте. Никаких письменных указаний Браге не получил; они просто договорились о том, что он ждет Берка максимум три месяца, а если случится непредвиденное, Браге пробудет здесь до тех пор, пока не кончится провизия, после чего поведет людей к Дарлингу.

Перед дорогой забили двух лошадей и приготовили вяленое мясо — нарезали его тонкими длинными ломтями и высушили. Затем поделили провизию. На долю отряда Берка пришлось 136 кг муки, 23 кг овсяной крупы, 45 кг вяленой конины, 45 кг бекона и солонины, около 20 кг галет, 23 кг риса, 23 кг сахара, 5,5 кг чая, 2 кг соли и несколько банок консервированных овощей и растительного масла; сочли, что этих запасов должно хватить четверым на двенадцать недель. С собой они взяли ружья и патроны, рассчитывая добывать по дороге какую-нибудь дичь. В перечне не значится ни капли спиртного, также решено было не брать палаток.

Вечером накануне ухода Берк вручил Браге несколько запечатанных пакетов, наказав сжечь их в случае его смерти или исчезновения. Судя по некоторым данным, в письмах упоминалась Джулия Мэтьюз; в свое время Берк составил завещание на ее имя, а теперь якобы передумал, однако это лишь домыслы и в точности никому ничего не известно. Кстати сказать, кроме жалованья, оставить ему практически было нечего; он даже не уплатил Мельбурнскому клубу долга в размере 185 шиллингов и 30 центов.

Уиллс тоже оставил личные дневники и письма; кроме того, он вручил Браге барометр-анероид и четыре термометра, чтобы тот мог вести на Куперс-Крике метеорологические наблюдения.

16 декабря, в воскресенье, с восходом солнца навьючили верблюдов, и в 6.40 Берк собрал тех, кому пред-

стояло остаться. Прощание получилось волнующим, все хотели отправиться с Берком, Пэттон не смог сдержать слез. «Пэттон,— обратился к нему Берк,— не надо расстраиваться. Я скоро вернусь. Если через несколько месяцев нас не будет, вы отправитесь назад к Дарлингу».

С тем они и ушли. Браге проводил их до первого привала, пройдя с ними 22 мили, а затем вернулся в лагерь. На прощание он сказал Кингу: «До свиданья, Кинг, вряд ли доведется увидиться раньше чем через четыре месяца».

Путешественники остались одни. Произошло именно то, против чего так настойчиво предостерегал Грегори,— они выступили в поход в разгар лета, не обеспечив связь с тыловой группой; карт лежавших впереди территорий не существовало. Случись кому-то из участников заболеть, помощь оказать будет некому. Кроме Уиллса, ни один не умел вести научных наблюдений, квалифицированно описать рельеф, флору и фауну, жизнь аборигенов. Короче говоря, этот поход можно считать испытанием выдержки, состязанием, гонкой, чем угодно, но только не *экспедицией*.

Настроение было приподнятое, дорога от Дарлинга закалила их и привила навыки выживания в пустыне, верблюды и лошадь откормились на Куперс-Крике, а сам Берк не сомневался в успехе.

Глава 6

К ЗАЛИВУ

Теперь, когда за спиной остались долгие мили пути, они лучше узнали друг друга. Конечно, социальные различия не стирались: Берк и Уиллс, будучи офицерами и джентльменами, отдавали приказания, а рядовые Грей и Кинг их выполняли. Однако то, что связывало этих четверых людей, было куда важнее — они одинаково рисковали жизнью, впереди их ждали одинаковые трудности и вела их одна надежда. Сейчас эта общность затмевала различия в статусе, происхождении и возрасте. Болезнь или травма одного ставила под удар всех, а каждая самая маленькая победа — удачно заверченный дневной этап, поимка отбившегося верблюда, обнаруженный колодец — становилась общей. Более того,

постепенно они узнали привычки друг друга, научились считаться со слабостями и странностями ближнего; одним словом, произошли перемены, какие неизбежно возникают в группе людей, отрезанных от всего мира и оказавшихся в полной зависимости друг от друга. Кто-то лучше стрелял, кто-то лучше готовил, третий был сильнее физически — гордыня, ревность и зависть ушли на задний план, теперь они стали единым целым, и мелкие обиды сделались непозволительной роскошью.

Атмосфера внутри группы зиждилась на приязни и уважении. Берка безоговорочно признавали лидером, и даже если в отдельных случаях возникали сомнения в его правоте, их не высказывали вслух, считая, что авторитет руководителя важнее. Уиллс исполнял роль «штурмана» и отвечал за научно-техническую часть. Никто не посмел бы усомниться в его расчетах; действительно, Уиллс был настолько прилежен и аккуратен, что ни разу за весь путь они не заблудились. Двадцатидвухлетний Кинг — самый юный участник экспедиции — полностью оправился от болезни, поразившей его в Индии, набрался сил и энергии; не по годам серьезный, он готов был в любую минуту прийти на помощь товарищу; отличала его и беспредельная преданность Берку.

Бывшему моряку Грею перевалило за сорок. Природа наделила его легким характером и какой-то особой покладистостью, с первого дня все его звали Чарли. О таких обычно говорят: «хороший парень». Много лет спустя Томас Дик, содержатель бара в Суон-Хилле, где когда-то работал Грей, рассказал мельбурнскому журналисту: «Перед тем как присоединиться к экспедиции, Грей служил у меня пятнадцать месяцев. Был то грузчиком, то поваром, то конюхом, одно время даже служил перевозчиком на Муррее. Когда кто-нибудь из работников запивал, я смело увольнял его: Грей мог за просто заменить любого. На него можно было положить-ся во всем.

— Значит, он был трезвенник?

— Да. Ну, конечно, раз в месяц он надирался — в день зарплаты. Но пьяницей его никак не назовешь.

— Правда ли, что это был отважный человек?

— Храбрости хоть отбавляй, лучшего бушмена не найти».

Итак, оказавшись вместе в нелегких условиях, эти люди составили сплоченную группу, где каждый был на своем месте. Перед ними лежал немалый путь:

1500 миль до залива и обратно до Куперс-Крика. Основную часть маршрута предстояло пройти пешком, поскольку лошадь и верблюдов до предела загрузили водой и провизией. Как правило, Берк и Уиллс шли впереди, держа направление по стрелке компаса, за ними шаггал Грей, ведя в поводу коня Билли, а замыкал колонну Кинг с шестью верблюдами.

Идти было нелегко. Те, кому довелось побывать в центре Австралийского континента, согласятся, что камни там особенно остры, глина тверда, как бетон, а болота полны липкой грязи. С первых же шагов обливаешься потом, который не успеваешь утирать — одна рука должна быть все время свободной, чтобы отмахиваться от омерзительно назойливых мух. Хорошо известно, как чутко воспринимаются запахи и звуки при ходьбе, но механическая монотонность изнурительного марша Берка и его спутников просто не укладывается в сознании человека XX века: час за часом, миля за милей одна и та же бескрайняя равнина, где глаз каждый раз упирается в пустоту, и так — изо дня в день. В подобных условиях мир сужается, человек, как замороженный, смотрит на носки собственных сапог, мелькающие, словно стрелка маятника, однообразный ритм притупляет все чувства, даже усталость, — и земля уже не земля, а просто расстояние, которое надо одолеть. Сознание целиком поглощено движением; любой раздражитель отвергается всем существом, а любое мозговое усилие дается величайшим трудом.

Упорство, с которым эти люди шли к цели, их способность справляться с тысячами больших и малых препятствий поистине вызывают восхищение. Маршрут не был начерчен на карте, приходилось то и дело менять направление, огибая болота и скальные гряды, следить за полетом птиц, которые могли привести к воде; наконец, надо было уметь точно рассчитывать силы и вовремя останавливаться. В центре континента случаются ужасные песчаные бури. Тончайшая красная пыль твердым панцирем покрывает одежду и проникает даже в кожу, но это еще не самое страшное — она лишает видимости, серый свет с трудом пробивается сквозь свинцовые клубы. Не остается ни листка, ни цветка, ни травинки — вихрь с корнем вырывает всю растительность. Мимо проносятся в полумраке, разбрасывая семена, перекасти-поле — единственный прок от всего этого буйства. Подобные бури свирепствуют иногда по не-

сколько дней подряд; ураган несет тучи пыли с севера на юг, пока не меняет направления и не гонит их обратно. В такие дни птицы и звери прижимаются к земле, стараясь зарыться поглубже. Четверке путешественников не оставалось ничего иного, кроме как пережить.

Но путники позволяли себе устраивать перерывы не часто и при малейшей возможности двигались вперед. Вставали, как правило, на заре, после чего шли часа два, потом останавливались на завтрак и снова пускались в путь. Если дневная жара становилась совершенно невыносимой, они шагали по ночам при свете звезд или яркой луны. Привалы устраивали в местах, где находили корм верблюдам. Суточный паек включал 1 фунт пресной лепешки, $\frac{3}{4}$ фунта вяленой конины, $\frac{1}{4}$ фунта солонины, $\frac{1}{8}$ фунта вареного риса, чай и сахар. Никаких овощей и фруктов, источником витаминов служил отвар портулака, сочной травы, довольно часто встречавшейся в этой местности. Рыба и дичь почти не попадались, да и времени на охоту и рыбалку не было. Мясо кенгуру оказалось жестким, как подошва, эму — несъедобными, равно как и местные попугаи¹³.

Берк, как и прежде, не вел дневников, и если бы не Уиллс, мы бы мало что узнали об этом походе. Сохранилась, правда, потрепанная записная книжка Берка с металлической застежкой и кармашком для карандаша; к сожалению, почерк руководителя зачастую совсем неразборчив, а часть страниц выдрана. И все же это интереснейший документ. Он начинается поучением: «Думай, прежде чем ответить, и никогда не утверждай, если не убежден в своей правоте». Далее следует краткий перечень дат и мест стоянок:

«20 декабря 1860 г. — Пересекли крик, где встретили много туземцев; нас накормили рыбой и предлагали женщин. Лагерь 70.

21. — Пересекли еще один крик: лагерь 71. Вода прекрасная; отличный корм для верблюдов; замечательное место для фермы. После Куперс-Крик земля вполне пригодна для обживания и выпаса овец, воды вдоволь.

22 декабря 1860 г. — Лагерь 72. Расположились на краю пустыни.

¹³ Жители австралийской глубинки, ценящие шутку, рекомендуют следующий рецепт приготовления розового какаду: варить вместе со старым башмаком до тех пор, пока башмак не разварится; после этого какаду выбросить, а башмак съесть.— *Примеч. авт.*

23. — Шли день и ночь, под утро остановились в русле сухого крика; считаем, что вода близко.

24. — Утром встали на дневку на берегу Грей-Крика, названного в честь нашего товарища, отряженного верхом на поиски воды и сумевшего отыскать водоем. До этого два дня не видели воды. Подвожу кое-какие итоги. От Куперс-Крика (лагерь 65) до Эйр-Крика рассчитывали обойтись взятым запасом — 375 литрами воды; четверо верховых верблюдов несли по 61,5 литров, лошадь — 71, два вьючных верблюда — по 24 и мы — по 2,5 литра каждый.

25. (*Рождество*). — Вышли в 4 утра и днем добрались до крика, не уступающего по величине Куперсу. В 2 часа пополудни Голах Синг [один из верблюдов] решительно улегся под деревом, призывая последовать своему примеру. Дивная перспектива.

26 декабря; 27 декабря; 29 декабря. — Следовали вдоль крика до тех пор, пока он не свернул на юго-восток. Утром 30 декабря отклонились в сторону. 12.30 — продолжаем идти. Шли 11 часов.

31. — Вышли в 2.20 утра. Шли 13,5 часов.

1 января 1861 г. — Вода.

2 января. — На Кинг-Крике; 11 часов в пути. Отправились в 7; шли 9,5 часов. Пустыня.

3 января. — Вышли в пять утра. Шли 12 часов.

4. — 12 часов в пути.

5. — Вода в Уиллс- или Кинг-Крике. Трудно сказать, в котором часу отправились: сначала кормили верблюдов, потом паковали и навьючивали груз, после этого кормили лошадь и набирали воду. Восхищен спокойствием своих спутников, люди достойно переносят все тяжкие испытания.

13 января 1861 г. — Не имея возможности регулярно вести дневник, буду делать краткие записи и проставлять даты. Дважды, у Куперс-Крика и Кинг-Крика, в день Нового года, туземцы пытались отогнать нас от воды. Один старик вонзил копьё в землю и начал было швырять в нас песком, но я выстрелил в воздух из пистолета, и он, позабыв о достоинстве, бросился наутек. Использовали для названий следующие фамилии: Теккерей, Барри, Биндон, Лайонс, Форбс, Арчер, Беннет, Коллес, О. С. Николсон, Вуд, Риксон, Коуп, Тернер, Скрэтчли, Лигар, Гриффит, Грин, Роу, Гамильтон.

18 января. — Все еще на горном кряже; верблюды от страха обливаются потом.

20 января. — Сегодня намерены преодолеть кряж; пока что все идет хорошо. Правда, несчастные верблюды обливаются потом и стонут, но мы им устроили горячую баню в Тернерс-Крике, после чего они, кажется, пришли в себя. Наконец кряж позади».

В этом месте дневник Берка обрывается, несколько страниц отсутствуют и дальше нет никаких записей до конца марта.

Заметки Уиллса гораздо подробней; удивительно, как ему удавалось в суровых полевых условиях, несмотря на предельную усталость, день за днем аккуратным почерком делать записи по 400—500 слов — и при этом ни разу не допустить ни одной орфографической или грамматической ошибки — вдобавок к регулярным метеорологическим и астрономическим наблюдениям, результаты которых он вносил карандашом в отдельный блокнот в кожаном переплете.

Из дневников Уиллса мы узнаем, что, покинув базу 65, они двинулись вниз по Куперс-Крику и несколько дней спустя вышли у Иннаминки на старый маршрут Стерта. У аборигенов Куперс-Крика появление диковинных гостей вызвало суматоху. «Многолюдное племя, — писал Уиллс, — столпившись, разглядывало нас; мужчины, дергая за рукав, приглашали в стойбище участвовать в танцах. Мы решительно отказались. Туземцы, весьма агрессивные на вид, были настроены миролюбиво. Они готовы прибрать к рукам любую мелочь, но рисковать ради нее не станут. Как правило, они безоружны, если не считать щитов и огромных бумерангов, которыми они, по-видимому, убивают крыс и пр. Иногда мы видели у них копья, тростниковыми дротиками они совершенно не пользуются. Они, несомненно, выглядят привлекательней туземцев Муррея и Дарлинга и более доброжелательны. Однако во многих прочих отношениях они уступают своим братьям, и даже наш малый опыт доказывает, что в большинстве своем это люди коварные и ничтожные».

Позднее отношение Уиллса к аборигенам сильно изменится к лучшему. Но уже и теперь, хотя белые отказывались общаться с этими простодушными людьми, участвовать в их празднествах или пользоваться их женщинами (которые, как и вещи, были всеобщим достоянием), они охотно принимали от них в дар рыбу, а в ответ предлагали бусы и спички.

Однажды Уиллс решил проверить температуру воды

в мутном рыбном садке и обнаружил, что она равна 36°С. «Немудрено, — пишет он, — что она показалась нам горячей; мы охладили ее в бурдюке, и я подумал, что будет интересно узнать, какая вода представляется нам холодной. Я поместил термометр в котелок с водой, показавшейся нам почти холодной, и с удивлением увидел, что ее температура 25°С».

Группа свернула от Куперс-Крика на северо-запад; воды все еще было много, а впереди лежала так называемая Заливная ложбина — в хороший год всю эту территорию на многие мили вокруг затопляют воды Куперс-Крика, Дайамантины и других рек. Потом потянулись песчаные холмы, поросшие ковылем; верблюдам приходилось осторожно огибать их, чтобы не угодить в разрытые крысами ямы. 22 декабря они вступили в Каменную пустыню Стерта. Уиллс смотрит на нее глазами ученого, а не художника. Он не тратит слов на описание ландшафта — смесь ярчайших цветов, красного, белого и голубого; вместо этого он сообщает:

«Я был скорее разочарован зрелищем — пустыня представляла собой каменистую возвышенность, мало чем отличавшуюся от уже виденных нами, разве что большего размера и не столь ровную... Не скрою, мы ожидали увидеть нечто ужасающее, в то время как реальность оказалась вполне заурядной; ходьба по этой земле не так уж тяжела, отдельные участки действительно голые, но нам приходилось видеть куда худшие пастбища, выбитые овцами».

Им повезло: сверни они чуть западнее, попали бы в пустыню Симпсон, настоящую пустыню, которую и теперь пройти не легче, чем тогда. Осадков там выпадает менее четырех сантиметров в год.

24 декабря они устроили день отдыха в волшебном оазисе, а ко «дню подарков»¹⁴ пустыня Симпсон осталась позади; однако вместо того, чтобы следовать на северо-запад по стопам Стерта, Берк решил двигаться вверх по течению Дайамантины до места, где сейчас находится поселение Бердсвилл. Это очень засушливый край, и трудно представить, кто мог услышать там пение птиц, чтобы дать деревушке такое название — «Птичий город». Правда, в тот год Дайамантина была полноводной: сезон дождей выдался обильный, так что когда

¹⁴ Второй день рождества, когда слуги, посыльные и т. п. получали в Англии подарки от хозяев. — *Примеч. пер.*

путешественники расстались с рекой, — она сворачивала на восток, — по пути им попадались другие крики и ручейки. Берк и его спутники пересекли тропик Козерога, то есть уже продвинулись на север дальше, чем кто-либо до них; Стерту, в частности, это не удалось.

В первые дни января они шли прямо по курсу вдоль Эйр-Крика. Стояла невыносимая жара, зато людей и животных не мучили комары и муравьи; иногда даже случались короткие передышки от мух. На раскаленное небо нельзя было поднять глаз. Создавалось впечатление, что жизнь замерла, остановилась, пережидая жару. Аборигены исчезли. В полдень горизонт терял очертания, а в каждом глинистом впаде дрожали блики несуществующего озера. Впрочем, им ни разу не пришлось нести на себе воду больше трех дней кряду; по ночам на пустыню опускалась блаженная прохлада. 7 января поднялся ураганный ветер, но, к счастью, быстро утих, а на следующий день можно было заметить робкие признаки того, что пустыня заканчивается. Они подстрелили дикого индюка, неуклюже пытавшегося взлететь, и полакомились его нежнейшим мясом. Снова появились деревья, а с ними — комары; караульные вынуждены были всю ночь жечь костры, отгоняя насекомых.

Мало-помалу радость открытий — восторг от зрелища невиданного доселе — проникает в сухую, подчас даже суровую прозу Уиллса: «По мере продвижения, с каждым шагом ландшафт оживал. Стаи голубей поднимались на крыло и улетали на восток, на склонах холмов зеленели растения, наполнявшие воздух ароматом свежести. Лошадь тянет изо всех сил уздечку, торопясь добраться до травы».

Он продолжает (9 января): «Прошли шесть миль по холмистой равнине, покрытой буйной растительностью; при нашем приближении над маленькими криками взлетают утки, весело носятся голуби».

И дальше (11 января): «Выступили в пять утра. Дорога шла по живописной местности, поражающей обилием воды. Настолько увлеклись ее красотой, что совершенно забыли об ожидавшемся затмении солнца; напомнили об этом необычная прохлада и какое-то особенно хмурое небо; забывчивость обернулась благом — в полдень температура поднялась лишь до 28°C, сильно облегчив переход. Все радовало глаз, особенно обилие зелени и воды».

Впереди вырисовывалась массивная гряда — огром-

ное событие для людей, почти месяц шагавших по равнине; приближаясь к ней, они пересекли несколько речушек с «кристально чистой водой». После долгого перерыва путешественники встретили аборигенов. Однажды Кинг, спускаясь по склону на верблюде, до смерти напугал женщину — схватив ребенка, она бросилась со всех ног наутек. Крутые склоны, поднимавшиеся на 300 метров, были усыпаны кусками железной руды. 19 января они все еще одолевали хребет Селуин, который, по словам Берка, «вконец обессилил верблюдов». На следующий день наконец горы остались позади, и четверо путешественников попали в тропическую часть континента. К тому времени они прошли около 500 миль.

Местные тропики не совсем обычны. Помимо общих примет — влажной жары, ураганных ливней, экзотических цветов и мириадом насекомых — им присущи чисто австралийские черты: среди деревьев доминируют эвкалипты, а вся растительность окрашена в полутона. Ничего похожего на зеленое буйство джунглей Индонезийских островов, находящихся всего в нескольких сотнях миль к северу. От самой земли веет глубокой древностью, усталостью, отчуждением. Безусловно, вы увидите и мангровые болота, и редкие пальмы, и сплетение цветущих кустарников, но это — на берегу залива Карпентария. Наиболее же типичной картиной будут пространства, покрытые сухой колючей травой, скрэб вместо джунглей и десятки тысяч монументальных термитников, которые придают всему краю вид огромного кладбища. Отметим, что эвкалипты тропиков отличаются от тех, что растут в центре или на юге: у них темней кора и гуще крона. Если потереть в руке плотный мясистый лист и выдавить капельку масла, его запах будет иной, чем у южных эвкалиптов. Вдоль рек растут деревья с тончайшей светло-желтой корой, которая шелушится и отслаивается как бумага. Ночь здесь в отличие от пустыни не приносит прохлады, круглые сутки земля и воздух пышут жаром. Легкий бриз, тянущий днем с залива, к вечеру утихает, и стволы эвкалиптов, привидениями белеющие во тьме, сохраняют тепло долго еще после захода солнца.

Берк ожидал встретить у побережья буйволов, лесных свиней и других тропических животных, но им по-прежнему попадались лишь эму, кенгуру и дикие собаки, которых они видели и тысячу миль южнее. Мест-

ность была почти идеально ровной, и несколько раз они наблюдали издали австралийских журавлей — огромных, похожих на цапель птиц, одних из красивейших представителей фауны континента. Когда разом взлетела стая из 40—50 птиц, казалось, что в воздухе на фоне бледно-голубого неба раскрывается расписная японская ширма. По торфяным болотам вышагивают на длинных оранжевых ногах аисты *ябиру*, взмахивая черно-белыми крыльями и окидывая окрестности надменным взором; тысячи какаду, примостившихся на мертвых деревьях, создавали впечатление, будто высохшие ветки вдруг покрылись розовым цветом.

Начинался сезон дождей, лень за днем теплые струи обрушивались на землю. Верблюды с трудом переносили обилие влаги; они увязали в трясине, жалобно стонали и отказывались лвиться дальше. Конь Билли совсем ослаб. Около 170 миль все еще отделяли участников похода от моря. Они следовали вдоль течения реки Клонкарри к месту слияния ее с Флиндерсом (а не Альбертом, как считал Уиллс: это была одна из немногих допущенных им ошибок). Теперь они шли по местности, которую в свое время пересекли Грегори и Лейхардт, но путь от этого не становился легче; все было неведомо и враждебно, как и прежде. Чтобы как-то избежать выматывающей дневной жары, они стали совершать переходы по ночам при свете луны. Наконец группа добралась до реки Флиндерс и медленно линулась вдоль одного из ее притоков — Байно, который вел прямо к морю. Трясина становилась непроходимой.

«Выступив в 7.30 утра, — пишет Уиллс 30 января, — после нескольких неудачных попыток выволить увязшего в трясине Гола [одного из верблюдов], было решено начать укладывать гати, чтобы он смог перебраться на другой берег крика. Однако выяснилось, что провести его через глубокие ямы нет никакой возможности; Кинг отделился от отряда, чтобы попытаться пересечь крик в двух-трех милях дальше, и мы всеерьез обеспокоились, увидев группу туземцев, прятавшихся за эвкалиптами».

Когда до моря оставалось около 30 миль, Берк решил снова разделить группу. Оставшиеся верблюды вязли на каждом шагу и тащить их дальше стало невозможно. На берегу Байно разбили лагерь 119, где остались Кинг и Грей, а Берк и Уиллс, взяв с собой коня Билли, отправились дальше. Утром в воскресенье.

10 февраля они покинули лагерь с трехдневным запасом провизии. На Билли помимо седла был навьючен только десятикилограммовый мешок с провиантом, но и этого оказалось слишком много — уже в 300 метрах от лагеря конь увяз в липкой грязи «настолько прочно,— пишет Уиллс,— что не мог шевельнуться; вызволить его никак не удавалось, поэтому пришлось подрывать землю со стороны реки и столкнуть его в воду».

Еще через пять миль Билли опять увяз и снова им пришлось его вызволять из мягкой глины, куда ноги уходили по щиколотку, а иногда и по колено. Неожиданно они наткнулись на плотно утопанную тропу, которая привела их в лес, где виднелись следы недавнего пребывания аборигенов: они выкапывали ямс вокруг кустов. Ямса, пишет Уиллс, было «так много, что туземцы побросали добрую часть, отобрав самые лучшие корни, но мы были не столь привередливы и доели остатки, найдя их очень вкусными».

Пройдя еще с полмили, они увидели лежащего у костра аборигена; возле него сидела *лубра* (жена) с ребенком. «Мы остановились,— пишет Уиллс,— на приличном расстоянии, чтобы не напугать их. Как раз в этот момент мужчина поднялся, и его взгляд упал на нас. Смешно было видеть, как он опешил, видимо решив, что это дурной сон». Неподдалеку стояла ладно сложенная хижина, «достаточно просторная, чтобы вместить дюжину туземцев». Жилище стояло в живописном месте на краю леса; дальше начиналась заболоченная низина, где кормились сотни диких гусей, ржанок и пеликанов. Путники пересекли болото и вышли к протоке. «Здесь,— продолжает Уиллс,— мы увидели трех туземцев, которые, как это уже бывало не раз, без всякой просьбы с нашей стороны молча повели нас по течению. Это сильно помогло, потому что почва по большей части была очень рыхлой и топкой. Когда они нас оставили, мы пошли медленней и, одолев еще около трех миль, решили заночевать». Вода в протоке оказалась соленой — значит, ее пригнал морской прилив. Они были у цели!

На следующий день Берк и Уиллс совершили попытку добраться до моря, однако одолеть протоку оказалось невозможно — путь преграждали трясина и мангровые заросли; кроме того, из-за проливных дождей вода в протоке поднялась до опасного уровня, конь Билли «испекся» от жары, а запасы провизии таяли

на глазах. Даже теперь, столько лет спустя, испытываешь горькую досаду от того, что Берку и Уиллсу так и не удалось взглянуть на тропическое море, омывающее залив Карпентария; это было бы заслуженной наградой путешественникам за все их лишения и невзгоды. А так с горечью приходилось в последний момент поворачивать назад. Очень откровенно об этом пишет Берк: «Как хотелось бы сказать, что мы дошли до моря, но взглянуть на открытый океан нам так и не удалось, хотя мы приложили к тому все усилия».

Но и совершенного было достаточно: они пересекли континент, завершив маршрут, начатый в далеком Мельбурне. На следующий день с восходом солнца они двинулись обратно к лагерю, где их встретили Кинг и Грей.

Теперь четверых первопроходцев снедала одна мысль — как добраться до склада на Куперс-Крике прежде, чем кончатся их запасы провизии.

Глава 7

ТЫЛОВОЙ ОТРЯД

Тем временем оставшиеся на Куперс-Крике закончили строительство базового лагеря. Проводив 16 декабря Берка, Браге вернулся к складу 65 и незамедлительно принялся со своими людьми за дело — рубить лес и возводить частокол вокруг стоянки. Аборигены несколько раз уже приближались к лагерю и подбирали валявшиеся мелочи. Они не выказывали агрессивности, а походили скорей на мальчишек, забравшихся в чужой сад, отмечал Браге. Тем не менее 26 декабря они утащили шесть верблюжьих вьюков, выложенных на берегу реки для просушки. Случалось, аборигены забирались в лагерь ночью, и караульному приходилось держать ухо востро, особенно в новолуние. Однажды дежуривший Браге заметил целую группу аборигенов, кравших к лагерю под прикрытием берега, в то время как главный «наводчик» спрятался за стволом толстого дерева. Выждав, пока они окажутся метрах в двадцати, Браге зарорал и выстрелил в воздух. Аборигены бесшумно растворились в темноте.

Незадолго до Нового года еще одна группа явилась

в лагерь среди бела дня. Браге схватил одного из них за плечи, развернул и толкнул в спину с такой силой, что тот упал. К вечеру все племя собралось у лагеря, на сей раз уже с копьями и бумерангами, раскрасив лица и тела — верный знак объявления войны. Браге вышел для переговоров и под пристальными взглядами возбужденных «гостей» окружил лагерь чертой. Затем он объяснил жестами, что любой, кто пересечет границу, будет застрелен. Один молодой мужчина, явно бравирюя, переступил черту. Браге поднял ружье и выстрелил... в дерево. Напуганные аборигены бросились врассыпную и больше не возвращались, но, судя по дыму костров, устроились неподалеку.

Склад можно было считать в безопасности до тех пор, пока в отряде Браге не кончатся патроны. В этом факте трудно отыскать чью-то злую волю. Между коренными жителями и белыми поселенцами пролегла пропасть непонимания. Люди белой цивилизации, плохо подготовленные для выживания в экстремальных условиях центра материка, отпугивали аборигенов ружейным огнем вместо того, чтобы завоевать их доверие и воспользоваться их вековым опытом. А черные кочевники, претерпев столько гонений со стороны пришельцев, не видели разницы между путешественником и скваттером. Впрочем, справедливость требует признать, что вторые очень скоро следовали за первыми...

«Сидение на Куперс-Крике» стало одним из бесчисленных примеров этого непонимания. Аборигены при первом контакте проявили дружелюбие, но реакция белых, продиктованная страхом, оказалась неадекватной. Местные жители с необыкновенным любопытством глазели на верблюдов, до которых они не решались дотрагиваться, зато лошадей они хорошо знали и однажды окружили их на лугу возле лагеря, как показалось Браге, с целью угнать. Браге снова выстрелил, обратив в паническое бегство не только аборигенов, но и лошадей. Лишь поздней ночью удалось поймать животных.

Этот эпизод не вызвал эскалации вражды; аборигены, видимо, свыклись с поселившимися по соседству чужеземцами и продолжали приносить им время от времени рыбу и испеченные в золе лепешки. Браге счел за благо не принимать дары, но, в свою очередь, вручил им в подарок бусы и ненужную одежду.

К началу нового года склад был надежно укреплен. Прочный частокол из вбитых в землю молодых деревьев

окружал площадку 6×5,5 метра. Внутри ограды стояла палатка Берка, в которой хранились ружья и запас патронов. Остальные палатки располагались за изгородью, поближе к кострам, где готовили пищу, и месту привязи двенадцати лошадей и шести верблюдов. Провиант разложили по мешкам и подвесили их на деревья подальше от крыс, не дававших житья, — иногда число убитых за день крыс доходило до сорока.

Место расположения склада вызывало у Браге некоторые опасения: аборигены дали понять, что в сезон дождей вся округа может оказаться под водой; пока же никаких признаков приближения дождя не было, ночью стояла удушающая жара, а уровень воды в Куперс-Крике с каждым днем понемногу убывал.

До нас дошли крайне скудные сведения об остальных членах тыловой группы — Нэттоне, Макдоно и Десте Магомете; позже Браге скажет, что все мирно уживались друг с другом. Поначалу все работали не покладая рук, строя укрепление вокруг лагеря, но потом жизнь вошла в привычную колею. По утрам один выводил верблюдов, другой — лошадей, а двое оставшихся сгребгли лагерь. На всякий случай животных не уводили далеко, тем более что корма с лихвой хватало в окрестностях и на берегу реки. Дни были заполнены текущими делами — готовкой, стиркой, починкой походного снаряжения, наблюдениями с помощью оставленных Уиллсом приборов, отстрелом крыс, охотой на уток и ловлей рыбы в Куперс-Крике. Мухи и комары досаждали беспрестанно, и от них спасались дымом.

Берк оставил провизии на шесть месяцев, к тому же поначалу было полно уток (спустя некоторое время дичь, напуганная частой стрельбой, исчезла). На завтрак ели рис и сахар, в полдень обедали лепешками с чаем и, пока не исчерпался запас, — солониной. Ужин состоял из чая с галетами. Одним словом, заботы о еде их не одолевали, особенно учитывая безжалостную жару.

Несомненно, самым тягостным в их жизни была невероятная скука: часами они сидели у костра, потягивая чай, без книг, без дела, без каких-либо развлечений — просто сидели, глядя на языки пламени. Эту скуку нельзя было назвать «гарнизонной» — слишком далеко от цивилизации забросила их судьба; в «зловещем пятне» полностью терялось ощущение времени и пространства. Между тем, несмотря на одноцветье, монотон-

ность и безмолвие буша, там можно было увидеть впечатляющие картины. В центре Австралии — совершенно фантастические восходы и закаты: первые и последние лучи солнца озаряют небо таким пронзительным светом, что все вокруг — каждый кустик, каждое дерево и сама земля — на несколько минут окрашивается в красные, оранжевые, розовые и золотые тона.

Вряд ли кто-нибудь из членов группы был знатоком или любителем дикой природы, но происходившее возле Куперс-Крика наверняка не оставило их равнодушными — ведь этот край известен как один из самых грандиозных в мире птичьих «базаров». Как раз у лагерной стоянки крик был особенно живописен: стоя на берегу протоки длиной в четверть мили в предвечерние часы, ощущаешь себя зрителем на театральном представлении. Медленно начинает гаснуть солнечный свет, и откуда-то «из-за кулис» появляются тысячи карелл и белых какаду; оглашая воздух громким визгом, они суетливо прыгают с ветки на ветку, выбирая насест для ночлега.

Из тростниковых зарослей выбираются на свет божий маленькие робкие лысухи и быстро семят к воде. Любой шорох повергает их в панику, и они мчатся назад в укрытие, похожие на перелуганных черных цыплят. Все деревья, словно рождественские елки, расцветаются живыми гирляндами из попугаев и какаду, заросли акации разукрашиваются стаями красноклювых птиц — глаз просто не успевает следить за безостановочным прибытием и отбытием все новых и новых партий ржанок, орлов, ворон, малюсеньких ткачиков, цапель, голубей... всех просто не перечесть. Они щебечут и охоращаются, тряся помпонами, хохолками, султанами.

На зеркальную поверхность заводи садятся черные лебеди и пеликаны — нелепо размахивая крыльями и вытянув вперед перепончатые лапы. По мере того как меркнет свет, крик становится золотистым, розовые какаду парочками подлетают к воде, озабоченно подергивая головками после каждого глотка, и ярко-розовый цвет их грудок отражается в крике. Но вот опускается тьма и берег погружается в умиротворенную тишину; разве что какая-нибудь недотепа-карелла свалится вдруг с сухой ветки, и вся стая с пронзительным воплем белым облаком взметнется в воздух. Подобное повторяется раз-другой, но наконец воцаряется полный покой.

Такие вечера на Куперс-Крике, когда он ощущает блаженное отдохновение — награда путешественнику за дневную духоту. А утром опять начинается рутинная, особенно смертельно тоскливая, если она связана с ожиданием. Можно лишь вообразить, что должны были испытывать люди Браге: день за днем одно и то же, никаких перемен, никакой весточки из внешнего мира. В подобных условиях парализуется воля, теряется способность к здоровой оценке реальности, одолевают тяжкие думы и сомнения, человек погружается в полудремотное состояние.

Смело можно считать, что их участь была менее завидной, чем у рейдовой группы, отправившейся к заливу; несмотря на все тяготы, четверка Берка имела стимул — продвижение к цели и перспективу увидеть долгожданное море. А в лагере на Куперс-Крике нескончаемо тянулось время, спутники Браге перестали ловить рыбу и стрелять уток — какой в том прок, когда в запасе провиант? Свежая пища была для них жизненной необходимостью, но полусонное сознание и душевный паралич давали себя знать — с каждым днем совершать малейшее действие становилось все труднее. Позднее, отвечая на вопрос, вел ли он дневник, Браге отвечал: «Нет, не вел. А зачем? Ничего же не происходило».

Так они и сидели у склада, слабо отмахиваясь от мириад насекомых, летевших и сползавшихся на свет костра; противные пятнадцатисантиметровые многоножки, скорпионы, мотыльки, жуки с гигантскими прозрачными крыльями, разнообразные муравьи — вся эта бурлящая, таинственная жизнь нового края не интересовала обитателей лагеря; для них эти мерзкие букашки вместе с мухами, комарами и крысами были адской мукой, управлявшей их и без того непростое существование в пустыне. Как говорил Берк, «Куперс-Крик в летний период — не дачное место». Итак, они сидели и ждали, поскольку, кроме этого, других занятий не существовало.

Март сменил февраль; Берк не появлялся, но Браге пока не беспокоился — назначенный руководителем срок истекал лишь к середине месяца. Зато исчезновение Райта представлялось совершенно загадочным. Ведь он был отправлен в конце октября из Торовото с твердым наказом как можно скорее подтянуть к Куперс-Крику отставший караван с основным запасом провизии. Прошло, однако, больше четырех месяцев — срок, вполне достаточный, чтобы проделать этот путь не один,

а несколько раз — но от Райта никаких вестей. Что могло случиться в Менинди? Почему его нет?

Несколько месяцев температура устойчиво держалась на отметке 40°С в тени, но 24 марта она вдруг резко упала. Начались грозы, засверкали молнии, подул сильный ветер, ночи стали очень холодными. Появившиеся в окрестностях аборигены утащили вьючное седло; позже Пэттои нашел его разорванным в клочья в миле от лагеря, но подвешенные на деревьях мешки с провизией остались нетронутыми. Белые опять не воспользовались случаем обменять часть муки на свежую пищу. Между тем у них не было даже сушеных овощей и фруктов; в начале апреля Пэттон начал жаловаться на боль в деснах и плохое самочувствие. В группе он был за кузнеца, и боясь, как бы болезнь не помешала ему, принялся спешно перековывать лошадей. 4 апреля, закончив работу, Пэттон потерял сознание; его уложили в одной из палаток. У него опухли руки и ноги, боль во рту не позволяла есть. Вскоре Браге и Макдоно тоже стали замечать у себя те же симптомы. Причины недуга они не знали — никто не предупредил их об опасности цинги; один Дост Магомет не жаловался на здоровье.

Минуло почти четыре месяца с тех пор, как группа Берка покинула лагерь,— на месяц больше, чем предполагалось. Браге каждый день поднимался верхом на холмы вокруг крика, и оттуда с вершины пристально вглядывался в горизонт, ожидая появления либо Райта с юго-востока, либо Берка — с севера. Пустыня безмолвствовала, не балуя даже миражами. Браге (в сотый раз) терялся в мучительных сомнениях — что делать дальше? Продолжать ждать до бесконечности, несмотря на отсутствие вестей откуда-либо, навеки остаться в вакууме? В ушах у него отчетливо звучали последние слова Берка: «Если я не вернусь через три месяца, считайте меня погибшим».

Нет, Берк не собирался сесть на подвернувшееся судно в заливе Карпентария или двигаться через заселенные районы Квинсленда; он обещал непременно вернуться на Куперс-Крик. Да, но разве нельзя допустить, что их, обессилевших, подобрало судно на берегу или что им пришлось направиться к Квинсленду. Тогда почему же нет никаких вестей? Куда делась колонна, вышедшая из Менинди? А вдруг все просто-напросто забыли о маленьком отряде на Куперс-Крике? Быть мо-

жет, остальные члены экспедиции, целые и невредимые ждут их возвращения, считая, что условленные три месяца уже прошли? И сколько еще он вправе ждать, когда Пэттон прикован к постели и тает на глазах, а его самого и Макдоно неотвратно подтачивает болезнь? Ноги опухли, сесть на лошадь стало нелегкой задачей... А что если Берк погибает от голода в центра материка — разве не должен он, Браге, немедленно идти обратно к отряду за подмогой? Ведь, кроме них, никто толком не знал планов Берка, они оставались единственной ниточкой, связывавшей его с внешним миром... В то же время Берк приказал им сидеть на Куперс-Крике до тех пор, пока не кончится провизия, а провизии хватало. Им до смерти надоела однообразная еда, но ее оставалось еще достаточно. Становилось холоднее, уже падали первые капли дождя. Браге нервничал, надо на что-то решаться — уходить или ждать, скажем, хотя бы до мая?

Каждый день приносил одни и те же вопросы, и ответа на них не было.

Глава 8

РОКОВЫЕ ДЕВЯТЬ ЧАСОВ

12 февраля Берк и Уиллс вернулись в лагерь 119 у залива Карпентария, и, поужинав с Греем и Кингом, подвели предварительные итоги. Прошло 57 дней, как они покинули Куперс-Крик; за это время у них ушли две трети имевшегося трехмесячного запаса провизии. Оставалось всего 37 кг муки, 13 кг солонины, 11 кг сушеного мяса, 5 кг галет, 5 кг риса — иными словами, месячная норма, а дорога назад должна была занять два месяца.

Конечно, нехватку можно было частично компенсировать за счет портулака, который цвел как раз сейчас, в сезон дождей, птиц — им часто попадались утки, ястребы и вороны — и рыбы; к сожалению, опыт показывал, что сильно рассчитывать на такую добавку не приходилось. Однако, у них было пять верблюдов и конь Билли; оставалась еще надежда поймать на обратном пути шестого верблюда, отбившегося от группы на подходе к заливу. Таким образом, по крайней мере часть животных могла быть пущена на пропитание.

От Куперс-Крика их отделяло около 700 миль; по дороге к заливу путешественники покрывали в среднем 12—15 миль в день и рассчитывали возвращаться с той же скоростью — поклажа уменьшилась, дорога уже знакома и, кроме Грея, который постоянно жаловался на головную боль, остальные трое чувствовали себя хорошо. Животным, правда, следовало бы передохнуть, три-четыре недели выпаса вокруг лагеря 119 явно прибавили бы им сил, но о подобной задержке никто и не думал: провизии оставалось в обрез. Берку и так пришлось резко сократить суточный рацион до 12 кусочков сушеного мяса и 100 г муки на человека.

Перед уходом из лагеря 119 вырезали, как обычно, букву «Б» на пятнадцати деревьях вокруг стоянки и зарыли клеенчатый сверток с книгами и письмом, в котором сообщались данные о членах экспедиции и пройденном маршруте. 13 февраля, позволив себе лишь однодневную передышку, группа отправилась в обратный путь. По-прежнему лил дождь.

О возвращении рейдовой группы мы знаем значительно меньше, чем о пути к заливу. Берк не делал никаких записей, а дневники Уиллса стали куда более скудными — по сути, он уже не вел наблюдений и не фиксировал маршрута; записи ограничиваются главным образом датами и номерами стоянок. Уже по этим строчкам, предельно лаконичным и временами путанным, можно судить о степени их усталости. Скорее всего, сами путники не сознавали до конца, насколько были изнурены. Непрекращающийся дождь превратил землю в сплошное болото, а у них не было даже палаток; спать приходилось под открытым небом в насквозь промокшей одежде. После первой недели дождей в дневнике Уиллса появилась характерная запись: «Между четырьмя и пятью часами пополудни разразилась сильная гроза. Мы не заметили признаков ее приближения, хотя вчера на севере и северо-востоке сверкали молнии и доносились раскаты грома. Дождь хлестал часа полтора, земля размыта до такой степени, что животные передвигаются с трудом. Тем не менее утром без десяти семь мы двинулись в путь, однако, через полчаса вынуждены были остановиться. Позавтракав, мы пошли снова, но верблюды опять увязали в трясине, так что пришлось переждать до вечера. К утру небо слегка очистилось и солнце довольно быстро подсушило землю. Подстрелили фазана; очень разочарованы — одни перья».

День спустя еще одна запись: «Около восьми вечера вновь страшная гроза ост-зюйд-ост с постепенным перемещением к северу. Вспышки молний следовали одна за другой и были такими яркими, что мы видели окружающее яснее, чем при лунном свете».

Теперь, когда они ползли, словно вымокшие насекомые, по разбухшей болотистой земле, четверо путешественников мечтали о сухом жарком воздухе пустыни. Здесь, на севере, тоже стояла жара, но жара тропическая, мучительно влажная и выматывающая. Кинг и Грей страдали от головных болей и ноющей ломоты в ногах и спине. Уиллс, который, кстати, оказался самым выносливым из них, записит в дневник: «Вечер (23 февраля) выдался особенно жарким и душным, при малейшем физическом усилии кажется, что задыхаешься: появилось ощущение беспомощности и апатии, которых я никогда раньше не испытывал. Все жалуются на одинаковые симптомы, даже лошади (!) обессилели от вечернего перехода, хоть он был весьма коротким».

По ночам они двигались медленно, 12 миль в сутки оказались недостижимой скоростью; в начале марта группа все еще находилась возле реки Клонкарри. Они почти не отклонялись от своего прежнего маршрута, и, вероятно, поэтому нашли сбежавшего верблюда Гола. «Вид у него исхудалый,— пишет Уиллс,— и несчастный; видимо, оставшись один, он очень нервничал и вышагивал по своим следам взад и вперед, протоптав дорожку. С этого пути он не сворачивал, хотя по сторонам можно было отлично подкормиться. Он начал есть, только увидев остальных верблюдов».

Но это не помогло. Гола настолько обессилел, что четыре дня спустя сердце бедняги не выдержало; пришлось его бросить — он наотрез отказался идти даже после того, как с него сняли седло и вьюки. Тем временем произошел инцидент со змеей. «Пересекая крик при лунном свете,— пишет Уиллс,— Чарли натолкнулся на крупную змею. Поначалу мы решили, что это бревно, но когда Чарли задел ее стремением, она развернулась во всю длину, и нам предстала огромная змея, какую мне еще не доводилось видеть». Ее убили. У трехметрового монстра была черная голова, а тело покрыто желто-коричневыми полосами; во рту не оказалось ядовитых зубов, и оголодавшие путники решились сварить добычу — они не раз видели, как аборигены ели змей. В два часа ночи, когда группа готовилась продолжить путь, у

Берка начался жесточайший приступ дизентерии. От головокружения он не мог удержаться в седле, кое-как его устроили в шалаше из веток. Два следующих дня Берк с трудом волочил ноги.

К концу первой недели марта, одолев сотню миль, они ощутили слабое дуновение сухого воздуха пустыни. Это приободрило путников, только Грей оставался безучастным. «1-н Берк,— пишет Уиллс,— почти оправился от недомогания, но Чарли по-прежнему нездоровится, он не в силах что-либо делать. Прошлой ночью он простудился, не потрудившись потеплее укрыться».

Жалобы Грея не вызывали сочувствия, спутники подзревали, что он «морочит голову», дабы увильнуть от походной работы. Берк считал, что Грей не заслуживает каких-то поблажек: в конце концов всем приходилось нелегко. Перед каждой едой руководитель раскладывал пищу по четырем пронумерованным тарелкам и накрывал их полотенцем. Остальным надлежало стоять, повернувшись спиной, и называть номер, после чего каждый получал соответствующую тарелку. Теперь, когда перспектива голода стала реальностью, вся их жизнь сосредоточилась вокруг еды. Вот почему происшедший 25 марта эпизод поверг всех в состояние шока.

«После завтрака я поднялся на невысокий холм,— пишет Уиллс,— и, возвращаясь оттуда, увидел спрятавшегося за деревом Грея. Он ел то ли мучную похлебку, то ли овсяную кашу. На мой вопрос Грей ответил, что страдает от дизентерии, поэтому взял муку без спроса. Я велел ему пойти к г-ну Берку и самому все рассказать. Грей попросил Кинга сообщить г-ну Берку о случившемся, после чего получил хорошую взбучку. Никто толком не знает, сколько времени он обкрадывал нас. Многие продукты кончились значительно раньше, чем мы рассчитывали».

По версии Кинга, «хорошая взбучка» состояла в том, что Грея «шесть-семь раз шлепнули по уху»; вместе с тем Кинг подчеркивает, что никогда раньше не видел, чтобы Берк тронул кого-нибудь пальцем. Не следует, однако, забывать, что Кинг боготворил Берка и наверняка пытался представить его в наилучшем свете; для Уиллса, человека дисциплинированного и серьезного, Грей вполне заслуживал «хорошей взбучки», далее в своих дневниках он называет его уже не Чарли, а только Грей. Как бы то ни было, Берк пришел в дикое бешенство (которое легко понять в данных обстоятельст-

вах), и Грей, отвечавший за провизию, был отстранен от этой обязанности.

К 25 марта, на сороковой день с момента выхода из лагеря 119 возле залива, они одолели лишь полпути. Правда, уже остались позади кряжи хребта Селуин и дальше дорога по пустыне обещала быть намного легче. Дождь лил не переставая, но они упрямо шагали полный световой день до темноты. В дневнике Уиллса чередуются красноречивые названия лагерных стоянок: «Фиговое дерево», «Одинокая пещера», «Колючка», «Болото», «Комариное место», «Трехчасовый привал», «Дикая собака», «Солончак» и т. д. Примечательно встречающееся несколько раз название «Пиршество». Мы не знаем точно, где и при каких обстоятельствах они забивали животных, но «Пиршество», несомненно, означало место, где изголодавшиеся путники наедались досыта и заготавливали мясо впрок — сколько в силах были нести. Запись от 30 марта: «Привал [Буча — один из верблюдов]. Целый день занимались разделкой, приготовлением и поеданием Бучи. Испытывали полное блаженство; до захода солнца успели провялить солидную порцию мяса».

Одиннадцать дней спустя, 10 апреля: «Провели целый день в лагере. Разделявали и вялили мясо Билли; бедный конь до того отошал и обессилел, что ему вряд ли бы удалось пересечь пустыню. У нас самих кончалась провизия, и мы решили, что настало время забить Билли. Мясо оказалось нежным на вкус, но при разделке мы не увидели ни малейших следов жира».

Теперь из шести верблюдов у них осталось два. Казалось бы, четверым людям такого количества лошадиного и верблюжьего мяса должно было хватить надолго, но они настолько ослабли, что могли нести лишь очень легкий груз. Приходилось бросать все, кроме жизненно необходимого. 20 марта путешественники оставили 27 кг снаряжения; на всякий случай его подвесили на дереве, чтобы можно было найти впоследствии; на двух оставшихся верблюдах ехали по очереди. Ураганные дожди попеременно с песчаными бурями сильно затрудняли движение. Однажды пришлось «пятнадцать минут ждать Грея, а потом вернуться за ним; он жаловался и ныл, утверждая, что не может идти».

10 апреля они снова оказались на кромке Каменной пустыни Стерта. Записи Уиллса становятся совсем скудными, он упоминает лишь места, где им удавалось найти

воду — весна была уже в разгаре, и за несколько дней они сумели одолеть пустыню. 15 апреля, спустя два месяца после ухода с побережья залива Карпентария рейдовая четверка все еще не добралась до Куперс-Крика. Она медленно брела под проливным дождем, делая вынужденные остановки. Верблюды Ланда отказывались идти. Грей настолько ослаб, что не мог держаться в седле, и его приходилось привязывать.

Как выяснилось чуть позже, он «пыл» не напрасно. 17 апреля в дневнике Уиллса появляется лаконичная записка: «Сегодня утром на заре умер Грей. Он не произнес ни одного внятного слова за время приступа, который начался у него в момент, когда мы собрались в путь». Позднее Кинг скажет, что Грея нашли мертвым, когда пытались его разбудить. Хоронили Грея в том, в чем он спал, — фланелевых брюках, рубашке с короткими рукавами и широкополой шляпе. Оставшиеся в живых так обессилели, что рытье могилы глубиной в метр отняло у них целый день. Когда все было кончено, они решили оставить на месте поклажу. Уиллс лишился последних приборов: часть из них поломалась, часть была брошена по пути; лишь полевые дневники — единственный письменный документ всей экспедиции — он бережно хранил до последнего. Над могилой Чарли повесили на дерево ружье и несколько седел, рассчитывая позже вернуться за ними. До базового лагеря на Куперс-Крике оставалось еще 70 миль.

18 апреля они вновь двинулись вперед; с собой они взяли немного вяленого мяса, оставшиеся ружья, лопаты и попону, служившую постелью. В начале путешествия Берк щедрым жестом раздал аборигенам лишние рубашки, и теперь они остро нуждались в одежде и обуви. По ночам было холодно, и они так мерзли, что приходилось целую ночь жечь костер.

Пятница, 19 апреля. День выдался особенно тяжкий; темнокожие аборигены с удивлением смотрели на чудных, заросших дикими бородами белых людей, которые словно заколдованные бродили кругами возле стоянки. Уиллс записывает в дневнике: «Остановились у высохшего русла крика, вскоре, следуя за нами по пятам, сюда пришли и туземцы; мы все же решили держаться от них подальше и потому до темноты перебрались в другое место. Ночь выдалась очень холодной. Сильный ветер с юга. Две предыдущие ночи не могли согреться, так как костер все время задувало».

Суббота, 20 апреля. Они снова в пути, Берк верхом на одном верблюде, а Уиллс и Кинг — по очереди на втором; в ту ночь — их шестьдесят шестую ночь пути от залива — они остановились в тридцати милях от Куперс-Крика. Остаток провизии разделили на три части и съели все, кроме последних 700 граммов вяленого мяса.

Воскресенье, 21 апреля. По страшному, почти мистическому совпадению все драматические события этого путешествия случались по воскресеньям, — цепой нечеловеческих усилий они совершили марш-бросок, рассчитывая за один день одолеть 30 миль, отделявшие их от лагеря. Выйдя на рассвете, путники сделали в полдень короткую остановку; Кинг попытался подстрелить ворону или ястреба, но промахнулся. После передышки вновь двинулись дальше. Наступившая ночь застала их в дороге. Не будь цель так близка, они не выдержали бы столь чудовищной нагрузки; но их поддерживала надежда — еще чуть-чуть, один рывок, и они доберутся до лагеря, где их ждут пища, отдых, друзья. Подталкиваемые одной мыслью — скорей, скорей, — они не замечали усталости, не видели, что происходит вокруг. Взошла луна, Берк, обогнав Уиллса и Кинга, заторопился вперед сквозь безмолвный буш.

Кажется, я вижу их палатки, — повторял он, — кажется, я вижу их.

Приблизившись к лагерю, он прокричал, имитируя клич бушменов: «Ку-и! Ку-и!» Затем стал выкликать одно за другим имена людей, ждавших их в лагере, — Браге, Макдоно, Пэттона. И снова — «Ку-и!»

Но из темноты не доносилось ни звука, ничто не шелохнулось, все застыло в лунном свете.

Войдя в лагерь, они увидели нетронутый частокол, пепел догоревших костров, разбросанные мелкие предметы и инструменты, свежие отпечатки лошадиных подков, верблюжий помет и... ни единой живой души. Путники остановились в полном недоумении и растерянности

— Наверное, перебрались в другое место, — сказал Берк.

Но все трое понимали, что это не так. Если бы Браге перебазировал лагерь, он не оставил бы здесь валяться инструменты. Обводя глазами двор, Уиллс заметил на эвкалипте свежую зарубку; подойдя ближе, они прочли вырезанную ножом надпись:

21 APR 1861

— Если они переместились по соседству,— глухо произнес Уиллс,— зачем было оставлять эту запись?

Берк в отчаянии рухнул наземь. Уиллс и Кинг прикинули расстояние от дерева до места, где виднелась свежеразрыхленная земля,— ровно три метра на северо-запад. Разрыв яму, они нашли ящик с провизией и бутылку, внутри которой была записка. Кинг разбил бутылку и подал записку Берку. Тот прочитал вслух отчетливо видимый в ярком свете луны написанный чернилами текст:

«Базовый лагерь Куперс-Крик, 21 апреля 1861 г.

Оставленная в лагере группа исследовательской экспедиции Виктории покидает сегодня продовольственный склад и возвращается в Дарлинг. Намереваюсь следовать на юго-восток, рассчитывая возле Буллу выйти на старый маршрут. Я и двое моих спутников находимся в добром здравии; третий — Пэттон — последние восемнадцать дней не мог ходить, получив тяжелые ушибы при падении с лошади. До сего дня с Дарлинга не пришел ни один человек.

Все наши шесть верблюдов и двенадцать лошадей в хорошем виде, пригодном для работы.

Уильям Браге».

Отчаяние вызывало не само письмо, а дата его написания: Браге и его спутники покинули лагерь утром этого самого дня! После четырех месяцев ожидания они разминулись на каких-то девять-десять часов или того меньше. Даже теперь их разделяли от силы двадцать миль. Случись это неделей раньше, ровным счетом ничего бы не изменилось, но сейчас сознание неудачи было особенно горьким. Один день — тот самый, что ушел на рытье могилы Грея,— оказался роковым. Почему Браге не услышал выстрелов Кинга, охотившегося в то утро на ястребов и ворон? Они ведь находились совсем недалеко. Почему аборигены не сообщили, что к лагерю подходят белые люди? Куда делся Райт? Почему он не явился? И где он может быть теперь?

¹⁵ Копать.

За минувшее с той поры столетие драматическая сцена на Куперс-Крике превратилась в одну из легенд австралийской истории, питая фантазию писателей и художников. Так, на огромном холсте, выполненном Джоном Лонгстафом в 1907 году, у рокового дерева изображены трое изможденных людей — Берк в изодранной рубашке и брюках, обреченно глядящий в пространство, угрюмый Уиллс, сидящий на вьюке, опустив голову и сложив на коленях руки, и Кинг, лежащий ничком на земле. Возле разрытого тайника валяется лопата, а на заднем плане — два понурых верблюда. Вокруг — безмолвный и безучастный буш. Пожалуй, никому не удалось столь выразительно передать безысходное отчаяние. Картина на редкость правдива и реалистична. Дошедшее до нас краткое описание событий свидетельствует: трое несчастных вначале просто не могли заставить себя поверить в то, что Браге ушел. После всех мытарств добраться, наконец, до лагеря, найти его целым и невредимым — и снова оказаться без помощи, брошенными на произвол судьбы, это уже слишком...

Оправившись от первого шока, путники, естественно, стали думать, смогут ли они догнать Браге. Берк спросил Уиллса и Кинга, готовы ли они отправиться немедленно и идти всю ночь? Оба ответили — нет. Берк сказал, что его силы тоже на исходе. Что же делать в таком случае? Прежде всего подкрепиться и отдохнуть. А потом? Уиллс и Кинг были за то, чтобы идти по следам Браге: если тыловая группа почему-либо задержится в пути, у них будет шанс догнать ее. Берк категорически возражал. Он считал это безумием; не случайно Браге указал в записке, что все шесть верблюдов и двенадцать лошадей в хорошем виде. Разве смогут они догнать их на своих двух полудохлых верблюдах? До Меннди было 400 миль, причем добрая половина пути — по безводной пустыне. Куда разумнее двинуться вниз по Куперс-Крику до Маунт-Хоуплеса в 150 милях, где имелся полицейский пост, а оттуда — к Аделаиде через районы недавних поселений. Грегори одолел этап от Куперса до Маунт-Хоуплеса за неделю; кстати, Мельбурнский комитет в свое время рекомендовал именно этот маршрут в качестве резервной линии связи. В итоге Уиллс и Кинг согласились.

Затем они извлекли оставленную Браге провизию. Все трое в буквальном смысле ползали от усталости — чтобы наполнить бурдюк водой, Кинг на коленях пополз

к крику; после еды им стало немного лучше, и они улеглись спать тут же, прямо на земле.

Весь следующий день они провели в лагере, собираясь с силами, вновь и вновь просчитывая возможные варианты. Почему все-таки ушел Браге? И почему в тот самый день? Верно, рейдовая группа задержалась дольше, чем предполагалось, но ведь в лагере еще оставалась провизия. К тому же были целы все лошади и верблюды, которых на худой конец можно было забить. Куда подевался Райт? Почему он так и не добрался до лагеря? И главный вопрос: почему их бросили? С горечью размышляя о случившемся, Берк принимает решение наказать Браге и его людей: их жалованье пойдет Уиллсу и Кингу. Он непременно добьется этого по возвращении.

Провианта должно хватить по меньшей мере на месяц; если все пойдет гладко, до Маунт-Хоуплеса они обеспечены едой. В свое время, уходя из лагеря в рейд, они оставили здесь часть одежды; теперь, когда она нужна позарез, ее не оказалось на месте. Еще один камень в адрес Браге — каким надо быть идиотом, чтобы забрать с собой их одежду!

Берк пишет письмо, которое в сложившихся обстоятельствах можно считать образцом сдержанности:

«Базовый лагерь № 2, Куперс-Крик.

Рейдовая группа, в которую помимо меня входят г-н Уиллс и Кинг (Грей скончался), следуя от залива Карпентария, прибыла сюда прошлой ночью; мы нашли лагерь пустым, поскольку тыловая группа покинула стоянку ранее в тот же день. Намерены завтра медленно двигаться вдоль крика к Аделаиде через Маунт-Хоуплес, следуя маршрутом Грегори; мы очень ослабли. Двое верблюдов изнурены до крайности, поэтому мы вряд ли сможем проходить более четырех-пяти миль в день. Грей скончался в пути от истощения. Мы все страдали от голода. Надеюсь, оставленная здесь провизия восстановит наши силы. Мы открыли проходимый маршрут до залива Карпентария, основная его часть пролегает по 140 меридиану восточной долготы. Между Куперс-Криком и Каменной пустыней обнаружены области, пригодные для скотоводства. Местность до тропика Козерога сухая, а между тропиком и заливом в основном гористая, но хорошо увлажняется и богата травами.

Берегов Карпентария мы достигли 11 февраля

1861 года. Крайне разочарованы уходом тылового отряда.

Р. О'Хара Берк, руководитель.

22 апреля 1861 г.

Р. С. — Верблюды не в состоянии двигаться, а у нас нет сил идти, иначе мы бы попытались нагнать ушедших. Намереваемся медленно следовать вниз по крику».

Уиллс в дневнике куда откровенней:

«*Воскресенье, 21 апреля 1861 г.* — Вечером прибыли в лагерь и застали его пустым. В зарытой под деревом записке Браге сообщает приятную новость — сегодня утром они ушли к Дарлингу со всеми верблюдами и лошадьми, каковые находятся в прекрасном виде; мы измучены, наши верблюды истощены, так что шансы догнать ушедших равны нулю. К счастью, Браге оставил достаточно провизии, чтобы мы сумели добраться до границ цивилизации, а именно: муки — 23 кг, риса — 9 кг, овсянки — 27 кг, сахара — 27 кг и вяленого мяса — 7 кг. Эти припасы наряду с некоторым количеством конских подков и гвоздей, а также прочих ненужных мелочей составляют все содержимое тайника; отсутствие одежды ставит нас в весьма неприятное положение.

Досада, поразившая нас при виде пустого лагеря, поистине не поддается описанию; мы не в силах пройти даже нескольких шагов — возникает ощущение, что ноги отнялись. Мне никогда ранее не доводилось испытывать подобное чувство беспомощности и, надеюсь, никогда больше не приведется. Пустячный подъем налегке вызывает совершенно неопишуемую боль в ногах, а общая усталость делает непригодным для какой-либо работы. Бедняга Грей, должно быть, ужасно страдал, когда мы подозревали его в притворстве. Как удачно, что эти симптомы не настигли нас в период, когда весь наш рацион состоял из мяса изнуренной лошади.

Ничего не оставалось, как свыкнуться с мыслью об уходе Браге. На ужин сварили овсянку с сахаром. Сытная еда в сочетании с нервным возбуждением, вызванным обстоятельствами, в которые мы были поставлены, оказали неожиданный эффект — ноги отошли. Возможно, что таково действие овощей? Не берусь судить, но мы с г-пом Берком оба отметили явственное облегчение и ощущаем больше силы в ногах, чем в последние дни. Склонен думать, что если бы не портулак, которым изо-

биловала местность, мы вряд ли бы смогли вернуться на Куперс-Крик».

Итак, новый запас провизии позволял надеяться достичь Маунт-Хоуплеса, и после суточной передышки они вновь начали собираться в дорогу. Оставшуюся часть разбитой бутылки, в которой лежало письмо Браге, Кинг надел на изгородь. Найдя затем целую бутылку, они вложили туда записку Берка и спрятали в тайник на случай, если кто-нибудь из отряда Браге вернется в лагерь. Кинг разровнял лопаткой землю над тайником, оставив его точно в том виде, в каком он был. Лопатку приставили к эвкалипту. Кроме провизии брать было особенно нечего; Кинг вырезал из заменявшей калитку шкуры квадратный кусок, намереваясь приспособить его вместо сапог; гвозди и подковы оказались ни к чему, и он разбросал их по земле. Наконец, на несколько торчащих из забора гвоздей он повесил ненужное тряпье и куски кожи. Пепел от потухшего костра остался нетронутым.

23 апреля в 9.15 утра они двинулись в направлении, противоположном тому, по которому ушел отряд Браге. Трое людей в истрепанной одежде, ведя полуживых верблюдов, медленно зашагали назад по уже исхоженному южному берегу Куперс-Крика.

Глава 9

ОТСТУПЛЕНИЕ К МЕНИНДИ

Браге вполне мог задержаться еще на день-другой у Куперс-Крика, даже лишняя неделя не решала дела. Но 18 апреля он твердо решил покинуть базовый склад и установил дату ухода — 21 апреля, воскресенье. У Пэттона разбухли и кровоточили десны, причинявшие мучительную боль. Он настойчиво просил отправить его в Менинди, где Беклер или новый врач смогут оказать медицинскую помощь: никто не сомневался, что задержка будет стоить ему жизни. Сам Браге и двое остальных членов группы — Макдоно и Дост Магомет — тоже настолько ослабли от жары и недостатка витаминов, что присмотр за животными сделался для них почти непосильной нагрузкой; один раз пришлось идти за 15 миль ловить сбежавших лошадей, и этот день превратился в кошмар.

К середине апреля Браге потерял всякую надежду на возвращение Берка: запаса провизии, взятой рейдовой группой, хватало максимум на четыре месяца, а этот срок истек. Таким образом, рассуждал Браге, Берк либо погиб, либо добрался до Квинсленда.

Имелось еще одно обстоятельство, толкнувшее Браге принять окончательное решение: он считал необходимым оставить часть продуктов в тайнике на тот случай, если каким-то чудом Берк и его спутники все-таки вернутся сюда; и вот наступил момент, когда провизии оказалось столько, чтобы хватило и Берку и им самим на дорогу до Менинди. Прожди он здесь дольше, пришлось бы все забрать с собой. К тому же незадолго до этого прошли дожди, и Браге рассчитывал обнаружить по пути воду.

Итак, 18 апреля решение было принято. Два дня заняли сборы — разделили провизию, вырыли яму, уложили туда ящик, разровняли поверхность, замаскировав место на случай прихода аборигенов и вырезали надпись на дереве. Затем Браге достал запечатанный пакет с письмами Берка и, согласно инструкции, сжег их.

Оставленную в тайнике записку он закончил странной фразой: «Все наши шесть верблюдов и двенадцать лошадей в хорошем виде, пригодном для работы». Именно эти слова убедили Берка в том, что у них нет шансов догнать тыловой отряд. На самом деле двое из шести упомянутых верблюдов болели паршой и до того обессилели, что две недели спустя сдохли. Впоследствии Браге так и не смог дать вразумительное объяснение своим словам; по всей видимости, в то время ему хотелось из чистой бравады представить все в наилучшем свете. Утром 21 апреля тюки навьючили на животных, Пэттона привязали к самому покладистому верблюду и в 10.30 — за 9 часов до прибытия Берка — маленький караван покинул лагерь.

Они двинулись вверх по течению, намереваясь несколько дней держаться берега крика, а затем пересечь пустыню в направлении Буллу. В первый день все шло гладко, они не торопились, и в пять часов пополудни Браге устроил привал. В тот вечер их отделяли от лагеря на Куперс-Крике всего четырнадцать миль, и, пусть Берк следом, он мог бы догнать тыловую четверку. На следующий день уже было поздно: Браге ускорил шаг и ушел слишком далеко — к 23 апреля они удали-

лись на 50 миль от продовольственного склада и вступили в пролегающую между Куперс-Криком и Буллу пустыню. Привязанный к верблюду Пэттон стонал и не мог найти себе места, но караван не останавливался. Четыре дня они шли через голые каменистые холмы, ориентируясь по оставленному Уиллсом компасу, и 27 апреля добрались до источника в Буллу. Ровно 100 часов отряд провел без воды и теперь лошади с жадностью кинулись к колодцу.

По дороге на Буллу Браге заметил на земле следы лошадей и верблюдов десяти-двенадцатидневной давности, тянувшейся в направлении Куперс-Крика. На следующий день, пока отряд отдыхал, пустив лошадей на выпас, он до зари отправился на разведку, надеясь разгадать тайну следов. Позднее Браге запишет в дневнике: «Когда чуть забрезжило, я заметил метрах в трехстах впереди дым костра и силуэты лошадей. Было еще довольно темно, я решил, что набрел на становище туземцев и направился к ним, надеясь разузнать что-либо об оставшейся в Дарлинге колонне. Пройдя немного, к своему удивлению, я увидел направляющегося ко мне европейца. Это оказался г-н Ходжкинсон. Он привел меня в лагерь г-на Райта. Таким образом, наша группа вместе с лошадьми, верблюдами и прочим имуществом поступила в подчинение Райта».

Встреча после шестимесячной разлуки, естественно, получилась радостной. Затем Райт рассказал историю своих мытарств. Простившись с Берком в Торовото 29 октября прошлого года, он за шесть дней добрался до Менинди. Тамшний лагерь пребывал в полном хаосе, о выступлении на Куперс-Крик не могло быть и речи. Половина припасов все еще лежала по домам у поселенцев, никто и не думал переносить их в новый лагерь на Памамару-Крике. За животными никто не смотрел, часть людей слегла, отчаянно докучали мухи. Из Мельбурна меж тем приходили мрачные вести: банки отказывались оплачивать чеки экспедиции. По пути к Менинди Берк выписал с дюжину чеков, и теперь по Муррею и Дарлингу поползли слухи, что все они выписаны без обеспечения. Банки не желали принимать чеки даже на крохотные суммы в несколько фунтов; неужели экспедиция потерпела банкротство? Позднее дело уладилось, но в момент возвращения Райта в Менинди жалование всех участников казалось под угрозой, а сама экспедиция — покинутой и забытой ее инициаторами.

Между Менинди и Мельбурном существовала довольно надежная связь — письма прибывали дважды в месяц через Суон-Хилл, но Комитет молчал. Людвиг Беккер отправил Макадаму несколько бандеролей с записями, рисунками и образцами, однако не получил ни одного уведомления об их вручении.

Райт пребывал в полной растерянности. Как можно вести к Куперс-Крику колонну, состоящую из больных животных и людей, которые даже не знали, являются ли они работниками экспедиции? Сам Райт тоже очутился в двусмысленном положении: Берк назначил его руководителем тылового отряда, но Комитет должен был это решение утвердить. Откуда ему знать, одобрена его кандидатура или нет? Комитет вполне мог отвергнуть ее, рассуждал Райт, точно так же, как он отказался платить жалованье экспедиционным помощникам. Поэтому он счел наиболее разумным отправить в Мельбурн письмо Берка — то самое, в котором глава похода просил утвердить назначение Райта командиром арьергарда — и ждать ответа.

Была и другая причина задержки. Как раз в день возвращения в Менинди туда прискакал из Суон-Хилла конный полицейский по имени Лайонс; он сообщил, что имеет важную депешу касательно деталей продвижения Стюарта и, согласно инструкции Комитета, должен лично вручить ее Берку. Лайонсу объяснили, что одному добираться до Куперс-Крика небезопасно, но он настаивал на своем; Райт счел своим долгом предоставить ему четырех лошадей, помощника по имени Макферсон и черного следопыта Дика в качестве проводника. 10 ноября они отбыли, тем самым еще больше ослабив арьергард.

В течение почти шести недель о Лайонсе и Макферсоне не было ни слуху ни духу; лишь 19 декабря следопыт вернулся в Менинди с известием: оба его попутчика застряли в районе Торовото, лошади не в силах двигаться, провиант на исходе, так что перспектива голодной смерти вполне реальна. Нагнать Берка им не удалось.

Подавший в отставку доктор Беклер, дожидавшийся в Менинди замены, по собственному почину вызвался отправиться в Торовото для спасения людей. Дик привел его на место. Гонец Комитета и подсобный рабочий едва ползали от истощения, у них оставалась всего одна горсть муки. Доктор привел обоих обратно в Менинди. Этот отважный поступок делает ему честь и опро-

вергает утверждение Берка о трусости Беклера. Тем не менее это событие привело к дополнительной задержке: доктор, Лайонс и Макферсон вернулись лишь 5 января, а уйти без них, естественно, было невозможно.

За все это время из Комитета не поступило ни единого слова, и в конце года Райт решил направить второе письмо в Мельбурн. Отвезти его предстояло Ходжкин-сону, молодому человеку, назначенному на пост старшего рабочего базового лагеря. «У меня есть все основания полагать,— писал (вернее, диктовал Ходжкин-сону) Райт,— что г-н Берк, отправляясь из лагеря на Куперс-Крике, рассчитывал найти там по возвращении необходимый запас провианта. Поскольку его ожидания не оправдаются, имеются веские причины для опасений как за его судьбу, так и за судьбу членов его группы». Странное послание от человека, который, хотя и столкнулся со сложностями, два месяца просидел на месте, точно зная, что от него ждал Берк...

Атмосфера в такого рода местах почти всегда далека от радужной, но здесь она сделалась просто мрачной — за долгие месяцы лагерь в Менинди впал в состояние летаргии и протрации. Райт даже не удосужился перебраться на новую стоянку у Памамару-Крика. Он предпочитал оставаться с женой и детьми в Кинчеге, в четырнадцати милях от лагеря, где жить было куда удобней, и захаживал проведать подчиненных раз в неделю, не чаще.

Судя по всему, немало людей в лагере настойчиво уговаривали Райта отправиться на Куперс-Крик до наступления «пика» летней жары, когда солнце выпарит всю воду в колодцах. Но Райт продолжал бездействовать, ожидая вестей с Куперс-Крика или из Мельбурна. Нет, он никуда не двинется, пока не получит подтверждения Комитета, пока не докупит лошадей, пока Берк не пришлет обратно верблюдов, пока... пока...

Можно лишь удивляться происшедшему. Берк, несомненно, совершил ошибку, взяв Райта в экспедицию и уж тем более назначив его руководителем тылового отряда: медлительный, ограниченный, корыстный человек, из тех, кто пуще всего печется о жалованье, Райт никак не годился для подобного дела. Ну а что же остальные? Достаточно ли настойчиво они торопили Райта? В какой мере над ними довели тревоги по поводу неоплаченных чеков и опасностей пути? Вполне возможно, что, охотно переложив ответственность на Райта, они

тоже предпочли бездействие, поддавшись общей инертности знойного лагеря на Дарлинге.

В отсутствие руководителей люди бесцельно слонялись целыми днями, купались в Памамару-Крике, занимали дерущихся животных, удили рыбу, ели надоевшую до омерзения еду и тайком наезжали в пивную Томаса Пейна в Менинди (у Пейна был солидный запас спиртного — он купил последние сто литров «верблюжьего» рома за 16 фунтов). Однажды полчища термитов, проникнув в лагерь, уничтожили запас вяленого мяса; налетевшие следом хохлатые голуби склевали всех термитов. В другой раз из Мельбурна прибыло судно, доставившее двенадцать вьючных седел для экспедиции, но ни письма, ни устных указаний. Жара становилась все неистовее, и, чтобы хоть как-то охладить питьевую воду, холщовые ведра подвешивали на деревья. Людвиг Беккер делал наброски и собирал образцы для коллекции; доктор Беклер вел дневник ботанических наблюдений; Райт время от времени наведывался в лагерь проверить, все ли в порядке. Так в мелких делах и заботах текли дни, и становилось все жарче.

22 января 1861 года (группа Берка в это время уже подходила к заливу) Беккер лениво отмечал в дневнике, что минуло три месяца с тех пор, как они стали на Дарлинге, и пять месяцев, как они покинули Мельбурн; за весь срок он ни разу не получил ответа от Комитета, хотя регулярно направлял туда собранные образцы, наброски и дневники.

Сонное царство разбудил Ходжкинсон. Он один, похоже, не находил себе места в общем бездействии; взяв коня, он проскакал 400 миль до Мельбурна за одиннадцать дней. Его появление в Комитете 31 декабря вызвало всеобщее изумление: там, оказывается, и не ведали о задержке. Получив письмо Берка из Торовото, члены Комитета не стали посылать ответа, уверенные в том, что Райт давным-давно уже последовал за Берком на Куперс-Крик. Они вручили Ходжкинсону 400 фунтов наличными — для покупки 10 лошадей и 150 овец, призванных заменить уничтоженное термитами мясо, и в ту же ночь под Новый год он отправился обратно.

Его возвращение в лагерь 9 января заставило наконец всех зашевелиться; на соседних фермах закупили лошадей, подыскали упряжь и начали упаковывать снаряжение и провиант. Овец решили не гнать — трава уже пожухла, да и мельбурнских запасов еще остава-

лось предостаточно; кстати, немалая часть из них осела в лавке Томаса Пейна, так и не покинув Менинди. Караван из десяти верблюдов, отъевшихся на лугах Дарлинга, и тринадцати крепких лошадей был готов к выходу. 23 января, двенадцать дней спустя после возвращения Ходжкинсона, Райт продиктовал письмо Комитету, в котором сообщал о намерении выступить на следующий день в таком составе: д-р Беклер (видимо, переменявший решение об отставке), Людвиг Беккер, Ходжкинсон, трое подсобных рабочих Стоун, Смит и Перселл, нанятые в Менинди, и погонщик-индус Белуджи.

На самом деле они покинули лагерь 26 января¹⁶, выступили ночью, чтобы избежать дневной жары. Тяжело нагруженный караван не мог идти со скоростью, с которой двигался в свое время Берк,— он одолел этап до Куперс-Крика за двадцать три дня. К тому же сейчас, в разгар лета их ждали немалые трудности с водой: большинство колодцев успели пересохнуть. С ними не было топографа, а на Райта особых надежд никто не возлагал. Во всей истории исследования Австралии, пожалуй, не найти более бездарно проведенного похода, который вернее будет назвать бесцельным блужданием. Все не ладилось с самого начала, и, как всегда случается при плохой организации, за ошибки приходилось платить двойную цену. Беды обрушивались одна за другой. Три лошади сдохли от изнурения, крысы сожрали часть провизии, а пятерых участников свалила болезнь. Не подготовленный к роли руководителя, Райт совсем растерялся. Единственное, что он делал, это совершал короткие броски вперед в поисках воды, пока остальные плелись сзади, с каждой милей замедляя шаг.

До Торовото, стоявшего на полпути до Куперс-Крика, они добрались лишь 12 февраля. Передохнув два дня, колонна преодолела еще 18 миль и уперлась в безводную равнину, простиравшуюся на многие мили до горизонта. Взяв Смита, Райт поехал вперед и в двадцати милях к северу обнаружил лужу, куда подтянул всю партию. Обезумевшие от жажды лошади накинулись на воду, превратив лужу в месиво грязи; пришлось отослать верблюдов обратно в Торовото, где еще была вода.

¹⁶ Дополнительная задержка была вызвана тем, что Райт дождался судна, на котором он отправил жену и детей в Аделаиду.— *Примеч. авт.*

Райт снова отправился на разведку со Смитом и Белуджи; через одиннадцать дней они добрались до Буллу; до Куперс-Крика оставалось восемьдесят миль. Райт послал гонца за отрядом. К этому времени пятеро — Беккер, Стоун, Смит, Перселл и Белуджи (более половины отряда) — заболели всерьез: давали себя знать цинга и скверная вода. Весь март колонна с превеликим трудом тащилась вперед.

Наконец к середине апреля все собрались в Буллу. Людвиг Беккер, Стоун и Перселл настолько ослабли, что не могли подняться, и о продолжении похода не могло быть и речи. После выхода из Менинди минуло шестьдесят девять мучительных дней, весь караван пребывал в состоянии, близком к отчаянию.

До сих пор их встречи с аборигенами проходили без осложнений. Так, 13 февраля, отмечает в дневнике Райт, на стоянку явилась значительная группа мужчин в набедренных повязках, с подбородка у них свисали перья эму. «Вечером они привели своих женщин в благодарность за наши подарки». Однако в Буллу аборигены пришли в лагерь «большой толпой, давая понять, что это их земля, и нам следует убираться». Каждый раз, когда Райт выезжал из лагеря, вокруг зажигались сигнальные костры. К концу апреля аборигены осмелели. Во главе со «стройной женщиной, довольно изящно державшей в руках бумеранг», они проникли прямо в огороженный забором лагерь, где стояли две палатки для больных.

«Доктор Беккер, — записывает Райт в дневнике, — известил меня, что видит туземцев, подкрадывавшихся к костру. Мы со Смитом пошли прогонять их и подоспели как раз вовремя — некоторые уже размахивали бумерангами; один, запустив руку в палатку Перселла, схватил корзинку с лекарствами. Тем не менее они не решились затеять бой и, когда мы со Смитом навели на них ружья, удалились, не проявляя больше агрессивности. Во время этой сцены умирающий Стоун проявил поразительное бесстрашие — он приподнялся на постели и нацелил свой револьвер. Около двух часов пополудни, сразу же после ухода туземцев, Стоун позвал меня и, взяв за руку, сказал: „Я умираю“. Он произнес еще несколько слов, повторяя, что не может дышать, и просил облить его холодной водой. Через десять минут он отвернулся и умер».

Два дня спустя скончался Перселл, и аборигены

вновь появились в лагере: «Целая толпа сгрудилась вокруг могилы Стоуна; вели они себя вызывающе. Один держал в руке дохлую крысу, и, произнеся несколько заклинаний, презрительно швырнул ее в нашу сторону. Мы сделали вид, что не обращаем внимания. Тогда они начали брать пригоршни земли с могилы и бросать их вверх, после чего приволокли колья и стали втыкать их вокруг могилы Стоуна наподобие ограды нашего лагеря, явно давая понять, что нас всех ждет судьба умерших».

События достигли кульминации 27 апреля: «Около одиннадцати утра, встревоженные криками и улюлюканьем туземцев, мы повскакали с мест и быстро перенесли все вещи на территорию лагеря за ограду. Темнокожие, числом около пятидесяти, двигались по направлению к нам с запада; они не прятались, а, напротив, шли прямо по открытой равнине. На сей раз, судя по раскраске тел и невиданному доселе количеству копий, у меня не оставалось сомнений в их намерениях. Большинство имели несколько полос: одна, темно-красная, спускалась от шеи до середины груди, а другие пересекали ее под прямым углом. Когда до лагеря оставалось метров сто, они ускорили шаг, а затем побежали, подбадривая друг друга воинственными криками и размахивая копьями... Все мои попытки остановить их жестами ни к чему не привели, и, когда они оказались совсем близко, я приказал стрелять. Выстрелы заставили их броситься врассыпную, но потом они снова собрались метрах в пятистах от лагеря. Я еще раз выстрелил, прогнав их окончательно. Как только все было кончено, мы навестили г-на Беккера в его палатке; он находился в беспомощности и никак не реагировал на происходящее».

Райт не указывает число убитых и раненых аборигенов. Мы видим, что схема событий практически во всех конфликтах белых пришельцев с коренным населением выглядит одинаково: аборигены предупреждают европейцев о том, что данная территория занята, затем с помощью ритуальных действий пытаются заставить их уйти; в ответ белые открывают огонь...

Ряд эпизодов в истории похода тылового отряда трудно объяснить. В частности, малопонятно, почему цинга поразила так много людей. В случае с Беккером, которому перевалило за пятьдесят, можно допустить, что он не смог противостоять болезни, но Стоун и Перселл, присоединившиеся к отряду в Менинди, проработали много лет на австралийских пастбищах, для них

жизнь в глубинке с ее тяжким климатом, скверной водой, бедной витаминами пищей и свирепой жарой была делом привычным. Им не раз уже приходилось хаживать по этим пустынным местам, и нынешний поход протяженностью 200 миль был не тяжелее других; тем не менее они не выдержали — даже находясь под присмотром опытного врача.

Впоследствии, составляя медицинский отчет об экспедиции, доктор Беклер описал картину угасания человека в центральных районах Австралии: больной неподвижно лежит весь день в перегретой палатке, окруженный мертвой тишиной, не в силах произнести ни слова, по крохам расходует отведенную порцию воды; мухи облепляют его лицо, а по ночам атакуют комары. Вылечить цингу ничего не стоит, но для этого нужны свежие овощи и фрукты; больной молча лежит, и с каждым днем его медленно покидает воля к жизни.

Все это так, и возразить тут нечего; тем не менее создается впечатление, что люди погибали один за другим не только из-за недостатка витаминов. Они умирали так, словно участвовали в театральной трагедии Елизаветинской эпохи, где с второстепенными персонажами быстро разделяются, чтобы они не мешали основному действию. Конечно, времена тогда были не в пример нынешним да и экспедиция — всегда дело нелегкое; подражаясь в поход, люди не могли не знать о предстоящих тяготах. И все же во всей этой драме есть какое-то необъяснимое бездушие, даже жестокость по отношению друг к другу. Еще на пути к Менинди Берк замечает о Беккере: «Первые два дня едва не прикончили беднягу Б. Думаю, долго он не протянет». При возвращении с залива спутники Грея сочли его симулянтом. Стоун, а затем Перселл просто «умерли» — вот и весь комментарий. Кто знает, не удалось ли бы им выжить, проявив окружающие чуть больше заботы и внимания к первым симптомам надвигающейся болезни? Не лучше ли было держаться теснее, а не действовать по принципу «каждый за себя и к черту отстающих»?

Теперь наступил черед Беккера. 28 апреля Райт, решив отступить к Торовото, распорядился привязать находившегося без сознания Беккера к верблюду. Караван уже собрался в дорогу, когда из пустыни вдруг возник Браге. Помочь он ничем особенно не мог — у него на руках тоже был умирающий, да и сам он, равно как и двое остальных спутников, был не в лучшей форме; но

аборигены решили, что Райт получил внушительное подкрепление, и в ту же ночь откочевали в другое место. Беккер обо всем этом ничего не узнал; он молча пролежал весь день в палатке и ночью умер, так и не приходя в сознание.

Бедный Беккер. Мягкий, доброжелательный человек, он умел лучше других оценить происходящее. С самого начала эта авантюра была не для него; он думал, что они отправляются открывать новые земли, совершать научные открытия и наблюдать жизнь коренных обитателей континента; вместо этого его втянули в безжалостную гонку, где ставкой была человеческая жизнь. 30 апреля его похоронили рядом со Стоуном и Перселлом, а на следующее утро измученные и упавшие духом люди двинулись назад, в Менинди. Их колонна больше походила на санитарный обоз, чем на экспедицию: Пэттон ехал, привязанный к верблюду, путники еле волочили ноги, животные понуро брели, поминутно спотыкаясь. В ту ночь они остановились у колодца Курлиатто, чуть южнее Буллу; Райт счел возможным дать людям передохнуть.

Браге не давали покоя сомнения. Не мог ли Берк вернуться в лагерь на Куперс-Крике? Не следует ли ему отправиться туда и проверить? А вдруг аборигены разрыли тайник с провиантом? От крика их отделяли всего 80 миль. Браге предложил Райту вдвоем отправиться к бывшему базовому лагерю, оставив караван у колодца Курлиатто; Райт, как ни странно, согласился. Ему, видимо, хотелось доложить в Мельбурн, что он все-таки побывал на Куперс-Крике. 3 мая, взяв трех лошадей, они выехали в путь и спустя три тяжелых дня достигли берега крика. Спустя еще два дня, 8 мая они въехали в лагерь — через пятнадцать дней после ухода оттуда Берка.

Место выглядело вымершим. Привязав лошадей к деревьям, они вошли внутрь ограды. Тайник был засыпан разрыхленной землей, все оставалось как прежде. Они увидели верблюжьи следы, но Браге решил, что их оставили его собственные верблюды, когда они покидали лагерь. На земле лежала зола от трех недавних костров, но их могли жечь аборигены; Браге решил, что аборигены наведались сюда после ухода отряда. В самом деле, было бы странно, если бы они не посетили стоянки. Браге не заметил, что лопатка стоит в другом месте, что на забор насажена часть бутылки, что на гво-

здых болтаются тряпки и что из шкуры, служившей калиткой, вырезан кусок. Он не увидел оставленный Кингом походный котелок, а если и увидел, то не придал ему значения. Надпись на дереве сохранилась в прежнем виде. Другими словами, Браге увидел то, что хотел увидеть: *никто* сюда не приходил и он поступил верно, покинув лагерь.

Они решили не разрывать тайник, чтобы свежевскопанная земля не привлекла внимание аборигенов; да и зачем? — к лежавшей в бутылке записке добавить было нечего. Делать еще одну зарубку на дереве тоже не имело смысла. Весь осмотр занял пятнадцать минут. После чего они сели на лошадей и уехали.

В этом месте так и хочется остановить события и представить себе, как бы они поступили, если бы обнаружили письмо Берка и исчезновение провизии. Ответ однозначен: двинулись бы по следам Берка. Их лошади покрывали по меньшей мере двадцать миль в день, тогда как Берк и его ослабевшие спутники шли пешком, поэтому они наверняка сумели бы их нагнать. Браге и Райт взяли с собой мало еды, зато у Берка сохранился почти весь запас из тайника, и потом они легко могли послать кого-нибудь в Курлиатто за дополнительным провиантом.

Ничего этого не случилось. Совесть Браге была чиста: с момента ухода Берка минуло почти пять месяцев и теперь, покидая лагерь во второй раз, он считал, что сделал все возможное. 13 мая они вернулись в Курлиатто.

Начался долгий путь домой. Четыре недели они брели к югу, почти не находя воды; в какой-то момент им всем грозила неминуемая смерть, от которой их уберег ниспосланный провидением дождь. Двое верблюдов сдохли, остальные покрылись паршой. Пэттон дотянул до начала июня. Его похоронили и в тот же день двинулись дальше. 18 июня колонна доплелась до Менинди. Из первоначального состава экспедиции остались Райт, Браге, Беклер, Холжкинсон, Макдоно, Смит, Дост Магомет и Белуджи. Четверо погибли. В караване все еще насчитывалось тринадцать верблюдов и двадцать три лошади, имелся немалый запас провизии.

Дорогой Райт беспрерывно ругал и поносил Берка: надо быть форменным сумасшедшим, чтобы слепо потащиться на север в середине лета, когда вола кругом пересохла. Берк сгинул, никаких сомнений. «Хорош бы

я был,— сказал он Макдоно,— если бы застрял на Куперс-Крике с трех-четырехмесячным запасом провизии!» Остальные не соглашались с Райтом; они надеялись и верили, что какое-нибудь судно подобрало у северного побережья потерявшуюся группу; они допускали также, что Берк с людьми мог оказаться в Квинсленде. Райт оставался непреклонен. Берк, твердил он, мертв.

Однако в адресованном Комитету послании, которое он продиктовал Ходжкинсону в Менинди, Райт выразил прямо противоположное суждение. Берк, сообщал он, «ушел с двенадцатинедельным запасом провианта. Считаю своим долгом настоятельно просить Комитет об организации и отправке в кратчайший срок спасательной партии, если только не имеется сведений о его прибытии в район северных поселений. Полагаю наиболее разумным снарядить сухопутную партию и одновременно отправить судно к побережью залива, поскольку не исключена вероятность, что г-н Берк или часть его группы могли задержаться на берегу... В заключение осмелюсь еще раз напомнить Комитету, что всякие попытки вызвать г-на Берка окажутся бесполезными, если одна или несколько спасительных партий будут отряжены на срок меньше восьми недель».

Райт не предложил своих услуг для участия в спасательных экспедициях, об отправке которых так настоятельно просил. Все его заботы на том и кончились. Он проинформировал Комитет, что его присутствие срочно необходимо в Аделаиде, и отправился к жене. Возвращаться в Мельбурн, чтобы оттуда сообщить миру ошеломляющую вест, выпало на долю Браге.

Глава 10

К МАУНТ-ХОУПЛЕСУ

8 мая, в день, когда Браге и Райт прискакали в лагерь на Куперс-Крике, Берк, Уиллс и Кинг находились всего в 30 милях от базы. Как помнит читатель, они намеревались двигаться вдоль крика по своему старому маршруту и через 30—40 миль свернуть на юго-запад к поселениям, существовавшим, как они надеялись, возле Маунт-Хоуплеса, в 150 милях. Три года назад Грегори одолел этот путь за неделю; правда, он был в гораздо

лучшей форме и шел в другое время года. От Маунт-Хоуплеса путешественники предполагали двигаться к Аделаиде через обжитые районы, так что этот участок пути обещал быть куда легче.

Поначалу они шли очень медленно, стремясь, как пишет Уиллс, «собраться с силами и дать передышку верблюдам». Покинув базовый лагерь утром 23 апреля, они отошли на пять миль и остановились на дневку у луга, где было вдоволь пищи для животных. На следующий день неожиданно подвалила удача: в момент, когда они собрались уходить, появилась большая группа аборигенов, и в обмен на спички и обрывки кожаных ремешков Берк получил около 6 кг свежей рыбы. Приободрившись, путники двинулись дальше «прогулочным» шагом — Уиллс выбирает довольно странное слово, вызывающее ассоциации с гулянием в парке. На самом же деле истощенные люди в тот день с трудом протащились по песку несколько миль. Ночью, несмотря на холод, они спали как убитые; ранним утром, когда на земле еще не просохла роса, вновь появились аборигены с дарами. Свежая рыба была принята с благодарностью. Уиллс записывает в дневнике:

«Это самые миролюбивые туземцы из всех встреченных нами на Куперс-Крике». Он угостил их сахаром, который вызвал бурю восторга. В тот день, 25 апреля Берк снова объявляет привал после трехчасового перехода; они расположились на берегу огромного водоема длиной в несколько миль. У воды кормилось множество птиц, оказавшихся очень пугливыми; в любом случае ни у кого не было сил охотиться. Путников выбило из колеи утреннее происшествие — один из верблюдов свалился на каменистом склоне, сильно порезался, ушибся и его с трудом подняли на ноги. Они хорошо понимали, что теперь значат для них верблюды, — без них будет не под силу тащить на себе запасы провизии, ружья и спальные мешки.

26 апреля они встали до зари, при свете луны навьючили верблюдов и двинулись по тропе аборигенов; несколько часов спустя устроили короткий перерыв на завтрак, а затем снова зашагали по «солончаковому бушу неопикуемой красоты». К полудню они оказались у своей старой стоянки, откуда 21 апреля совершили тридцатимильный марш-бросок к складу на Куперс-Крике. На сей раз дорога отняла четыре дня, но они не отчаивались. «Небольшая передышка, — пишет Уиллс, — и

перемена пищи свершили чудо; скованности в ногах как не бывало, и я надеюсь, что за неделю мы восстановим силы настолько, чтобы сладить с любой усталостью. Верблюды поправляются и снова становятся покладистыми».

Дальше путь к цивилизации пролегал по неведомой местности. Как и прежде, Уиллс прокладывал курс: у него были часы, призма, карманный компас и термометр Реомюра. В любом случае они рассчитывали двигаться вдоль Куперс-Крика.

Но Куперс-Крик — своенравный поток, известный своей переменчивостью и непредсказуемостью. В год выпадения обильных дождей по руслу с грохотом проносится бурный поток, волоча рухнувшие стволы, щебень, обломки; земля на десятки миль оказывается залитой паводком, над водой торчат лишь верхушки деревьев. Но такое случается раз в десять лет, не чаще. Обычно же крик распадается на множество протоков, бегущих во всех направлениях, хотя основная масса течет на юго-запад; вскоре они пересыхают, образуя в районе устья цепь пойменных озер и стариц. Вода в водоемах, как правило, бурого цвета, мутная, тем не менее пригодна для питья. В жаркие дни она кажется прохладной, а в бочагах на глубине водится крупная рыба. По вечерам на поверхность выбираются маленькие черепахи, но при малейшем всплеске мгновенно ныряют обратно; кроны окрестных деревьев облюбовали визгливые какаду. Берега протоков, местами поднимающиеся над водой на 6 метров, изборозжены горизонтальными линиями, соответствующими уровням убывания воды. Каждый рукав обрамлен пышными деревцами и тростниковыми зарослями, на которых с удовольствием отдыхает глаз после долгого знойного дня.

Но удовольствие продолжается недолго. По мере приближения Куперс-Крика к озеру Эйр водоемы мелеют, обнажается песчаное или каменистое русло. Протоки иссыкают, теряются среди песчаных дюн огромной безводной равнины; изредка где-то сверкнет скромное зеркало воды, к которой жмутся низкорослые колючие кустарники. Пустыня кажется вымершей; сюда не забегают даже собаки динго, почти не увидишь птиц, разве что высоко в небе клинохвостого орла или прыгающую по земле за кузнечиками ржанку. Эту пустыню не назовешь зловещей — здесь много ярких красок, она дает ощущение захватывающего простора, но под безжа-

Лостным солнцем время тянется бесконечно медленно, и дневные часы протекают в апатии и оцепенении; путешественнику хочется лишь одного — спрятаться в тень. Бывают, конечно, дни, когда на небе появляются тучки, и тогда, пробиваясь сквозь них, заходящее солнце окрашивает все вокруг в огненно-красный цвет. Но в этот момент назойливые мухи набрасываются на вас с удвоенной силой, а миллионы ползающих и летающих насекомых заполняют душное безветренное пространство. К тому же чаще всего дождь так и не собирается...

Стоял конец апреля, начало зимы, и жара спала; троиим путникам приходилось уже терпеть ночной холод. Тот год не был исключением — на Куперс-Крике не случилось большого паводка, тем не менее в бочагах еще оставалась вода. Сейчас им предстояло покинуть пойму и добираться через пустыню до плодородной области вокруг Маунт-Хоуплеса в 150 милях к юго-западу.

К этому моменту они находились в районе пынешнего населенного пункта Иннаминка; за шестнадцать лет до них здесь несколько раз проходил Стерт, первооткрыватель Куперс-Крика. Правда, у Стерта имелись крепкие лошади и достаточный запас провизии, а базовый лагерь находился в Форт-Грее, куда он мог легко вернуться. И, главное, за плечами у него лежал куда меньший путь, чем у Берка и его спутников.

Мы можем представить себе, как трое людей медленно бредут вдоль рукавов Куперс-Крика, заглядывая в каждую протоку и неизменно убеждаясь, что она суха; как они идут гуськом между застывшими стволами белых эвкалиптов и над головами у них гудят рои мух; они почти не разговаривают, каждый сосредоточен на своих ощущениях — сапоги трут ноги, раны и порезы не заживают, усталость камнем паваливается на плечи; вокруг — ни единого звука, кроме поскрипывания выючных седел с тюками. Им приходилось постоянно быть начеку; внимательно следить за полетом птиц (как это делал Стерт), за появлением аборигенов и еще друг за другом. Судя по всему, они не ссорились, не раздражались и уж тем более не впадали в истерику. Одни среди равнодушной природы, чужие во враждебном человеку мире, они понимали, что здесь можно выжить, лишь поддерживая друг друга. Берк был гораздо старше своих спутников — на тринадцать лет старше Уиллса и на восемнадцать — Кинга, но он ни в чем не уступал им, и оба целиком и полностью признавали его авторитет ру-

ководителя. Берк принимал решения, касавшиеся всех практических вещей — какое выбрать направление, когда остановиться, где сделать привал и тому подобное. С наступлением сумерек они располагались на ночлег; разворачивали походные постели прямо на земле, а вставали еще затемно, чтобы успеть пройти часть маршрута при свете луны, когда прохладно и не докучают мухи.

28 апреля, в воскресенье — еще одно роковое воскресенье в их жизни — случилась серьезная неприятность: лучший из двух оставшихся верблюдов по имени Ланда завяз в болоте возле источника. Здешняя трясина вязкостью превосходит все известные болота; это может подтвердить любой современный путешественник, побывавший на Куперс-Крике, поскольку болота не изменились за прошедшее столетие. Их поверхность покрыта присыпанной сухим песком коркой, которая так хрупка, что ломается под тяжестью человека; ноги проваливаются в илстую трясину, и тоненькие струйки черной воды просачиваются на поверхность. Машине даже с четырьмя ведущими колесами ни за что не выбраться из этой топи, вытащить ее сможет лишь трактор. С верблюдом, испуганно мечущимся во все стороны, дело обстоит куда хуже.

«Мы сделали все, что в наших силах,— пишет Уиллс,— но вызволить его не удалось. Он увязал все глубже, мы не успевали подкладывать ветки кустарников и куски дерева; будучи по натуре неповоротливым и глупым животным, верблюд сам не прилагал никаких усилий для спасения. Вечером мы предприняли еще одну, последнюю попытку, поливая водой почву вокруг его ног и одновременно разрыхляя ее, но верблюд не шевелился. Похоже, скотина не испытывала никаких неудобств». Не исключено, что бедняге Ланде и вправду пришлось по душе мягкая прохладная постель после долгого путешествия по Австралии длиной в три тысячи миль.

Он пролежал всю ночь; на следующее утро путники сделали еще одну попытку вытащить его из болота. Ничего не получилось, и Ланду пришлось пристрелить. Тот день и весь следующий ушли на разделку туши — они вырезали куски мяса, разрезали его на полоски и сушили на солнце. Теперь у них оставался всего один верблюд, Раджа, и положение резко ухудшилось. Дальше каждый понес на себе одеяло и все, что он мог та-

щить; на верблюда навьючили лишь запас провианта.

2 мая, продолжая двигаться вдоль крика, они встретили аборигенов и выменяли у них на рыболовные крючки и сахар рыбу и лепешки; дойдя до высохших эвкалиптов, у которых иссякла протока, они повернули к ближайшему колодцу, где и остановились на ночь. День выдался особенно трудным. Раджа с трудом волочил ноги; чтобы облегчить его груз, выгасили из вьюков все, что в нынешних условиях оказалось непозволительной роскошью — имбирь, чай, какао, пару килограммов сахара, две-три банки консервов и оставили их на видном месте.

Теперь они двинулись вдоль другого рукава в северном направлении — и два дня спустя вновь уперлись в безводную пустыню. Обессилевший Раджа отказывался подниматься по утрам; груз, даже облегченный, стал для него слишком тяжелым.

5 мая Уиллс отправился на разведку и забрался на гребень холма. На севере и востоке виднелись купы низкорослых деревьев и кустарников, а к югу и западу, куда лежал их путь, — только скальные выступы на голых равнине.

«Мрачная перспектива, — записывает он, — никакого стимула идти дальше». Путники решают остаться в пойме крика.

Прошло две недели с тех пор, как они покинули базовый лагерь, и теперь все яснее сознавали, что шансов выбраться отсюда у них почти нет.

«Наше положение незавидное, — пишет Уиллс, — провизия тает на глазах, одежда превратилась в лохмотья, сапоги разваливаются и починить их нечем, верблюд изможден до крайности, почти не может идти, хотя корма здесь вдоволь и половину времени он отдыхает. Полагаю, в течение ближайших месяцев нам предстоит вести жизнь аборигенов».

Утром 7 мая Раджа не смог подняться даже без груза; оставив его под присмотром Кинга, Берк и Уиллс отправились на разведку. Где-то в середине дня они натолкнулись на стоянку аборигенов; их ждал радушный прием; к тому времени местные жители успели привыкнуть и даже привязаться к странным пришельцам, без видимой цели кочевавшим по окрестностям. Они готовы были принять их в свой клан. Берка и Уиллса досыта накормили рыбой и лепешками, угостили целебным зельем — смолой, которую вытапливают из стебля одно-

го из местных кустарников (аборигены Центральной Австралии и поныне пользуются этим тонизирующим средством). Вот как описывает Кинг действие смолы: «Прожевав ее несколько минут, я почувствовал себя вполне счастливым, происходящее вокруг перестало меня волновать; ощущение такое, будто пропустил два полных стаканчика бренди. Сами туземцы не выбрасывают прожеванную смолу, а кладут ее за ухо — точно так же, как моряки закладывают плитку жевательного табака за ленту шляпы и носят до тех пор, пока он не выдохнется. Получить такой подарок — знак особого расположения. Должен заметить, мы не сразу это поняли и поначалу с отвращением смотрели на жеванные грязные шарики, которыми нас настойчиво потчевали. Молодым членам племени жевать смолу запрещено».

Итак, отведав зелья, Берк и Уиллс на пару часов забыли о своем незавидном положении и провели ночь в хижине, которую им уступили аборигены. На следующий день, 8 мая, когда Браге и Райт вернулись в лагерь на Куперс-Крике и находились чуть выше по течению, Берк пошел обратно к Кингу, а Уиллс отправился на разведку, на сей раз вниз по протоке. Он пишет: «Убедившись, что рукав резко отклоняется на север, я вернулся к стойбищу и намеревался пройти мимо, но меня пригласили остаться. Туземцы были особенно приветливы и окружили меня заботой — предложили место в хижине, накормили рыбой, лепешками и блюдом из жирных крыс. Последние оказались необычайно вкусными. Их жарили на углях, не снимая шкуры. Я заснул возле костра, прямо перед стойбищем. Они проявили трогательное внимание и всю ночь подтаскивали к костру ветки и сучья, не давая ему погаснуть».

Когда Уиллс вернулся в лагерь, верблюда уже успели пристрелить: он так и не смог подняться... Теперь путешественники могли рассчитывать только на себя. Следующие два дня Берк и Кинг разделявали верблюда, орудуя двумя оставшимися сломанными ножами и ланцетом. Уиллс в это время собирал травы и семена, из которых собирался варить суп. Он бросил в котелок крупные бобы, которые туземцы называли *падду*, вкусом напоминавшие «французские каштаны». Основной их рациона все больше становилась мука, получаемая из семян *нардю* — растения шоколадного цвета, относящегося к семейству папоротников, которое в изобилии встречается в засушливых областях Австралии. Семена

и споры этого растения размалывают на плоских камнях с углублением в середине и получают грубую муку; из нее делают лепешки, которые жарят в золе. Сбор и размалывание этих семян — кропотливый труд. За день работы удается получить пригоршню муки, т. е. несколько лепешек, не дающих даже ощущения сытости. Тем не менее аборигены питались ими, и Берк, понимая, что другого выхода нет, отправился с Кингом к их становищу набираться опыта.

Оставшись один, Уиллс записывает в дневнике:

«11 мая. Настал мой черед вялить мясо; неплохо бы наловчиться в поимке птиц и крыс. Отличная перспектива после удачного похода к заливу Карпентария — застрять неведомо насколько на Куперс-Крике и жить жизнью туземцев».

Берк и Кинг вернулись на следующий день с печальной вестью — аборигены откочевали на новое место. Их исчезновение осложнило ситуацию. Хотя в начале экспедиции, если помните, путешественники отгоняли выстрелами «зловредных дикарей». Теперь существование трех белых зависело от милости темнокожих сограждан. Берк с Кингом отправляются на их поиски, взяв четырехдневный запас провизии, но возвращаются уже на следующий день, так и не обнаружив следов аборигенов. Они остались одни. Выбора не было, кроме как пытаться добраться до Маунт-Хоуплеса. Если удастся совершить марш-бросок миль в 30—40 по равнине, они наверняка найдут какой-нибудь водоем или источник. Передохнув возле него, можно будет двинуться дальше.

15 мая весь день они сортировали провизию, прикидывая, что взять с собой, а что — нет. На следующее утро, взвалив на плечи по пятнадцатикилограммовому тюку (Берк и Кинг несли еще бурдюки с водой), они покинули лагерь. Суточный паек состоял из трех полосок вяленого мяса и нескольких лепешек. В последний момент к вящей радости путники обнаружили целое поле *нарду* у подножия песчаного холма. «Эта находка, — пишет Уиллс, — вызвала бурю восторга: мы решили, что с помощью семян сможем продержаться, даже если придется остаться в районе крика до тех пор, пока не придет помощь из города». Сейчас их усилия были сосредоточены на том, чтобы выбраться из ловушки, в которой они оказались. В первый день удалось пройти лишь восемь миль. Груз оказался непомерно тяжелым, так что на следующий день часть поклажи снова зарыли.

Небо наливалось свинцом, вокруг солнца сиял странный ореол.

В течение следующих шести дней записи в дневнике Уиллса становятся совсем отрывочными: ходьба отнимала все силы. Если бы свершилось чудо и полил дождь... но этого не случилось. Они шли и шли, а впереди по-прежнему дрожал в мареве пустой горизонт без единого деревца, без малейшего признака воды. Пройдя сорок пять миль к юго-западу от крика — на пять миль дальше установленного предела, — они остановились на часовой привал и повернули обратно...

Даже сейчас, столетие спустя, безжалостность судьбы вызывает возмущение. После всех мучений, выпавших на их долю, эти трое заслужили передышку: ну пусть покапают слабенький дождь или пусть они заметят, как Стерт, летящего к воде голубя. Нет, даже шорох надежды не исходил от безжизненной земли. Неудачи и трагические совпадения следовали одни за другими. Меньше чем на полдня они разминулись с Браге; потом тот же Браге, вернувшись в лагерь, не увидел следов их недавнего пребывания... Казалось бы, сколько можно?

Очередная неудача не повергла Берка и двоих его спутников в отчаяние. 24 мая они вновь расположились на старой лагерной стоянке у крика. Запись Уиллса гласит: «День рождения королевы отметили с Кингом сбором семян нарду; отныне лепешкам из этой муки предстоит стать нашей основной едой. Вернулись после двух часов пополудни, убедившись, что сбор семян отнимает слишком много сил и требует огромного терпения. Во время работы, часов около одиннадцати утра мы с Кингом услышали отчетливый звук выстрела, похожий на ружейный. Он донесся издалека. Мы решили, что стрелял г-н Берк; по возвращении в лагерь, однако, выяснилось, что он не стрелял и не слышал никакого шума. Небо было частично закрыто тучами, с востока тянул легкий бриз, но никаких признаков грозы не наблюдалось».

Безусловно, это не мог быть ружейный выстрел — Браге и Райт посетили склад 16 дней назад и сейчас находились в ста милях отсюда по дороге к Менинди. Как в свое время Стерт, Уиллс и Кинг слышали треск расколовшейся скалы. Но они не ведали этого, и, обнадуженные, решили, что за ними послали на Куперс-Крик спасательную партию. Казалось вполне логичным, что

по прибытии в базовый лагерь спасатели начали подавать сигналы выстрелами в воздух. Было решено, что один из троих, несмотря на нечеловеческую усталость, пойдет туда и проверит догадку. Выбор пал на Уиллса.

27 мая он ушел, взяв запас провизии на несколько дней, лопату и дневники, которые решили зарыть в тайнике. Поход начался удачно: земля была покрыта густым ковром нарду, он натолкнулся на группу женщин и детей, собиравших семена. Вскоре к ним присоединились два десятка мужчин; увидев Уиллса, они обступили путешественника и стали зазывать его в стойбище, обещав накормить. Один заботливо взял лопату, другой — узелок с пожитками. Разделив с ними трапезу, Уиллс остался ночевать в хижине с одним из старейшин; всю ночь горели костры, поддерживая тепло в жилище. Уиллс полностью переменял свое мнение об обитающих на Куперс-Крике аборигенах. Еще шесть месяцев назад они были «злонравными и ничтожными»; теперь он называет их «мои друзья», и в дневнике появляется краткий словарь туземного языка.

На следующий день Уиллс чувствовал себя не очень хорошо, по-видимому, после съеденных накануне моллюсков, но все же продолжил путь. По дороге он заметил стаю ворон, клевавших свежую рыбину. Отняв ее у них, он приготовил ужин, после чего крепко заснул в заброшенной хижине. До бывшего продовольственного склада оставалось одиннадцать миль, и на следующее утро, 30 мая он прибыл на место. Опять ничего. Ни одной живой души, никаких следов пребывания белых людей. Разрыв яму, Уиллс увидел, что в ней все лежит так, как они положили при уходе отсюда 23 апреля; записка Берка виднелась сквозь стенку пустой бутылки. Ничего не изменилось. Можно было идти обратно. Он сел и написал следующее письмо:

«Базовый лагерь, 30 мая.

Нам не удалось покинуть пойму крика. Оба верблюда погибли, запасы провизии исчерпаны. Г-н Берк и Кинг находятся ниже по течению. Я намерен вернуться к ним, затем мы, видимо, снова придем сюда. Стараемся не падать духом и живем жизнью туземцев. Это нелегко. Наша одежда превратилась в лохмотья. Пришлите провизию и одежду как можно скорее.

У. Дж. Уиллс».

Затем, не в силах совладать с собой, делает горькую приписку:

«Покинув вопреки указаниям базовый лагерь, тыловой отряд поставил нас в безвыходное положение. Я оставляю здесь часть дневников на случай непредвиденного исхода».

Уложив в ящик письмо и дневники, Уиллс забросал яму землей и аккуратно разровнял поверхность. Ему опять не пришло в голову добавить какую-нибудь зарубку на дереве в знак того, что кто-то возвращался сюда. Он просто повернулся и ушел.

Усталость навалилась на Уиллса с удвоенной силой теперь, когда к ней добавились досада и разочарование. Провизии не было совсем. 2 июня он дотащился до стоянки аборигенов, где его недавно так привечали, но место обезлюдело. Мучительно хотелось есть, и с отчаяния он вгрызся в валявшуюся на земле рыбью кость. У следующей заводи ему неожиданно повезло: «Судьба ниспослала мне удачу — я поймал крупную рыбу весом полтора фунта; она хотела проглотить другую рыбу, но та застряла у нее в глотке. Я разжег костер и съел обе рыбины». Улегшись затем в кустарнике, он заснул.

На следующий день его заметил с другого берега абориген по прозвищу Шустрый. Он привел Уиллса на стоянку, где женщины как раз жарили на углях утренний улов. Двое аборигенов вырезали для гостя филейные куски. Затем ему дали лепешек из нарду. Наевшись до отвала, Уиллс до вечера отдыхал, а с наступлением темноты двинулся к лагерю, чтобы сообщить Берку и Кингу грустную весть.

Картина вырисовывалась с предельной ясностью: уходить от крика нельзя. Единственная их надежда — оставаться на месте и с помощью аборигенов продержаться до тех пор, пока не прибудет спасательная партия.

Глава 11

СПАСАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Тем временем в Мельбурне росло беспокойство за судьбу экспедиции. Еще в мартовском номере газеты «Аргус» появилось письмо читателя, вопрошавшего: «Что стало с экспедицией? Не считает ли Комитет, что пора бить тревогу? Берк уже должен был пересечь кон-

тинент; если он не вернулся, значит, партия потерялась. Куда подевался Райт? Чем он занимается?»

Вскоре множество аналогичных писем и редакционных статей появилось во всех мельбурнских изданиях. Авторы напоминали, что со времени получения от Берка последнего письма из Торовото (в октябре прошлого года) прошло пять месяцев, и за этот срок от него не было никаких сведений; вспоминали судьбу Лейхгардта, исчезнувшего в том же районе в 1848 году; к озабоченности примешивалась досада от того, что Стюарт из колонии Южная Австралия вернулся из своей экспедиции живым и здоровым. Ему, правда, не удалось добраться до залива Карпентария, поэтому в январе 1861 года он вновь отправился в путь. Если срочно не предпринять мер помощи Берку, победа в великой трансконтинентальной гонке достанется Стюарту; эта мысль весьма тревожила патриотов Виктории.

Отец Уиллса, доктор Уильям Уиллс, тревожась о сыне, забрасывал Комитет письмами. За Уиллсом-старшим закрепились репутация человека бесцеремонного и назойливого; но это не лишало его законного права гордиться сыном и волноваться за его судьбу. Будучи по натуре человеком активным, он развил необычайно бурную деятельность при отходе экспедиции — докучал вопросами Берку, хватал за фалды членов Комитета, совал нос в каждую мелочь. Подобный персонаж, несомненно, украсил бы диккенсовскую галерею портретов — самодовольный, суетливый, что называется в каждой бочке затычка. Думается, неизменную уверенность в своей правоте молодой Уиллс унаследовал от отца, который был наделен этим качеством в полной мере; и там, где уверенность имела под собой хоть малейшую почву, доктор Уиллс не сворачивал с пути. Когда экспедиция закончилась, он написал книгу, в которой прозрачными намеками, а порой и откровенными выпадами опорочил репутацию почти всех ее участников. Он кипел жаждой мщения, и в этом буйном кипении было что-то женское.

Так, о Райте доктор Уиллс пишет: «Более безграмотного субъекта не сыскать во всем буше. Он с трудом расписывается». Ленделс, по его мнению, подал в отставку из страха перед походом в неведомые земли (в другом случае он приписал Ленделсу желание заменить Берка на посту руководителя). Д-р Беклер, утверждает он, «не обладал ни мужеством, ни энергией, ни лечеб-

ным опытом». О Браге заявляет: «Груз ответственности оказался ему не по плечу; этот пост был не для него, поэтому он отступил там, где сильный духом наверняка бы устоял. Но самое худшее в нем — непоследовательность и жалкая изворотливость...» Уиллс даже намекает на то, что Браге, получив от Берка письменное распоряжение оставаться в лагере до новых указаний, намеренно сжег затем этот документ.

Людвиг Беккер был «физически слаб и далеко не молод, к тому же его мельбурнский образ жизни никак не способствовал сохранению сил. Я не имею в виду,— продолжает д-р Уиллс,— что он предавался пагубным порокам. Обладая счастливым даром, он делал карандашные наброски, имеющие близкое сходство с оригиналом; он умер, не дойдя до границ цивилизации, по причинам, не связанным с лишениями и усталостью». Секретарь Комитета, д-р Макадам, удостаивается следующей характеристики: «Смею надеяться, судьба никогда больше не сведет меня с ним ни по какому делу. Этот человек настолько убежден в своих талантах, что, подозреваю, не отказался бы взять в руки бразды правления колонии, буде на то соизволение верховной власти».

Наверное, в приведенных суждениях таилась доля истины, но куда более очевидно то, что д-р Уиллс был человеком предвзятых мнений. Даже если сделать скидку на его душевное состояние, все равно смысл намеков в отношении Людвига Беккера непонятен; похоже, он пытался представить его алкоголиком, что ни в какой мере не соответствовало действительности. Цитируемая книга была написана позже. В июне же 1861 года д-р Уиллс энергично взялся «трясти Комитет». Он забросал д-ра Макадама письмами и, не получив ответа ни на одно из них, «в июне месяце отправился из Балларата в Мельбурн, не в силах более терпеть неопределенность; с рюкзаком за спиной и посохом в руке я прошагал 75 миль...»

Он прибыл как раз вовремя: Комитет собрался на заседание, чтобы обсудить вопрос о возможных мерах. «В Министерстве „многословия“ открыли новую главу»,— саркастически пишет д-р Уиллс; один за другим ученые мужи выступали с отчетами о ходе финансирования экспедиции, географических особенностях центра Австралии и возможных маршрутах Берка. Д-р Уиллс, прервав поток разглагольствований, с жа-

ром заявил, что необходимо срочно отправить спасательную партию и он готов принять в ней участие. Слова д-ра Уиллса не произвели особого впечатления; один из членов Комитета, Лигар, «довольно резко спросил меня, почему я паникую; по его мнению, времени более чем достаточно, отсутствие вестей — добрый знак, мне следует возвращаться домой и не лезть в чужие дела». Очень скоро Лигару придется пожалеть об этих словах.

Комитет мог пренебречь докучливым д-ром Уиллсом; куда трудней было сладить с прессой: все газеты дружно били тревогу, пока, наконец, в середине июня не появилось сообщение о планируемой «чрезвычайной экспедиции», которая должна отправиться на поиски пропавших. По счастливой случайности руководить спасательной партией вызвался человек незаурядных способностей — Альфред Уильям Хоуит. Он родился в семье квакеров и приехал в Австралию в начале 50-х годов вместе с отцом — писателем Уильямом Хоуитом. Подобно многим другим, Альфред хотел попытаться счастья на золотых приисках, но зарекомендовал себя как неутомимый исследователь Австралии; сначала он изучал район озера Эйр, куда впадает Куперс-Крик, а затем Джипленд в восточной части Виктории. Там он возглавил снаряженную губернатором экспедицию по разведке месторождений золота. Странно, что его кандидатура не привлекла внимания Комитета, когда обсуждался вопрос о руководителе предстоявшей трансконтинентальной экспедиции. Это был уравновешенный, умный человек, образованный этнограф, геолог и отличный знаток буша, воспитанный в стертовских традициях. Ему исполнился 31 год. Хоуиту вместе с картографом Эдвином Уэлчем и двумя помощниками, Алексом Эйткиным и Уэстоном Филлипсом, предстояло отправиться к Мешинди, а оттуда по маршруту Берка к Куперс-Крику. В тот период его миссию еще рассматривали как курьерскую: он должен был доставить Комитету достоверную информацию.

26 июня они отправились с дилижансом Кобба к Суон-Хиллу. Все было организовано быстро и четко. Через три дня гонцы добрались до гостиницы «Дерем Окс» на реке Лоддон и там встретили Браге. Выслушав рассказ Браге, Хоуит понял, что ситуация осложнилась: для поисков Берка необходима куда более многочисленная и иначе экипированная экспедиция; он телеграфирует Комитету о том, что возвращается с Браге в Мельбурн.

Они прибывают в воскресенье 30 июня, в тот же день Макадам ведет их к губернатору Баркли, где уже ждет сэр Уильям Стоуэлл. Четверо участников погибли, отряд Райта в Менинди, сам Райт находится на пути в Аделаиду, от Берка, застрявшего где-то на севере, никаких вестей с 16 декабря — новости звучали ужасающе. Макадам объезжает всех членов Комитета, и днем они все собираются в помещении Королевского общества. Теперь, когда до них наконец дошло истинное положение вещей, они забеспокоились всерьез; совещались долго, самодовольства и спеси как не бывало. Не исключено, что масла в огонь добавлял страх перед завтрашней прессой. Между строк протокола заседания сквозят напряжение и тревога.

Браге забросали вопросами. Почему он покинул лагерь на Куперс-Крике, хотя на складе оставался большой запас провизии? Почему давным-давно не отослал гонца в Менинди? Почему не вел дневник? Где сейчас, по его мнению, может быть Берк?

На эти и множество других вопросов Браге отвечал твердо и ясно; Комитету, конечно же, хотелось найти козла отпущения, но по мере того как выяснялись подробности, страсти понемногу улеглись. Браге отправили писать подробный отчет о событиях на Куперс-Крике — его маловразумительные записи не могли служить документом. Что касается исчезновения Берка, то тут, по мнению сэра Уильяма Стоуэлла, правомочны были любые предложения: «Пораженные цингой, его люди могли застрять в глубине континента, будучи не в силах двигаться, или где-то ожидать наступления сезона дождей. Это лишь она из тысячи причин возможной задержки... И хотя нам не следует сидеть сложа руки, основной для отчаяния я не вижу».

Речь прозвучала довольно утешительно. Тем не менее члены Комитета битых два часа горячо обсуждали все варианты и в итоге запутались окончательно. Дебаты направил в нужное русло Хоуит. Он вручил Комитету заявление, написанное им по пути от Лоддона в Мельбурн, в котором сообщал о своей готовности немедленно отправиться на поиски во главе расширенной экспедиции. Он добавил, что Браге согласен отправиться с ним, и он, Хоуит, считает это крайне целесообразным. Прежде всего они направятся в Менинди, где заберут верблюдов и лошадей, — к тому времени животные успеют отдохнуть. Сейчас, зимой, есть надежда до-

волью быстро добраться до Куперс-Крика. Взяв пятишестимесячный запас продуктов, Хоуит предполагал двинуться по маршруту Берка до Эйр-Крика, надеясь отыскать по дороге какие-либо документы, которые мог зарыть в тайнике Берк. Дальше он будет действовать сообразно с обстановкой.

Это толковое предложение члены Комитета мусолили со всех сторон, не оставив без внимания ни один пункт. Как подчеркнул Стоуэлл, успех будет зависеть от скорости продвижения: медлительность Райта заведомо обрекла его миссию на неудачу. Одни говорили, что «экстраординарное воскресное заседание» непременно следует закончить принятием резолюции, позволяющей Хоуиту незамедлительно отправиться в путь. Другие считали, что экспедицию следует подготовить должным образом и потеря одного дня равным счетом ничего не изменит. В отряд Хоуита решено было включить помимо Браге еще десять человек, в том числе двух черных следопытов и одного врача «с запасом лекарств для борьбы с цинготной хворью». Надлежало также сформировать подкомиссию, которая возьмет на себя хлопоты по подготовке экспедиции. Один за другим выдвигались новые предложения, и под конец все сошлись на том, что сегодня уже ничего предпринять нельзя; заседание перенесли на завтра.

На следующий день д-р Макадам зачитал отчет Браге, написанный им за ночь, и, хотя новой информации там не содержалось, Комитет смог принять решение: как и год назад, перед отправлением Берка, они сочли разумным не связывать Хоуиту руки точным указанием маршрута. Дальше дело пошло без проволочек. Думается, машина завертелась после появления утром статьи в мельбурнской газете «Эйдж»: «Сведения об исследовательской экспедиции Берка поистине ужасны. Все участники разбрелись в разные стороны и исчезли, словно капли росы с восходом солнца. Часть людей погибла, часть — возвращается обратно, один добрался до Мельбурна, другой направляется в Аделанду; лишь четверо из всей партии ушли из базового лагеря на Куперс-Крике, прокладывая путь через неведомые территории в глубине континента... Вся экспедиция от начала до конца представляется бесконечной цепью ошибок; остается лишь надеяться, что руководство спасательной партии окажется болсе умелым, и она не застрянет в пути, как это случилось с несчастной экспедици-

ей. Ученые мужи умудрились превратить верную затею в полную неразбериху, поэтому им не мешало бы оправдаться в глазах публики хотя бы сейчас, на этой последней и печальной стадии эпопеи».

В том же номере газета призывала злополучных «ученых мужей» Комитета отправить еще одну спасательную партию — морем, к заливу Карпентария.

Подал голос и скомпрометированный Ленделс. До сих пор все его попытки восстановить репутацию терпели фиаско — пространные письма в газеты оставались без внимания. Комитет отказывался иметь с ним дело. Теперь он написал очередное послание уже не в Комитет, а лично губернатору Баркли; в нем он сообщал, что его заботами шесть оставленных в Ройял-парке верблюдов вылечены, и он готов отправиться на поиски Берка. Баркли передал письмо в архив Королевского общества, где оно хранится и по сей день. К письму приложено объяснение смотрителя животных Ройял-парка, в котором тот с возмущением уведомляет Комитет о том, что Ленделс по возвращении в Мельбурн ни разу не появился возле верблюдов и никакого отношения к их лечению не имел.

Хоуит надеялся выступить в Суон-Хилл в понедельник, но понадобилось целых три дня на сборы. Так что вышел отряд только 4 июля. Их было девять человек — Хоуит, Браге, д-р Уилер, четыре помощника и два следопыта-аборигена Сэнди и Фрэнк. Картограф Уэлч еще с двумя помощниками уже отбыли в Суон-Хилл, и Хоуит должен был нагнать их по дороге. Губернаторство выделило из казны 2000 фунтов стерлингов: годовое жалованье Хоуита составило 300 фунтов, Браге, Уилера и Уэлча — 200 фунтов, шести помощников — 120, а Сэнди и Фрэнку положили по десять шиллингов в неделю. Главный врач колонии, доктор Идес, предоставил запас лекарств от цинги.

Комитет вручил Хоуиту письмо для Берка, в котором выражалась озабоченность его судьбой и содержалась информация о назначении Хоуита. Последний пункт внесли по настоянию самого Хоуита: в случае удачи, если он найдет Берка, Хоуит не желал поступать под его начало, а намеревался остаться руководителем *своей* экспедиции. Хоуиту передали для Берка еще одно письмо. Оно гласило:

«Милостивый государь,

Обращаюсь к Вам с надеждой, что мои тревоги ско-

ро рассеются, и Вы вернетесь живым и невредимым... Наверное, Вы совсем забыли меня, но, возможно, в дальнем уголке памяти еще живет веселая, смеющаяся Дж. Купидон.

В Мельбурне и за его пределами все шлют Вам свою любовь и благословение.

С искренними пожеланиями Дж.»

Трогательное послание было от Джулии Мэтьюз, действительно обеспокоенной судьбой Берка; она даже наведалась к редактору одной газеты, уговаривая его подогреть интерес общественности к отправке спасательной партии.

Осуществилось предложение «Эйдж» послать судно в залив. Сначала думали отрядить построенный в 1856 году в Англии шлюп «Виктория», великолепное судно для своего времени — с паровым двигателем, водоизмещением 580 тонн и командой 158 человек; кроме всех остальных достоинств «Виктория» являла собой еще и символ: это был первый военный корабль, переданный английской колонии. «Виктория» в те дни стояла на ремонте, но капитан У. Норман рассчитывал закончить его через три недели; губернатор приказал ему как можно скорее подготовиться к выходу в море и крейсировать в заливе Карпентария совместно с парусным бригам «Файерфлай».

Тем временем некто Джеймс Оркни предложил воспользоваться принадлежавшим ему маленьким 16-тонным пароходом «Сэр Чарльз Хотем». Все сочли, что пароходу легче обследовать мелкие реки, впадающие в залив, и 6 июля «Хотем» с командой из двух матросов и капитана поспешил к северу. Оркни взял на себя все расходы.

Весть о пропавшей экспедиции долетела до всех австралийских колоний, и отовсюду шли предложения о помощи. Баркли обратился к своему другу, губернатору Квинсленда, сэру Дж. Ф. Бауэну, с просьбой послать спасательную экспедицию. Квинсленд незамедлительно откликнулся на просьбу, выделив из бюджета 500 фунтов, и под наблюдением Грегори снарядил две самостоятельные партии. Одну возглавил опытный бушмен Уильям Лендсборо, юношей иммигрировавший в Австралию и поселившийся на границе с пустышей. Засуха и стычки с аборигенами побудили его оставить скотоводство и пристраститься к путешествиям, тем самым пополнив когорту австралийских исследователей. Было условлено,

что Лендсборо с двумя белыми помощниками и двумя следопытами-аборигенами, взяв тридцать лошадей, отправятся в Брисбен, где погрузятся на «Файерфлай» и дойдут до залива Карпентария. По плану, добравшись на паруснике до устья реки Альберт, им предстояло далее двигаться на юг в поисках Берка.

Вторую партию отдали под начало Фредерику Уокеру, ранее командовавшему отрядом конной туземной полиции округа Уогга в Новом Южном Уэльсе. Жесткий по натуре, он так безжалостно обращался с «дикими», что его уволили со службы; позднее белые поселенцы наняли его отряд частным образом нести охрану отдаленных ферм и владений. Уокер должен был отправиться из Рокгемптона на восточном побережье Квинсленда в глубь континента в надежде отыскать следы Берка в этой части Австралии. Капитану Норману надлежало держать с Уокером постоянную связь и снабжать его провизией; договорились, что, крейсируя возле устья Альберта, «Виктория» будет ежедневно в 8 часов вечера производить выстрел из орудия, а полчаса спустя пускать сигнальную ракету. В течение шести месяцев «Виктории» предстояло служить плавучей базой и, оставаясь в заливе, координировать действия двух квинслендских экспедиций.

Подготовку провели организованно, в кратчайший срок и наилучшим образом. Правда, маленький 16-тонный «Сэр Чарльз Хотем» не оправдал надежд: из мельбурнского порта его вывел буксир, но вскоре у парохода сломалась машина, и он начал беспомощно дрейфовать, пока шторм не вынес его на берег севернее Сиднея. «Виктория» и «Файерфлай» отбыли из Мельбурна 4 августа и через неделю достигли Брисбена, где приняли на борт отряд Лендсборо. Небольшая осечка произошла на пути из Брисбена: в ураганный шторм «Файерфлай» сел на риф, и лошадей пришлось вплавь переправлять на берег, но бриг довольно быстро сняли с мели, и «Виктория» повела его на буксире. В начале октября оба судна благополучно добрались до устья Альберта. К тому времени Уокер уже далеко продвинулся в глубь континента.

Между тем на поиски вышла еще одна спасательная экспедиция — из колонии Южная Австралия. Ее возглавил 42-летний шотландец Джон Маккинли. Двухметровый гигант прибыл в Австралию юношей и осел на кромке пустыни, почти за пределами района поселений;

в Мельбурне он оказался как раз в момент возвращения Браге, и поэтому был в курсе событий. Маккинли поспешил в Аделаиду, где немедленно собрал экспедицию, включив в нее Ходжкинсона в качестве картографа и своего заместителя, четырех белых помощников и трех черных следопытов. Маккинли намеревался ехать верхом и уже приготовил двадцать четыре лошади; совершенно неожиданно в поселке возле Маунт-Хоуплеса появились два верблюда, отбившиеся от каравана Райта восемь месяцев назад, — они, видимо, блуждали в пойме Куперс-Крика, где хорошо отъелись. Их «записали» в экспедицию вместе с двумя верблюдами из Ройял-парка, доставленными на пароходе «Оскар» из Мельбурна в Аделаиду.

Маккинли получил четкие инструкции: добраться до Куперс-Крика и, независимо от того, встретит он там Хоуита или нет, двигаться дальше на север. Губернаторство Южной Австралии поручило Маккинли вести по дороге разведку месторождений золота, минералов и драгоценных камней. 16 августа маленький караван покинул Аделаиду.

Итак, к центру континента устремились четыре экспедиции, не считая уже находившейся там группы Стюарта: Уокер со своими черными следопытами шел на северо-запад от побережья Квинсленда, Лендсборо — на юг от залива Карпентария, а Хоуит и Маккинли — на север с юга материка. Все четверо руководителей по многу лет провели в необжитых районах Австралии и отлично ориентировались в буше. Надежной базой им служил шлюп «Виктория», крейсеровавший в заливе Карпентария, а местом встречи должен был стать Куперс-Крик.

Небольшие мобильные отряды двигались налегке; наступил зимний сезон, и люди рассчитывали найти по дороге воду. Различные колонии, еще недавно раздираемые противоречиями и ревниво соперничавшие из-за первенства в открытии континента, теперь объединились. Только что проложенная между столицами линия телеграфа работала с полной нагрузкой, передавая сообщения о ходе спасательных операций.

Спору нет, эти мероприятия нельзя сравнивать с исследовательскими походами: ведущие поиски пропавших имеют перед собой четко очерченную цель, они не прокладывают новые маршруты, а двигаются по следам, им легче избежать ошибок. И все же можно лишь диву да-

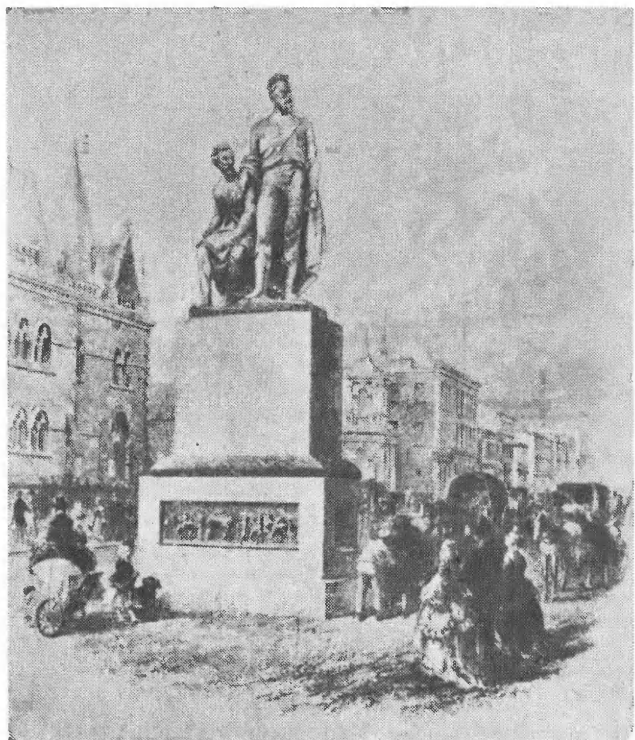
ваться, с какой быстротой и профессионализмом удалось за пару месяцев снарядить и отправить четыре экспедиции. Как ни печально, приходится констатировать, что комитеты и правительственные ведомства проявляют куда больше оперативности и щедрости в периоды кризисов, нежели в спокойные времена. Судьба маленькой группы затерявшихся неведомо где людей оказалась более важной, чем все загадки и тайны «зловещего пятна»; жажда золота, поиски новых пастбищных земель и внутреннего моря — все ушло на задний план. Трагедия и даже смутный страх перед трагедией стали куда более мощным стимулом для действий, чем любопытность или честолюбие.

После того как Хоуит покинул Мельбурн, д-р Уиллс отправился морем в Аделаиду. Ему хотелось (впоследствии он оставил эту мысль) предложить свои услуги в качестве хирурга экспедиции Маккинли, да и важные сообщения долетали раньше всего до Аделаиды. В середине сентября д-р Уиллс получил записку от комиссара полиции Уорбертона с приглашением зайти в управление по интересующему его делу.

«Я помчался туда со всех ног, — пишет д-р Уиллс, — и с порога спросил: „Какое сообщение — хорошее или плохое?“ Он ответил: „Не столь уже плохое“ и протянул мне депешу, зачитанную в тот день в парламенте». Конный полицейский из далекого аванпоста Уиррилпа возле Маунт-Серла (на полпути от Аделаиды до Куперс-Крика) извещал, что пришедший с севера туземец по имени Самбо поведал о белых людях, живущих у крика в центре континента. По рассказам аборигена, они были голые, у них не было ни провизии, ни огнестрельного оружия, зато имелись два верблюда; питались они рыбой, которую ловили сплетенной из травы сетью, а жили на плоту. Местные туземцы ужасно их боялись.

История звучала правдоподобно; сообщивший ее полицейский встретил Маккинли по пути на север. Д-р Уиллс отправился обратно в Мельбурн в надежде, что туда успели прибыть сведения от Хоуита. Ведь тот первым ушел на поиски и по логике первым должен был добраться до Куперс-Крика.

Среди множества имен людей, в той или иной степени занимавшихся спасением Берка и его спутников, ни разу не промелькнуло имя Райта, человека, чья задержка в Менинди обусловила все последующие события. Он спокойно жил в Аделаиде как ни в чем не бывало.

Памятник Берку и
Уиллсу в Мельбурне.
1860-е годы

Чарльз Стерт

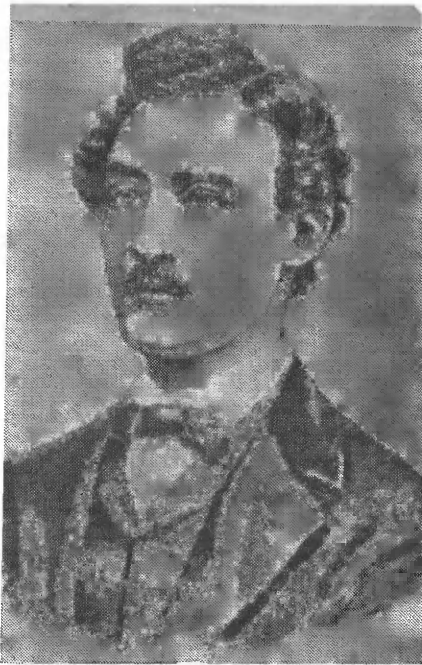

Роберт О'Хара Берк

Уильям Джон Уиллс

Джон Кинг

«Великая гонка
через Австралию».
Карикатура

Проводник Дик

Верблюды, привезенные из Индии в Мельбурн

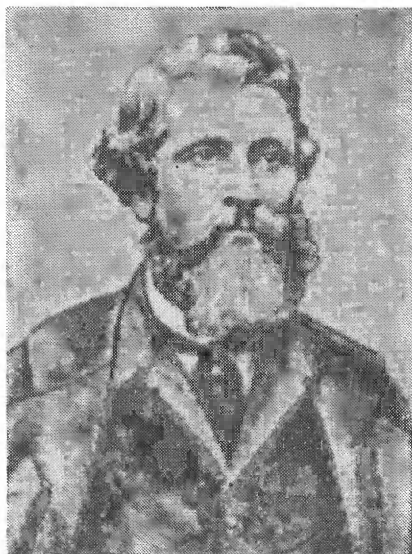
Берк.
Картина Сиднея Нолана

Чарльз Грей

Джулия Мэтьюз

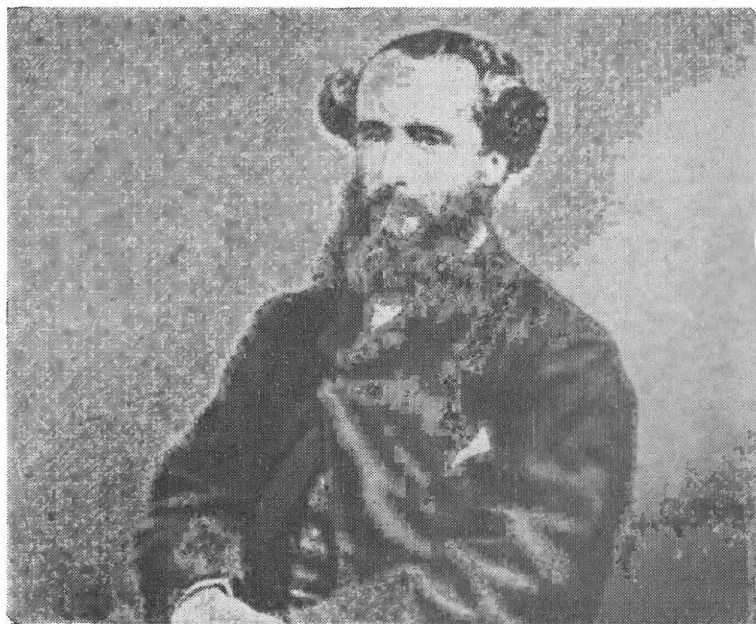

Джон Маккинли

Рисунок из газеты Мельбурна:
на заднем плане укрепленный лагерь

Альфред Уильям Хоут

«Возвращение». Картина сэра Джона Лонгстафа

Мощным рывком Хоуит продвинулся на север — 13 июля он прошел Суон-Хилл, а 30 июля переправил лошадей вплавь через Дарлинг у Менинди. Там он запасся продовольствием на пять-шесть месяцев и 14 августа отправился к Куперс-Крику. Его караван, насчитывавший тридцать семь лошадей и семь верблюдов, Браге вел старым маршрутом через Мутвинджи и Торото в обход Буллу. В отличие от бездарных блужданий Райта поход Хоуита можно считать образцом точности и деловитости. Куперс-Крика они достигли за двадцать пять дней.

Конечно, отряд двигался в лучшее время года, когда почти на каждом привале легко было найти воду, а на последнем участке пути уже лили дожди. Стаи перелетных птиц кружили над водоемами, земля вновь возвращалась к жизни. Наступление нового сезона, правда, таило в себе и неприятности: не давали покоя назойливые мухи, с дождями выползли на свет божий гадюки и другие ядовитые змеи. Однако преобразование природы не могло не радовать. На оранжевых холмах цвела розовым цветом хрустальная травка, а в крике плескались окуни. В отличие от Браге Хоуит умел жить дарами земли, и в экспедиции не переводились деликатесы — жаренные на углях дикие голуби, раки и моллюски.

Он намеревался пройти вниз по течению крика, пытаясь отыскать свежие верблюжьи следы или любые признаки передвижения Берка. Задача стояла трудная, они отлично понимали, что ищут иголку в стоге сена. Минуло уже девять месяцев со времени исчезновения Берка. Никто не знал, по какому пути он направился к заливу. Теоретически сейчас он мог находиться в любой точке тысячемильного неисследованного пространства. Хоуит пишет о «загадочной пустыне, раскинувшейся в центре материка и отказывавшейся выдавать своих пленников».

Можно представить, как маленькая колонна упорно ползет день за днем вперед, как следопыты внимательно разглядывают землю. Однажды они натолкнулись на странную колею, похожую на след от повозки; в свое время нечто подобное видел и Уиллс на пути к Ку-

перс-Крику. Хоуит пошел вдоль колеи и выяснил, что это след от тяжелых бревен, которые тащил паводок. Других «зацепок» по дороге из Менинди отряд не обнаружил. Их окружал безмолвный, словно вымерший буш; редкие собаки динго вприпрыжку удирали прочь при виде странной процессии, замирали как изваяние кенгуру. Иногда на горизонте возникали причудливые миражи: в бездонном небе повисали перевернутые деревья. Как отыскать Берка в этом нереальном зыбком пространстве?

6 сентября произошло событие, заслуживающее внимания,— приближаясь к плосковерхим холмам, за которыми начинались покрытые валунами равнины, они увидели аборигенов. Вдоль сухого русла шла навстречу им группа людей — седовласый старик, мужчина помоложе и несколько женщин с детьми.

«Они были очень возбуждены,— пишет Хоуит,— размахивали ветками и что-то громко говорили. Тот, кто помоложе, дрожал всем телом от испуга. Сэнди не мог разобрать ни слова. Подарив старику нож, я уговорил его отправиться с нами до ближайшей воды, однако, пройдя с полмили, он вдруг чего-то испугался и забрался на эвкалипт, дабы оказаться вне пределов досягаемости. Г-н Браге подъехал к дереву, но туземец стал лезть еще выше, что-то непрерывно говоря и показывая рукой на северо-запад (наш курс). Убедившись в бесполезности попыток снять его, мы ушли».

Аборигены явно давали понять, что каравану следует двигаться по течению крика. Лил дождь, верблюды увязали в липкой грязи. 9 сентября экспедиция снова увидела группу аборигенов, на сей раз «привлекательных, ладно сложенных юношей», обвязавшихся вокруг талии рыболовными сетями; аборигены приветливо махали им руками с другой стороны крика; на следующий день один из них подошел к Хоуиту и подарил ему кусочек жевательной смолы. Абориген имел устрашающий вид — его тело было разрисовано в виде скелета,— но вел себя крайне дружелюбно; все попытки выспросить его о белых людях окончились неудачей: он не мог взять в толк, что от него хотят.

13 сентября караван въехал в лагерь 65. Бегло осмотрев бывший продовольственный склад, Браге сообщил, что ничего не изменилось — ограда стояла на месте, на деревьях не прибавилось зарубок, очевидно, за минувшие месяцы никто, кроме аборигенов, сюда не

приходил. Это звучит невероятно, но и на сей раз они не разрыли тайник... Молчаливый призыв на эвкалипте — «DIG» — ровным счетом ничего для них не значил; позднее Хоуит объяснит, что у них было много провизии и выкапывать оставленное Браге добро не было смысла, пустая трата времени. Пробыв в пустом лагере несколько минут, они двинулись дальше и остановились на привал в нескольких милях ниже по течению.

На следующий день спасательная партия добралась до места, где Берк устроил последнюю на Куперс-Крике стоянку перед тем, как повернуть на север к заливу. Здесь наконец нашлись отчетливые следы пребывания исчезнувшего отряда. Однако отпечатки верблюжьих копыт вели в странном направлении — Браге был уверен, что Берк не мог идти к заливу этим путем. «Похоже, здесь не более четырех месяцев назад бродили отбившиеся верблюды,— пишет в дневнике Хоуит.— Следы уходят вверх по крику. Правда, почва слишком каменистая и полной уверенности у меня нет».

Рано утром он и Сэнди отправились на разведку. Не пройдя и двух миль, они натолкнулись на множество следов возле водоема, и Хоуит подобрал валявшуюся на земле рукоятку складного ножа. Чуть дальше они увидели ведущие на восток четкие следы верблюжьих копыт и лошадиных подков.

«Через четыре мили,— пишет Хоуит,— следы привели к большому водоему, на противоположном берегу которого показались *вурли*, хижины туземцев. Я направился туда по узкой песчаной перемычке и снова напал на верблюжьих следы. В этот момент я увидел туземца; он был очень возбужден, указывая рукой вниз по течению и кричал изо всех сил: „Иди! Иди!“ Я хотел приблизиться к нему, но он поспешно удрал; тогда я двинулся по верблюжьему следу... По дороге я увидел лежавшие на земле три пачки табака по фунту в каждой. Табак, рукоятка ножа, свежий отпечаток лошадиных копыт, ведущие на восток верблюжьих следы — все это до крайности меня озадачило, я терялся в догадках».

В этот момент его нагнали гонцы, посланные из отряда. Они принесли сенсационную новость: нашелся Кинг.

Первым увидел его картограф экспедиции Уэлч. Когда отряд Хоуита продолжил путь по течению крика, Уэлч задержался, чтобы еще раз внимательно осмотреть местность; примерно через полчаса на берег высыпала

толпа аборигенов. Неожиданно, рассказывает Уэлч, его лошадь Пигги рванулась в их сторону. Те кинулись врассыпную; на месте осталась «одна-единственная фигура, похожая на пугало в лохмотьях и разодранной шляпе. Не сумев сдержать лошадь, я проскочил мимо. Существо пошатнулось и, молитвенно сложив руки, рухнуло наземь. Рыхлый песок помог мне сладить с Пигги; обернувшись, я увидел, что человек слегка приподнялся. Быстро соскочив с лошади, я подбежал к нему и, страшно волнуясь, спросил:

— Боже праведный, кто вы?

Он ответил: „Я Кинг, сэр“.

В тот миг я даже не понял, что передо мной — тот, кого мы ищем; имя Кинга, одного из рядовых участников экспедиции, было мне незнакомо.

— Кинг?— повторил я.

— Да,— ответил он.— последний оставшийся в живых из всей экспедиции.

— Что? Экспедиции Берка?

— Да.

— А где Берк и Уиллс?

— Умерли. Оба давно уже умерли.

И он снова упал».

Уэлч выстрелил в воздух, подзывая остальных. Первым прискакал Хоуит. Кинг что-то еще говорил, но слов они разобрать не могли. Вид у Кинга был страшный: кожа дочерна обгорела, он почти потерял рассудок от голода и одиночества. «Несчастный был похож на тень,— пишет Хоуит,— и если бы не остатки одежды, его невозможно было принять за цивилизованного человека. Он настолько ослаб, что с трудом понимал наши слова. Все аборигены собрались вокруг, уселись на земле и смотрели на происходящее с нескрываемым восторгом».

Хоуит немедленно разбил лагерь на берегу крика, и Кинга перенесли в палатку. Ухаживавший за ним д-р Уилер позднее утверждал, что, не найди они Кинга, он не протянул бы и нескольких дней. Оголодавший Кинг, плача, просил есть, но д-р Уилер держал его на легкой диете — рис, сахар и масло. Уже на следующее утро Кингу стало лучше, постепенно он рассказывал все новые и новые подробности о случившемся. Хоуит, сидя рядом, мелким почерком записывал услышанное, втайне опасаясь, что больной умрет, не дорассказав все до конца. Слушая Кинга, Браге приходил в ужас. Благода-

ря прилежным записям Хоуита и дневникам Уиллса (их отыскали в его могиле два дня спустя) стало возможным восстановить подробности последних недель жизни путешественников на Куперс-Крике.

По словам Кинга, в начале июня во время отсутствия Уиллса у них начались нелады с аборигенами. Они по-прежнему вели себя дружелюбно, каждый день угощали рыбой, но в ответ ждали, что белые поделятся с ними своими «сокровищами». Берк соорудил шалаш, где хранил патроны и немногие оставшиеся вещи.

«Один из туземцев,— рассказывал Кинг,— забрался в шалаш, схватил кусок клеенки и пустился наутек. Берк, увидев это, побежал за ним, но, поняв, что не догонит, выстрелил в воздух из револьвера, и тогда испуганный туземец бросил клеенку. Меня в это время туземцы уговаривали пойти в стойбище отведать рыбы; я отказался, поскольку г-на Берка не было, и я опасался, что они утащат все наши вещи. Тогда один из них взял бумеранг и положил его мне на плечо. Я подумал, что они хотят запугать меня, поэтому вытащил из шалаша ружье; они убежали. Когда г-н Берк вернулся, я рассказал ему все.

Поздно вечером туземцы снова явились с рыбой и стали кричать „Белые!“ Г-н Берк вышел к ним с револьвером. Возле шалаша столпилось все племя, мужчины были разукрашены, а двое держали маленькие корзинки с рыбой. Г-н Берк двинулся им навстречу, они попытались окружить его, но он ударом выбил у них из рук корзинки и велел мне стрелять. Я выстрелил, и они разбежались. Мы собрали валявшуюся на земле рыбу, она оказалась уже изжаренной. Г-н Берк решил не выказывать дружелюбие, опасаясь, что иначе мы от них не избавимся».

Удивительная реакция — ведь потерявшие путешественники не могли прожить без помощи аборигенов. У Уиллса на этот счет не было никаких сомнений, о чем он недвусмысленно заявил Берку по возвращении. И не только заявил, но и пошел на стоянку мириться. Кинг рассказывает, что аборигены держались «очень приветливо и дружелюбно. Они оставили Уиллса на два дня, а затем жестами дали понять, чтобы он уходил. Он вернулся, поведал нам обо всем и на следующей день опять пошел в лагерь. Его накормили и снова стали прогонять. Он сделал вид, что не понимает. Тогда они показали ему жестами, что уходят вверх по крику, а

нам следует двигаться вниз. Собрав свой скарб, они покинули стоянку, дав Уиллсу немного нарду для нас».

В начале июня, кажется, 5 числа (Кинг путал даты) шалаш сгорел со всеми запасами. Берк развел по соседству костер и жарил рыбу, как вдруг поднялся сильный ветер; искры посыпались на сухие ветки, и шалаш вспыхнул факелом. В мгновение ока нехитрое сооружение превратилось в пепел; удалось спасти лишь одно ружье и револьвер.

Теперь оставалась последняя отчаянная надежда — добраться до аборигенов и попроситься к ним в попутчики. Они упаковали одеяла и пожитки — получились тюки по 15 кило каждый, — и поплелись к лагерю аборигенов. Увы, он уже опустел. Вокруг расстилалось поле спелых нарду и путники решили насобирать семян. Они двигались как автоматы, механически перемещаясь с места на место.

«Раньше мы с Уиллсом, — рассказывал Кинг, — собирали за пару часов целый мешок этих семян, а Берк, пока нас не было, успевал растолочь их столько, что хватало на обед. Теперь силы покинули нас. Уиллс уже был не в состоянии ни собирать, ни толочь семена, а через несколько дней стал совсем беспомощным. Я один выходил в поле. Г-н Берк тоже ослаб и не мог толочь семена. Мне пришлось собирать и толочь за троих. Так продолжалось несколько дней, но долго я не выдержал. У меня болели и подгибались ноги. Настал день, когда и я не смог никуда идти. Пришлось съесть неприкосновенный запас провизии, рассчитанный на шесть суток».

Шла третья неделя июня, начались грозные дожди. Холодной ночью они дотащились до пустой хижины аборигенов и улеглись там, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Они понимали, что положение безвыходное. Особенно худо было Уиллсу, нуждавшемуся в усиленном питании. Оставалась единственная надежда — найти аборигенов. Но сам Уиллс уже не мог двигаться и настойчиво просил оставить его в хижине. Уиллс убеждал товарищей, что сможет продержаться до их возвращения.

В конце концов Берк согласился. Уиллс лежал в хижине, а они с Кингом ползали по полю, собирали семена и дробили их, чтобы оставить Уиллсу небольшой запас нарду.

«Ночь и утро очень холодные: небо чистое, — писал Уиллс в дневнике 20 июня, — я катастрофически ослаб

от холода и голода. Кинг ушел собирать семена. Г-н Берк дома размалывает зерна. Он жалуется на боль в ногах, почти не может ходить. Кинг держится лучше всех».

Когда в полдень выглянуло солнце, Уиллс попытался обтереться губкой, но не «сумел справиться с этим занятием».

На следующий день он записывает в дневнике: «Если помощь не придет в той или иной форме, я не продержусь больше двух недель. В нашем положении можно утешаться лишь сознанием того, что мы сделали все возможное; наша смерть явится результатом чужой неосторожности, а не наших собственных просчетов. Доведись нам терпеть лишения в любом другом месте, следовало бы винить самих себя; но мы вернулись к Куперс-Крику, где с полным правом рассчитывали найти провизию и одежду; тем не менее нам приходится умирать от голода, хотя г-н Берк дал тыловой группе совершенно четкие указания — дожждаться нашего возвращения, а Комитет настоятельно требовал от оставшейся в Менинди колонны следовать за нами».

24 июня выдалась ужасная ночь. Сильный ветер не утихал до зари, они лежали в хижине, дрожа от холода, пытаясь согреть друг друга.

Уиллс начинает путать дни: следующая запись в дневнике датирована 23 июня.

«Перед рассветом,— пишет он,— Кинг сообщил, что видит на востоке необычную луну с дымчатым светящимся ореолом; по его словам, это небесное тело имеет размеры Луны с ровными краями. Я настолько ослаб, что не могу и помыслить о наблюдении; полагаю, что он видел Венеру в зодиакальном свете с короной вокруг. Г-н Берк и Кинг не выходят из хижины, занятые очисткой и размолотом зерен. Оба слабеют с каждым днем. Холод пробирает до костей, а одежды не осталось почти никакой. Мой гардероб состоит из фетровой шляпы, фуфайки, остатков фланелевых брюк, двух пар рваных носков и жилета, в карманах которого я держу личные вещи. Остальные выглядят не лучше».

К 26 июня Берк и Кинг намолотили десятидневный запас нарду. Уиллсу оставили муки на 8 дней, остальное взяли с собой в дорогу. В эти последние прощальные часы Уиллс с обреченным смирением принимает свою судьбу. Ровным почерком он записывает, что следующим утром двое спутников покидают его, хотя Берк крайне слаб. И добавляет: «У меня хороший аппетит, я

с удовольствием жую лепешки из зерен нарду, но в них, по-видимому, нет питательных веществ; птицы здесь чрезвычайно пугливые, так что их не поймать. Даже будь у нас рыба, не знаю, смогли ли бы мы ее приготовить. Спасти нас может только чудо. Что же до меня, то я протяну дней пять-шесть, если будет тепло. Пульс у меня — сорок восемь, очень слабый: от рук и ног остались кожа да кости. Подобно г-ну Микоберу, мне осталось ждать в расчете на то, что „вдруг все образуется“. Голодная смерть — не самая приятная из смертей, тем не менее справедливости ради надлежит отметить, что нарду дает приятное ощущение сытости».

Уиллс пишет также прощальное письмо отцу. Это поразительный документ — в нем нет грамматических ошибок, все запятые на местах, стиль выдержан от первой до последней строчки. Оно написано красивым, чуть наклонным, абсолютно разборчивым почерком и свидетельствует о ясном уме, сохранившемся до конца. Хотя письмо полно горьких упреков в адрес других, автор не опускается до жалости к себе. Мы видим, как в последних строках человек стряхивает груз земных забот.

Вот это письмо:

«Куперс-Крик 27 июня 1861 г.

Дорогой отец,

Очевидно, это последнее письмо, которое Вам суждено получить от меня. Мы на пороге голодной смерти, вызванной не столько абсолютным отсутствием пищи, сколько недостатком питательных веществ в скудном рационе. Правда, наше положение, несмотря на всю его горечь, не так трагично, как в случае с беднягой Гарри и его соратниками¹⁷. Нам благоволила удача на пути к заливу Карпентария; мы двинулись обратно, с полным правом рассчитывая подкрепить силы в базовом лагере, где оставили четверых помощников, двенадцать лошадей и шесть верблюдов. Запасов провианта на складе при бережливом расходовании должно было им хватить на двенадцать месяцев. Мы также имели полное основание считать, что следом движется тыловая колонна с добавочной провизией и всем необходимым для создания на Куперс-Крике постоянного склада. Оставленная партия получила строгий наказ не покидать лагерь до нашего возвращения без крайней необходимости. Мы

¹⁷ Речь идет о кузене Уиллса, лейтенанте Левесконтэ, погибшем в арктической экспедиции за несколько лет до этого.— *Примеч. авт.*

ушли, взяв провизии номинально на три месяца, однако пайки были рассчитаны с запасом, а кроме того, мы полагали возможным съесть по дороге часть верблюдов. Удача сопутствовала нам с самого начала, мы двигались до залива почти по прямой линии от Куперс-Крика через красивую местность. На обратном пути, однако, верблюды с трудом шагали по размокшей земле и вскоре одного из них пришлось пристрелить. Когда минуло более двух месяцев с момента выхода из лагеря, пришлось сильно урезать порции. Недоедание сразу же сказалось на всех, но я переносил его легче других. Путь пролегал по безводной области, где почти не было дичи; к тому же мы торопились и не могли сколько-нибудь существенно пополнить нехватку провизии. Лишь иногда удавалось подстрелить ворону или ястреба, либо собрать портулак. Последний обладает замечательными качествами и, думаю, без него мы не добрались бы назад в добром здравии. Вернувшись через четыре месяца и четыре дня, мы нашли лагерь пустым: тыловая партия покинула его в тот самый день. Мы были не в состоянии последовать за ними. Боюсь, что вынужден закончить это послание, чтобы успеть отдать его в надежные руки. Я постараюсь написать еще, хотя шансов получить следующее письмо у Вас будет меньше. Вы в полном праве иметь претензии к Комитету за проявленное небрежение. Оставляю Вас своим душеприказчиком и прошу передать все имеющиеся у меня деньги сестрам; остальным имуществом распорядитесь по своему усмотрению.

Прощайте, дорогой отец.

Горячий привет брату Тому.

У. Дж. Уиллс

P. S. Полагаю, что мне суждено прожить еще четыре-пять дней. Мои религиозные воззрения несколько не изменились, и я не испытываю никакого страха. Моя душа спокойна».

Публикуя это письмо, д-р Уиллс опустил постскрипtum из опасений, что сын получит ярлык атеиста. Излишняя осторожность: в письмах к матери в Англию до начала экспедиции Уиллс ясно указывал, что считает себя христианином, хотя и не желает тратить время на «пассивную доверчивость». Не лишне напомнить, что ему было 27 лет и он был человеком науки.

Уиллс прочитал письмо вслух, дабы Берк и Кинг убедились, что в нем нет ничего порочающего спутников, а лишь одна только правда. Затем Уиллс сказал, что

хочет передать отцу золотые часы, их вместе с письмом взял Берк. Кинг обещал позаботиться о часах и письме, если Берк умрет раньше. Берк снова настойчиво спросил, действительно ли Уиллс хочет остаться. Тот повторил — да, он останется, это их единственный шанс на спасение. Дневники Уиллса (откуда взяты приводившиеся выше цитаты) зарыли рядом с хижинкой; сухие ветки и дрова для костра, воду и лепешки положили так, чтобы он мог до них дотянуться. На следующее утро, 29 июня, оставив лежащего Уиллса, они ушли.

Берк был совсем плох. Весь первый день он жаловался на боль в спине и ногах и терзался тем, что оставил Уиллса одного. На второй день ему стало как будто лучше, но, не пройдя и двух миль, он упал на землю и сказал, что дальше идти не может.

«Я уговаривал его встать,— рассказывал Кинг,— мне удалось поднять его и провести метров сто, но силы оставляли Берка. Он сказал, что не может нести котомку и выбросил все ее содержимое. Я тоже облегчил ношу, оставив только ружье, немного патронов, кисет с табаком и спички. Пройдя еще немного, г-н Берк сказал, что будем здесь ночевать. Место оказалось очень ветреным, рядом с огромным водоемом, и я уговорил его пройти чуть дальше к следующей протоке, где мы и остановились. Осмотревшись, мы увидели, что на кочках растет нарду; я собрал зерна, растолок их, подстрелил ворону и приготовил отличный ужин. Г-ну Берку становилось хуже, но все же в тот вечер он поел. Он сказал, что конец близок, отдал мне свои часы, принадлежавшие, по его словам, Комитету, а также записную книжку с последними записями. Ее он просил передать сэру Уильяму Стоуэллу».

Кинг показал книжку Хоуиту; все это время Кинг носил ее вместе с двумя парами часов и письмом Уиллса в маленьком холщовом мешочке на шее. Последние слова Берка написаны карандашом, почерк неразборчив, буквы расползаются. Запись гласит:

«Надеюсь, нас рассудят по справедливости. Мы выполнили свой долг, но нас поки[...]. Караван не пошел следом, как мы ожидали, а тыловая партия покинула пост.

Р. О'Хара Берк. Куперс-Крик, 26 июня».

Ниже сделана приписка:

«Кинг вел себя благородно. Надеюсь, что о нем позаботятся. Сейчас он отправляется по моему настоянию

вверх по течению крика. *Р. О'Хара Берк*. Куперс-Крик, 28 июня.

Кинг ведет себя благородно. Он был со мной до конца; оставляет меня лежащим на земле, вложив в руку револьвер. Такова моя воля. *Р. О'Хара Берк*. Куперс-Крик, 28 июня».

На самом деле приписка была сделана на один или даже два дня позже указанной даты. На заре стоял ужасный холод, Берк уже едва шевелил губами. Последнее его желание было достойно короля Лира. Он велел Кингу вложить ему в правую руку револьвер и, понимая, что у того не хватит сил вырыть могилу, приказал оставить его лежащим на земле. Видимо, именно в этот момент он написал свои последние слова. Потом Берк беззвучно помолился. В восемь утра он был мертв.

«Несколько часов я просидел возле него,— рассказывал Кинг,— но дольше задерживаться не имело смысла, и я пошел на поиски туземцев. Мне было очень одиноко, я ночевал в их покинутых хижинах».

После двух дней скитаний ему несказанно повезло: он набрел на шалаш, в котором аборигены оставили запас нарду, достаточный, чтобы продержаться недели две; к тому же в тот вечер ему удалось подстрелить ворону.

Отдохнув два дня, он отправился обратно к Уиллсу, прихватив трех подстреленных по дороге птиц. Слишком поздно — Уиллс был уже мертв. Когда это случилось, сколько времени он пролежал, глядя сквозь ветки шалаша, неизвестно; ясно было одно — он так и не вставал.

Кинг зарыл тело в песок.

С начала июля для Кинга началась долгая, изнурительная борьба за жизнь. Не в силах на что-либо решиться, он просидел в пустом лагере еще несколько дней и затем пошел по следам наведывавшихся сюда аборигенов. По пути пытался охотиться на ворон и ястребов; выстрелы привлекли внимание аборигенов, и они вышли к нему навстречу. Рассказ Кинга о том, как они заботились о нем в течение двух месяцев до появления Хоуита,— одно из самых трогательных свидетельств доброты и сердечности «примитивных» обитателей Австралии. Эти строки можно рассматривать и как лучшую эпитафию ныне исчезнувшим аборигенам с берегов Куперс-Крика. Читая их, следует помнить, что им самим не хватало еды и лишний рот стал для них не-

легким бременем, поскольку проку от полуинвалида было мало.

«Они взяли подстреленных птиц, — рассказал Кинг, — изжарили их, накормили меня и отвели в хижину, где мне предстояло спать еще с тремя холостыми мужчинами. На следующее утро они завели со мной беседу; один из них приложил палец к земле, зарыл его песком и, указывая другой рукой на крик, повторил несколько раз: „Белый“. Я понял, что они сообщают о смерти Уиллса. Потом они спросили о третьем белом, и я повторил их жесты — приложил палец к земле, зарыл его песком и показал в сторону, где оставил Берка.

Они всячески выказывали сочувствие и сострадание; узнав, что я остался один, накормили меня досыта. Прожив с ними четыре дня, я понял, что стал им в тягость; они показали знаками, что собираются откочевать вверх по течению крика, а мне лучше идти в другом направлении. Я сделал вид, что не понимаю. В тот же день они снялись с места; я двинулся следом.

Дорбгой мне удалось подстрелить несколько ворон, и это весьма им понравилось. В новом стойбище они расчистили площадку, в середине установили загородку от ветра, уселись в кружок и ждали, пока не изжарится птица, после чего охотно разделили со мной трапезу. В тот же день женщина, которой я отдал часть вороны, принесла мне лепешку из муки нарду, объяснив, что угощение столь скромно из-за больной руки, не позволяющей ей молотить зерна. Она показала больную руку; тут меня осенило — я решил вскипятить в котелке воду и губкой промыть рану. Во время операции все сидели вокруг, перешептываясь. Ее муж находился рядом, а она не переставая плакала. Промыв рану, я обработал ее нитратом серебра; женщина начала вопить и вырываться с криком „Мокоу! Мокоу!“ (Огонь! Огонь!).

С тех пор они с мужем стали приносить мне утром и вечером немного нарду и брали с собой, когда племя отправлялось ловить рыбу. Они также помогали мне строить хижину или плести загородку от ветра, когда туземцы перекочевывали на новое место. Со своей стороны, когда мне удавалось подстрелить ворону или ястреба, я непременно делился с ними. Каждые четыре-пять дней они обступали меня, и старики спрашивали, куда я намерен идти — вверх или вниз по течению крика. В конце концов мне удалось им втолковать, что если они пойдут вверх, я тоже пойду вверх, а если они пой-

дут вниз, я тоже пойду вниз. С этого момента они начали считать меня за своего и регулярно приносили мне рыбу и лепешки.

Им очень хотелось узнать, где лежит Берк. Однажды, когда мы отправились ловить рыбу и оказались неподалеку, я повел их к тому месту. Увидев бранные останки, все горько зарыдали; потом они забросали тело г-на Берка ветками кустарника. После этого эпизода они стали заботиться обо мне пуще прежнего; я повторял им, что белые должны прийти сюда через две луны [два месяца] и по вечерам, приходя с лепешками и рыбой, они охотно заводили разговор о белых людях и показывали пальцем на луну.

Я обещал им много подарков. Особенно они просили томагавки, которые называли *бумейку*. Весь месяц до прибытия спасательной партии со мной обращались с неизменной заботливостью и смотрели как на своего. В день моего спасения прибежал один туземец и сказал, что он ловил рыбу и видел, как сюда направлялись белые люди; все находившиеся в лагере разбежались в разные стороны, а человек, принесший эту весть, перевел меня через протоку и здесь я вскоре увидел шедших ко мне людей».

Так звучал рассказ Кинга, поведанный Хоуиту; уцелевший спутник Берка и Уиллса говорил с трудом, Хоуит терпеливо ждал, пока он вновь соберется с силами, наступала тишина и тогда сквозь ткань палатки до них доносился мягкий плеск Куперс-Крика.

Глава 13

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МЕЛЬБУРН

За два дня Кинг поправился настолько, что смог отвести их к могиле Уиллса в семи милях ниже по течению крика. Место выглядело так, как он его описал,— две хижины на песке между двумя водоемами. Здесь, однако, успели побывать дикие собаки, и тело бедняги Уиллса было чудовищно обезображено. Они аккуратно собрали останки и вырыли могилу. За неимением молитвенника Хоуит прочитал евангельские строки из Первого послания к коринфянам, как нельзя лучше соответствовавшие моменту:

Смерть! Где твое жало?
Ад! Где твоя победа?

На ближайшем к могиле дереве вырезали следующую надпись:

Куперс-Крик
У. Дж. Уиллс
XLV ярдов
W.N.W

Внизу Хоуит добавил свои инициалы — А. Х. После этого они вырыли дневники Уиллса и ушли.

Кинг с превеликим трудом добрался до лагеря и несколько дней не мог двигаться. Он подробно объяснил Хоуиту, где найти тело Берка. Оставив Кинга в палатке под наблюдением д-ра Уилера, 21 сентября спасательная партия отправилась вверх по Куперс-Крику. В свое время они проходили метрах в тридцати от этого места и даже устроили неподалеку привал. Здесь тоже побывали собаки динго, но тело в основном сохранилось. Чуть поодаль в песке лежал заряженный покрытый ржавчиной «кольт» со взведенным курком. Неужели Берк собирался застрелиться?

Останки завернули в британский флаг и опустили в могилу. Все стояли вокруг с непокрытой головой, а Хоуит прочитал вслух стих из одиннадцатой главы Евангелия от Иоанна: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрет, оживет; и всякий верующий в меня не умрет вовек».

Рядом на причудливо изогнутом эвкалипте вырезали надпись:

Р.О'Х.Б.
21.9'61.
А.Х.

Миссия была закончена; все члены экспедиции Хоуита почувствовали явное облегчение, Кинг тоже поправлялся. Один Хоуит ощущал некоторое разочарование: поход закончился слишком быстро, а он мечтал об исследовании новых земель, надеялся пересечь континент и встретиться с капитаном Норманом на северной кромке — у залива Карпентария. Не подлежит сомнению, что, если бы не Кинг, которого он должен был доставить обратно, Хоуит непременно отправился бы дальше.

Пожалуй, со времен Стерта среди австралийских путешественников не появлялось столь яркой фигуры. Позднее Хоуит станет выдающимся этнографом и пре-

зидентом Австралийской ассоциации развития науки. А сейчас молодой, полный жажды деятельности ученый находился под сильным впечатлением от увиденного на Куперс-Крике; аборигены, скалы, растения, сверкающие следы метеоров в ночном небе — все приводило его в восторг; он легко и уверенно передвигался по этой первозданной земле. Хочется отметить еще одну редкую среди австралийских исследователей особенность — он обладал чувством юмора. В сообществе людей, ценивших пуще всего решимость и военную закалку, это качество особенно поразительно.

В стане Хоуита не было недовольных, никто не оспаривал его роль лидера; он прекрасно знал буш, так что экспедиция не терпела нужды в провизии. Состояние лошадей и верблюдов даже улучшилось по мере удаления от Дарлинга. Добравшись до Куперс-Крика, люди не потеряли уверенности в благополучном исходе и могли наслаждаться окружающими красотами.

Первым делом Хоуиту надлежало оповестить мир о развязке событий; для этой цели он захватил с собой из Мельбурна четырех почтовых голубей. Теперь пришла пора выпустить их. Однако, открыв клетки, которые протряслись сотни миль на верблюжьих спинах, они увидели, что птицы напрочь лишились хвостовых перьев. Хоуит подстрелил трех диких голубей и вощеной ниткой прикрепил их хвостовые перья своим птицам. Операция прошла блестяще: выпущенные в палатке голуби с легкостью носились по воздуху. Четыре послания поместили в прикрепленные к лапкам легкие металлические гильзы, и на заре следующего дня голубей выпустили на волю.

Поначалу все шло как нельзя лучше — птицы стремглав взмыли вверх и полетели на другую сторону крика. Будь с ними Стерт, в свое время пользовавшийся этим способом, он мог бы заранее им сказать, что произойдет дальше: из поднебесья внезапно вынырнула стая больших соколов, один голубь был убит сразу же, двое других в панике кинулись за песчаный холм без всякой надежды выбраться оттуда живыми, а четвертая птица, сразу же отказавшись от борьбы, спряталась. Подойдя ближе, люди увидели, что до смерти напуганный голубь забился под куст, а пристроившийся на ветке сокол не спускает с него глаз.

Днем они еще раз попытали счастье с последней птицей, но та не пожелала вторично подвергать себя

риску: уселась на дереве посреди лагеря, и заставить ее спуститься не удалось никакими ухищрениями. Через два дня голубь, проголодавшись, спрыгнул наземь и тут его поймали, отвязали гильзу и отпустили на волю; пусть Австралия узнает обо всем от самого Кинга.

Хоуит также считал своим долгом завязать дружбу с аборигенами Куперс-Крика. Пригревшее Кинга племя расположилось в нескольких милях ниже по течению крика.

«Когда мы въехали на стоянку, они страшно всполошились,— пишет Хоуит,— но настроены были дружелюбно. Я развернул одеяло и показал им образцы вещей, которые намеревался подарить им,— томагавк, нож, бусы, зеркало, гребень, муку и сахар. Большое впечатление произвел томагавк, потом нож, однако при виде зеркала их удивлению не было конца. Глядя на отражение своих лиц, одни столбенели, другие — недоуменно тарасили глаза, третьи вскрикивали, цокали языком... Я втолковал им, что наутро мы ждем в лагере все племя. Все получают подарки. На сем мы и расстались».

На следующее утро к лагерю потянулась длинная процессия, человек тридцать — мужчины, женщины и дети, совершенно голые, если не считать украшений из перьев и листьев. Об их появлении возвестили доносившиеся издалека крики, а при приближении к лагерю шум уже стоял оглушительный. Хоуит принял гостей так, словно это был рождественский прием.

«С помощью Кинга,— рассказывает он,— мне удалось утихомирить и рассадить их, после чего я стал раздавать подарки — томагавки, ножи, ожерелья, зеркальца и гребни. Никогда в жизни мне не доводилось видеть более счастливых людей; необычайно интересно было смотреть, как они указывают друг на друга, опасаясь, что кого-то оставят без подарка. Родители подводили детей, и мы завязывали им на голове красные бантики. Немолодую женщину по имени Карраво, которая была особенно добра к Кингу, мы буквально завалили подарками. Потом я подслил между ними 25 кг сахара, завернув каждую порцию в платок с нарисованным на нем британским флагом. Этим подарком они особенно гордились, но хранить его не намеревались и торопливо засовывали куски сахара в рот. Они получили также 25 кг муки и тут же окрестили ее «нарду белых людей». Они объяснили, что отлично понимают, за что их благодарят,— за Кинга. После того, как часть мужчин и

женщин облачили в нашу старую одежду, праздник вылился в импровизированную церемонию «корробори», в которой приняли участие как туземцы, так и белые, к вящему восторгу первых и, должен сказать, немалою удовольствием вторых. Перед наступлением темноты гости ушли, унося подарки и излучая дружелюбие».

Позже у Хоуита возникли сложности с другим племенем на Куперс-Крике, однако с помощью нескольких выученных слов он сумел с ними договориться. В большой степени налаживанию отношений способствовал д-р Уиллер: у одного юноши оказалась сломана рука, и Уиллер вправил ему кость; Хоуит рассказывает, что пациент перенес операцию с поразительным самообладанием, полностью доверившись врачу. В целом на протяжении всего похода отношения с аборигенами были наилучшими — никакого сравнения с опытом Райта, — и Хоуит с уверенностью записывает в дневнике, что следующий добравшийся до Куперс-Крика белый будет приветливо встречен аборигенами.

Пока Кинг приходил в себя и набирался сил для возвращения домой, остальные не теряли времени даром; одни подковывали лошадей, другие охотились на птиц и ловили в водоемах рыбу. Однажды они поймали около сорока килограммов рыбы и вся, рассказывает Хоуит, была дивная на вкус. Некоторые трудности возникли с верблюдами — «корабли пустыни» наотрез отказывались перебираться через крик. Пришлось прибегнуть к хитрости: животных заставили сесть у кромки и неожиданно подняли; в ту секунду, когда они потеряли равновесие, их столкнули в воду. С ревом и воем верблюды благополучно переплыли на другую сторону; там они неуклюже вытаскивали ноги из липкой грязи — при этом раздавался такой звук, «словно из гигантской бутылки вынимали пробку». Едва ступив на сушу, два самца кинулись друг на друга: они непрерывно дрались из-за самок. День спустя соперничество достигло высшего накала — верблюды вообще перестали есть и стояли, с ненавистью глядя друг на друга. Утихомирить их удалось только отделив от самок.

Куперс-Крик произвел на путешественников приятнейшее впечатление. Местные племена мирно уживались друг с другом; хищные звери, кроме динго, не водились. Конечно, давало себя знать неистовство первозданной природы — по крику совсем недавно прокатился бешеный паводок, над головой орудийными залпами

гремел гром, но люди чувствовали, что беспредельная пустыня может быть не только враждебной.

Наконец-то удалось разгадать загадку таинственных лошадиных следов, которые видел Хоуит в нижнем течении крика: по пустыне бродила одинокая чалая лошадь, убежавшая от Стерта 16 лет назад на Куперс-Крике. Она выжила и даже выглядела довольно крепкой, но совсем одичала, одно ребро у нее было сломано — видимо, кто-то угодил в нее палкой или бумерангом. Ее поймали, но вскоре она сдохла.

Кингу постепенно становилось лучше. Он все еще был очень слаб, но прибавлял в весе с поразительной скоростью; Уэлч замечает, что «ничего подобного не видел в жизни — с тех пор как его нашли, Кинг изменился до неузнаваемости». Пришлось даже распусть одежду, которая стала ему явно тесной.

25 сентября д-р Уиллер заключил, что Кинг в состоянии ехать домой. Путешественники покинули лагерь, оставив последнего голубя грустно сидеть на ветке. Первые несколько дней, щадя Кинга, караван неторопливо двигался вдоль крика. 28 сентября они въехали в бывший базовый лагерь 65 и только теперь разрыли злополучный тайник. Все лежало на месте: полевые дневники Уиллса, письмо Берка, написанное по возвращении с залива, записка Уиллса, оставленная в конце мая, несколько торопливо набросанных планов местности с маршрутами следования и пара записных книжек в жестяной банке. Забросив пустую яму землей, они покинули место, вызывавшее столько горьких воспоминаний.

Дул теплый ветер, наступила прекрасная весенняя пора. Распускались цветы, земля покрывалась буйной растительностью, перелетные птицы стаями тянулись к водоемам. Езда на верблюде утомляла Кинга, он чувствовал себя неважно, и потому решено было дать ему однодневную передышку, а потом пересадить на лошадь. 4 октября экспедиция изготовилась к марш-броску через безводную пустыню к Курлиатто. Животных в последний раз вволю напоили из крика. Но опасения оказались напрасными — вода встречалась повсюду и марш-бросок обернулся приятной прогулкой. Для Кинга это было особой удачей: он все еще был очень слаб. Не раз во время пути Уиллер приказывал остановиться, чтобы дать Кингу перевести дух и собраться с силами. Соратник Берка и Уиллса блаженно улыбался, иногда охотно

болтал, но чаще угрюмо молчал, погрузившись в себя, и не реагировал на окружающих.

11 октября, когда до Менинди оставалось около трех пути, Хоуит отправил Браге с помощником вперед, чтобы побыстрее сообщить весть о судьбе экспедиции Берка. Основной караван медленно следовал за гонцами. 28 октября они наконец въехали в Менинди. Прошел год с тех пор, как Кинг в последний раз видел селение. Здесь ему дали неделю передохнуть и 6 ноября отправили в Мельбурн под присмотром Уэлча.

Хоуит с ним не поехал. Он не искал славы — аплодисменты и восторги толпы были ему не по вкусу. Он остался в Менинди, привел в порядок лагерь экспедиции, написал отчет, а в Мельбурн вернулся, когда сенсация уже утихла.

Вначале же возбуждение публики достигло ошеломляющего накала. Когда 2 ноября известие поступило в Мельбурн — Браге отправил телеграмму из Бендиго, — и мир узнал, что экспедиция сумела пересечь континент ценой гибели Берка, Уиллса и Грея, а выжить удалось одному лишь Кингу, оно произвело эффект разорвавшейся бомбы. В наши дни его можно сравнить разве что с вестью о том, что на Землю спустился единственный оставшийся в живых участник экспедиции на Луну.

Вот что пишет об этом д-р Уиллс: «Я жил тогда в доме своего друга г-на Оркни. Хозяин с супругой и еще одной дамой были в опере. Вернулись они в половине одиннадцатого. Я удивился столь раннему приходу и решил, что, видимо, случилась какая-то неприятность. Ко мне подошел слуга и сказал, что хозяин желает приватно поговорить со мной. Так я узнал страшную весть, объявленную в театре во время антракта.

Как только я оправился от шока, мы сели в коляску и поехали к дому казначея Комитета д-ра Уилки. Он уже знал о депеше, но пребывал в некотором замешательстве, поскольку официальное сообщение в Комитет еще не поступило. В этот момент в гостиную вошел почетный секретарь Комитета д-р Макадам. Он поразился услышанному, ни за что не желал ему верить и подтвердил, что никакой телеграммы не получал. Я спросил его, когда он ушел из дома. „В семь часов“, — ответил д-р Макадам. „Боже милостивый! — воскликнул я. — Быстрее в коляску!“ Мы поехали к нему, и там уже несколько часов ждала телеграмма.

На следующее утро, в воскресенье 3 ноября Браге

прибыл на вокзал „Спенсер-стрит“. Хоуит отправил с ним дневники и письма, вырытые из тайника на Куперс-Крике. Я с нетерпением ждал его приезда. Д-р Макадам тоже явился на перрон, он выглядел подавленным и усталым, словно всю ночь провел на ногах. Он настойчиво просил меня поехать с ним в губернаторскую резиденцию в четырех милях от Мельбурна; одному богу известно, почему он так настаивал. Не без труда я получил от него пакет с документами, который передал на сохранение д-ру Уилки».

Все горели желанием встретить Кинга, единственного человека, чудом выбравшегося из адской бездны; всем хотелось увидеть его, поздравить, пожать руку и заверить, что он будет щедро вознагражден за пережитые страдания. Первую порцию восторгов бедняга Кинг получил 21 ноября по прибытии в Суон-Хилл. На первых этапах пути из Менинди Кинг с Уэлчем останавливались на ночлег у фермеров, которые вели себя спокойно, но уже в Суон-Хилле колонисты не могли себя сдерживать. Слабого, как былинка, Кинга сняли с лошади, на руках перенесли в кабриолет и под громкие крики повезли в здание суда на торжественный прием. После речей начался обед с обильным возлиянием, каждый норовил перещеголять соседа витиеватостью тоста, застолье затянулось до глубокой ночи. Сам Кинг не выпил ни капли; он сидел смущенный, потерянный, не мог выговорить ни слова, не знал, что делать с вином, которое ему исправно подливали.

На следующее утро Кинга посадили в дилижанс и отправили в Бендиго, где его уже поджидали ретивые старатели. Они высыпали навстречу, трубя в горны и колотя в барабаны. Все дома в городе были украшены цветами и гирляндами. При виде экипажа поднялась беспорядочная пальба из ружей и пистолетов.

«Мне никак не удавалось вывести Кинга из его удрученного состояния»,— писал позднее Уэлч. Кинг забился в глубину дилижанса, поэтому за героя приняли Уэлча; огромная толпа двинулась за ними следом к центру города. Во главе процессии шествовал духовой оркестр, исполняя браваурный марш.

Видные граждане Бендиго собрались в банкетном зале гостиницы «Шамрок»; шампанское по поводу торжественного события лилось рекой. После дюжины тостов в свою честь Кингу пришлось выступить с ответным словом, но едва он произнес имена Берка и Уиллса,

как у него перехватило дыхание и он в слезах рухнул в кресло. Тем временем снаружи страсти накалялись, толпа грозила ворваться в гостиницу, чтобы хоть краем глаза взглянуть на Кинга. Старателей удалось сдержать, только пообещав, что он ненадолго появится на сцене местного театра. Обезумевшие поклонники ринулись к театру и в неразберихе чуть не затоптали Кинга. Его с трудом вызволили, отвели в номер и заперли на ключ. Разбитый и потрясенный всем происходящим Кинг в ту ночь еле пришел в себя.

Дилижанс, повезший их дальше, в Каслмейн, был празднично разукрашен; увидев его, поселенцы выходили к тракту приветствовать путешественника. В местечке Вудент их ожидал поезд; на локомотиве трепетали флаги, на предназначенном для Кинга вагоне красовалась цветная лента. Восторженная толпа плотно обступила платформу, так что им с трудом удалось пробиться. На каждой станции в вагон летели букеты цветов.

Поезд должен был прибыть в Мельбурн вечером, но уже с раннего утра на Спенсер-стрит к центральному вокзалу начали стекаться встречающие. Комитет тщательно разработал процедуру торжественной встречи. Макадаму предстояло встретить Кинга на вокзале и отвезти в открытой карете в особняк Королевского общества, где их должны ожидать губернатор Генри Баркли, члены Экспедиционного комитета с женами и политические лидеры колонии. После торжественной церемонии сестра Кинга, г-жа Бантинг, надзирательница мельбурнского приюта умалишенных, намеревалась взять брата к себе домой в пригород Килду.

Таков был план. Не учли лишь одного — крутого нрава д-ра Уиллса, имевшего, как обычно, свою программу. Он считал, что его, безутешного отца одного из героев, несправедливо обошли вниманием. Между тем д-р Уиллс намеревался стать центром событий. Когда поезд остановился на предпоследней станции перед центральным вокзалом, д-р Уиллс ворвался в купе к Кингу и Уэлчу. Те были несколько ошарашены. Д-р Уиллс бурно приветствовал Кинга и, схватив его за руку, попытался вытащить из вагона: он объявил себя представителем Комитета и сказал, что ему поручено доставить Кинга прямо к губернатору. У станции уже стояли экипажи. Но тут запротестовал Уэлч; он заявил, что получил четкие указания привезти Кинга на главный вок-

зал, где их ожидал Макадам. По рассказам Уэлча, д-р Уиллс, придя в бешенство, обрушил на него «град оскорблений». Отдает ли Уэлч себе отчет в том, что собирается нарушить приказ губернатора?! Уэлч оставался непреклонным; д-р Уиллс, все еще в ярости, уселся в купе и вместе с ними поехал в Мельбурн.

Поезд медленно вползал под своды главного вокзала города; ликующая толпа ринулась вперед, оттеснив Макадама и его друзей. Натиск был столь могуч, что проводники не могли открыть двери вагона. В конце концов Уэлчу удалось вылезти и, плотно обхватив Кинга вокруг талии, пробиться на улицу. Там он кликнул кэб, и они с Кингом забрались в экипаж. Расторопный д-р Уиллс, не отстававший от них ни на шаг, вскочил туда же. Извозчику приказали ехать к зданию губернаторства, рассчитывая спрятать там Кинга от поклонников.

Тем временем толпа уже успела заполнить привокзальные улицы, ведущие к Королевскому обществу; увидев, что экипаж увозит Кинга совсем в другом направлении, народ решил, что план изменился, и ринулся за ними — кто бегом, кто верхом, кто в каретах. Макадам с сестрой Кинга никак не могли протиснуться сквозь плотные ряды встречающих; наконец им удалось выбраться на площадь и они тоже припустили за экипажем Кинга. Вся кавалькада промчалась по Коллинз-стрит, потом по Уильям-стрит, а оттуда — к зданию губернаторства. Там ценой невероятных усилий Кинга протолкнули сквозь толпу и через зал Совета провели в кабинет главного секретаря. Герой похода не мог унять дрожь и едва держался на ногах. К нему подвели сестру; чуть позже в кабинет вошел Баркли, которому не без труда удалось протиснуться сквозь публику, успевшую заполнить все здание. Д-р Уиллс пробрался в кабинет через боковую дверь. При виде губернатора Кинг с сестрой поднялись, но Баркли позволил им сидеть; Кинг был настолько слаб, что пришлось отменить все церемонии, и, как только шум за дверью немного стих, его отвезли домой к сестре.

«В свое время при виде Данте,— писала мельбурнская „Геральд“,— люди говорили: „Вот идет человек, побывавший в преисподней“. Эти же слова хочется повторить сейчас, глядя на Джона Кинга».

В преисподней? Конечно, он пережил немало потрясений, голодал, терпел лишения, однако теперь, когда

на него обрушилась слава, не исключено, что в какие-то минуты Кинг хотел бы снова оказаться среди аборигенов на Куперс-Крике...

Глава 14

КОРОЛЕВСКАЯ КОМИССИЯ

Трагедия экспедиции Берка и Уиллса породила в колонии не только массовую истерию: в сознании публики все больше укреплялось чувство вины. И поскольку оно не давало покоя, вину требовалось каким-то образом загладить. Прежде всего вознаградить Кинга за честность и мужество и позаботиться о семьях погибших. Говорили, что им следует воздвигнуть памятник и устроить официальные похороны. Правда, «заочно» хоронить не принято, поэтому поступило предложение отправить экспедицию в Центральную Австралию и привезти в Мельбурн останки погибших. Это было бы достойным поступком. Оставшийся без внимания Хоуит, прибывший в Мельбурн через несколько дней после Кинга, изъявил готовность доставить тело Берка и Уиллса. Он незамедлительно получил согласие губернатора — вопрос денег уже никого не волновал — и тут же отправился в путь. Никому почему-то не пришло в голову поручить ему доставить также останки Людвигу Беккера, Грея и остальных погибших; справедливости ради отметим, что такая задача оказалась бы не под силу даже Хоуиту.

Для успокоения уязвленной совести общественность жаждала найти виновного во всем случившемся. Трагедию экспедиции никак нельзя было отнести на счет слепого рока; виновного — или виновников — надлежало подвергнуть наказанию или хотя бы осуждению. Поэтому еще до возвращения Кинга в Мельбурн губернатор назначил Королевскую комиссию по расследованию обстоятельств гибели Берка и Уиллса.

Туда вошли пять видных граждан колонии, в том числе главный судья-магистрат Мельбурна Ивлин Стерт — младший брат знаменитого путешественника. Им поручили выяснить «все обстоятельства, связанные с мученической гибелью Роберта О'Хара Берка и Уильяма Джона Уиллса», а также «истинные причины печально-

го исхода экспедиции». Комиссии надлежало «уделить особое внимание мотивам, побудившим Уильяма Браге и его партию оставить лагерь на Куперс-Крике 21 апреля сего года; выяснить, на ком лежит главная ответственность за то, что путешественники по возвращении из рейда терпели нужду в провизии и одежде, вследствие чего не смогли достичь ближайших поселений; расследовать все факты, имеющие касательство до организации и осуществления экспедиции».

Комиссия работала с 18 ноября 1861 по 31 января 1862 года, проведя в общей сложности 12 заседаний. Интерес публики был огромен. Каждое новое сообщение муссировалось на все лады, газеты печатали, комментировали и горячо обсуждали факты, становившиеся достоянием гласности. Мнения разделились: одни ругали Браге, другие оправдывали его; нашлись сторонники даже у Райта. Некоторые просто жаждали крови, и первый среди них — д-р Уиллс. В самый разгар слушаний в комиссии он передал прессе последнее письмо сына, в котором тот винил почти всех, кто был связан с экспедицией. Письмо, как и следовало ожидать, подлило масла в огонь. Расследование превратилось в главное событие общественной жизни колонии, страсти накалились до предела. Отрадно отметить, что заключение комиссии, как мы увидим ниже, прозвучало очень благоразумно.

Собрать свидетелей оказалось нелегко. Райт отказывался явиться на заседание; он приехал только после того, как получил 100 фунтов в оплату дорожных издержек на поездку из Аделаиды в Мельбурн; Ходжкинсон и Маккинли находились где-то в центральных районах Австралии, вне пределов досягаемости; Дост Магомет застрял в Менинди — ему наступил на ногу верблюд и погонщик не мог еще ходить; некоторые из участников экспедиции разъехались по стране в поисках работы. Тем не менее важнейших свидетелей комиссии удалось выслушать, и их показания были запротоколированы.

Первым вызвали д-ра Макадама. Он представил набор документов: походное наставление Комитета Берку, полевые дневники и письма, отрытые в тайнике на Куперс-Крике и из могилы Уиллса, копию записанного Хоуитом рассказа Кинга, дневники Браге, Райта и Хоуита, а также всю переписку между экспедицией и Комитетом.

Макадам горячо встал на защиту Комитета. Он ска-

зал, что Берк с самого начала одобрил все предложенные меры: «Перед отправкой он заверил Комитет и общественность колонии в том, что полностью удовлетворен ходом дел; по его мнению, ни одна экспедиция еще не отправлялась в путь в столь благоприятных обстоятельствах». В свое время Берк отказался от предложения капитана Кейделла бесплатно доставить по реке в Менинди 30 тонн провизии; Берк опасался осложнений при перевозке и предпочел держать провиант и снаряжение при себе. (Не исключено, что Макадам упомянул и о том, что Берк разругался с Кейделлом, в результате чего они порвали всякие отношения.) Комитет считал, что Берку не следовало оставлять часть отряда в Менинди; по плану *вся* экспедиция должна была дойти до Куперс-Крика и оборудовать там базовый лагерь и продуктовый склад.

Берк поступил иначе, нарушив инструкции: оставил половину группы и большую часть провизии в Менинди и вместе с Райтом и небольшой группой двинулся к Куперс-Крику. 29 октября Райт повернул обратно из Торовото, имея при себе письмо Берка Комитету; он прибыл в Менинди 5 ноября, но в Мельбурне письмо Берка получили только 3 декабря.

Первое сообщение самого Райта, продолжал Макадам, поступило в Комитет лишь 31 декабря, когда в Мельбурн вернулся Ходжкинсон. Свидетелю были заданы вопросы:

«— Неужели никого из членов Комитета не беспокоило (спросили свидетеля), что упущено так много драгоценного времени?

— Данный вопрос не обсуждался.

— Пятого ноября Райт вернулся в Менинди, точно зная, что надлежит делать; почему же вплоть до двенадцатого декабря он не удосужился уведомить Комитет о своих шагах?

— Позднее я лично пытался разобраться в этом, но в тот момент надо было предпринимать срочные меры, поэтому разрыв в сроках просто упустили из виду.

— Получил ли Комитет объяснения по этому вопросу?

— Нет, не получил!»

Однако, продолжал Макадам, как только Комитету стало известно (31 декабря), что Райт и основная часть провизии все еще паходится в Менинди, меры были приняты незамедлительно. Ходжкинсону вручили деньги,

затребованные Райтом, и сразу же отправили в Менинди. Райт выступил на Куперс-Крик 26 января — три месяца спустя после того, как расстался с Берком в Торовото, хотя пообещал ему следовать безотлагательно.

Следующее сообщение об экспедиции Комитет получил через пять месяцев от Браге, который принес в Мельбурн ужасную вест: группа Райта, оказывается, так и не дошла до Куперс-Крика, четверо участников его похода умерли, а базовый лагерь на крике пуст. Тогда же члены Комитета впервые узнали, что Берк отправился к заливу Карпентария 16 декабря — шесть месяцев назад — и с тех пор никаких известий от него не поступало.

Комитет, подчеркнул Макадам, снова не мешкал; еще до возвращения Браге их «не покидала тревога за судьбу экспедиции». Узнав же от Браге подробности, Комитет в кратчайший срок снарядил Хоуита, выслал морские и сухопутные спасательные партии.

Показания Макадама заняли весь первый день и часть второго дня работы комиссии; в целом он защищался неплохо. Невьясненным остался лишь вопрос о том, что же все-таки Комитет *делал* все долгие месяцы до получения информации от Браге. Несмотря на уверения Макадама, складывалось впечатление, что в этот период Комитет вел себя, мягко говоря, легкомысленно. Комиссия намеревалась вернуться к этому пункту позднее

Следующим перед комиссией предстал Браге. Здесь уместно будет напомнить, что он в то время был еще очень молод и Комитет включил его в экспедицию в качестве «помощника». Тем не менее Берк возложил на него огромную ответственность, оставив единоличным руководителем тыловой группы на Куперс-Крике. Мельбурнские газеты не щадили Браге: его открыто обвиняли в том, что он дезертировал с поста. В то же время нельзя было отрицать, что Браге проявил твердость характера и в походе Берка, и в дальнейшем, когда вместе с Хоуитом отправился в долгий путь обратно к Куперс-Крику. В отчете комиссии есть любопытный пункт: Браге представил счет на расходы в качестве свидетеля, однако комиссия сочла сумму слыщком большой и ему пришлось ее снизить.

В показаниях Браге комиссию интересовали главным образом инструкции, оставленные Берком перед тем, как он покинул базовый лагерь. Все вопросы, по сути, сводились к этому:

«— Сообщил ли вам господин Берк о своих планах перед уходом из лагеря? Не помните ли Вы разговор с ним на эту тему?»

— Он намеревался пройти от Куперс-Крика до Эйр-Крика, а оттуда попытаться достичь залива Карпентария, если это не окажется слишком рискованным.

— Оставил ли он какие-либо письменные указания?

— Единственным письменным документом, оставленным господином Берком, была депеша, переданная мной Комитету; кроме того, он вручил мне пакет с записными книжками, который я опечатал в его присутствии. Господин Берк приказал мне выбросить его в воду, если он не вернется; я сказал, что пакет лучше сжечь. Господин Берк не возражал. Именно так я и поступил; перед уходом из лагеря сжег записные книжки в присутствии Макдоно.

— Таким образом, он устно сообщил Вам, что намеревается сначала двинуться к Эйр-Крику, а оттуда к заливу Карпентария, если это не окажется слишком рискованным?

— Да, именно так; еще он сказал, что непременно вернется через три месяца, поскольку провизии едва хватит на двенадцать недель. Мы все знали это не хуже господина Берка; он сказал мне, что ни при каких обстоятельствах не станет рисковать, обрекая своих людей на голод и жажду. Утром перед уходом господин Берк собрал нас и еще раз повторил, что в случае малейших осложнений вернется обратно через месяц.

— Оставлял ли он еще какие-либо указания?

— Я должен был следовать за ним с депешами, если Райт прибудет в течение ближайших двух дней.

— Значит, он рассчитывал, что Райт должен появиться не позднее, чем через два дня?

— Да, именно так.

— Пытались ли вы выяснить, почему Райт так и не явился?

— Я не мог покинуть склад. Первые несколько недель после ухода господина Берка возле лагеря все время крутились туземцы. Один из нас вынужден был не спускать глаз с верблюдов, другой — Пэттон — присматривал за лошадьми.

— Каковы были распоряжения господина Берка касательно общения с туземцами?

— Он говорил, что если они будут досаждают, я должен немедленно стрелять.

— Выяснили ли вы при встрече с господином Райтом, почему он так задержался?

— Он ждал, что я вернусь к Дарлингу с лошадьми и верблюдами; господин Берк сказал ему, что направит меня обратно с Куперс-Крика к Дарлингу... Райт объяснил мне, что ему пришлось направить Ходжкинсона в Мельбурн и что на получение ответов на его письма ушло много времени.

— В своих дневниках вы указываете две причины, побудившие вас покинуть лагерь на Куперс-Крике: болезнь одного из ваших людей и опасение, что у вас не хватит провизии. Так ли это?

— Да, болезнь одного из людей. Кроме того, если бы я остался в лагере, я ничем не смог бы помочь господину Берку в случае его возвращения: в тот момент я имел возможность оставить немного провизии, а задержись я там дольше, весь запас был бы израсходован. Я не думал, что господин Берк вернется в лагерь, учитывая, что его запасов должно было хватить от силы на три месяца. Я не считал, что с господином Берком что-то случилось, а был уверен, что узнаю о нем в Менинди.

— Что же вы ожидали услышать в Менинди?

— Я рассчитывал, что господин Берк окажется в Квинсленде, поскольку туда вполне можно добраться за три месяца, а со времени его ухода с Куперс-Крика прошло уже больше... В последний день у нас был с ним такой разговор. Он сказал: „Если я не вернусь через три месяца, можете считать меня погибшим“. На что я ответил: „Или находящимся на пути в Квинсленд“, и он сказал: „Или так“.

— Чем была вызвана болезнь Пэттона?

— Тогда я считал, что это результат падения с лошади.

— Как чувствовали себя остальные?

— Примерно в то же время, когда Пэттон упал с лошади, Макдоно получил травму — его лягнул верблюд, и несколько дней он не мог ходить... У меня тоже болели ноги и десны, но я не знал причины.

— Не приходило ли вам в голову, что вы и ваши спутники страдали одной и той же болезнью?

— Нет. Боль в ноге у Пэттона я связывал с несчастным случаем трехмесячной давности. Четвертого апреля ему стало совсем худо, он лежал и не мог подняться.

— Удавалось ли вам ловить рыбу в Куперс-Крике?

— Только однажды.

— Но ведь в этом крике полно рыбы. Разве не так?

— Мы ловили рыбу в мелких водоемах; для этого приходилось вычерпывать из них воду. Дело в том, что у нас имелись очень большие крючки, а нужны были совсем маленькие.

— Неужели нельзя было найти какого-нибудь способа ловить рыбу?

— Может быть, но я ничего не смыслю в этом.

— Водилась ли в округе какая-нибудь дичь?

— Да, поначалу я стрелял много уток, но мы весьма быстро потеряли к ним интерес; мы вполне обходились малым количеством пищи, и даже сипай, первые несколько недель с удовольствием ходивший на охоту, потом наотрез отказался от этой затеи.

— Пробовали ли вы есть наряду?

— Нет, я не имел об этом понятия.

— Разве у вас не было с собой семян, которые вы должны были, согласно инструкции, сажать в разных местах?

— Да, мы взяли из Мельбурна немалый запас.

— Пытались ли вы посадить их на Куперс-Крике?

— Все осталось на Дарлинге.

— Записка, которую вы оставили в тайнике, предназначалась господину Берку?

— Нет, если бы я рассчитывал на возвращение господина Берка, я оставил бы письмо с подробным объяснением причин своего ухода и адресовал бы его господину Берку. Записка предназначалась на случай прихода отряда из Менинди. Я понимал, что могу с ними разминуться.

— Значит, вы писали записку, совершенно не рассчитывая, что она попадет в руки господина Берка?

— Именно так.

— Оставили ли вы в лагере какие-нибудь вещи?

— Я оставил саперную лопатку, как мне кажется, возле дерева и нашел ее в том же месте, когда вернулся туда с Райтом. Сколько помнится, я сам приставил ее к дереву, уходя из лагеря».

На этом слушание прервали до завтра. Следующее заседание вновь началось с вопросов об оставленной за-

писке. Почему Браге написал, что болен лишь один Пэттон и все животные в хорошем состоянии, тогда как на самом деле все люди страдали от цинги, а у двух верблюдов была парша? Может ли он утверждать, что записка точно отражала реальное положение дел?

«Браге: Отражала в общем смысле... Мне не приходило в голову, что описание деталей может иметь какие-либо последствия.

— Признаете ли вы, что в оставленной вами записке не содержалось точное описание состояния дел в партии?

— Признаю. Об этом свидетельствует и заявление врача. Вскоре после нашего прибытия в лагерь Райта Макдоно слег и несколько недель не мог подняться. Пэттону тоже было плохо. Я сам еле держался на ногах, когда возвращался с Райтом на Куперс-Крик: ужасно болели ноги и десны. Десны начали болеть за три-четыре недели до ухода с Куперс-Крика, но я не понимал, в чем дело, и потому не стал упоминать об этом в записке.

— Правда ли, что все ваши шесть верблюдов и двенадцать лошадей пребывали в хорошем виде?

— Нет, двое верблюдов были больны, но сипай говорил, что они одолеют обратный путь, поэтому я решил не упоминать о них отдельно.

— Мы хотели бы обратить ваше внимание на следующее обстоятельство: сведения, содержащиеся в оставленной в лагере записке, существенно отличаются от представленных в отчете. (В отчете Комитету Браге сообщал, что все люди в базовом лагере были больны.)

— Я прибыл в Мельбурн в воскресенье утром; последний отрезок пути от Менинди я одолел очень быстро. Экспедиционный комитет Королевского общества потребовал срочно написать отчет. Я поспешил домой и представил отчет, насколько помнится, в тот же день полудни. Писал я его на скорую руку, очень усталый, будучи в сильном возбуждении.

— В вашем дневнике есть запись, датированная пятнадцатым апреля: „Пэттон стало хуже, а у меня и Макдоно появляются признаки той же болезни“. Правильно?

— Да, у меня имеется такая запись. Еще раньше я отмечал: „У нас сильные боли, и мы не понимаем, с чем они связаны“.

— Но ведь это явно не соответствует содержанию оставленной в тайнике записки. Там вы уверяли, что

оба ваших спутника и вы сами чувствуете себя вполне хорошо.

— Да. Мне не хотелось усугублять тревогу тех, кто придет за нами в лагерь. Напиши я, что мы все больны, они вполне могли решить, что мы не дойдем до Дарлинга.

— Сознаете ли вы, в какое положение поставили господина Берка? Знай он, что вы все больны и далеко уйти не можете, он вероятней всего последовал бы за вами. Однако, прочтя вашу записку, он счел это невозможным.

— Я был совершенно уверен, что господин Берк не вернется.

— В письме к доктору Уиллсу его сын, которого уже, к сожалению, нет в живых, пишет, что ваша группа располагала „запасом провизии, рассчитанным на двенадцать месяцев при надлежащей экономии“; соответствует ли это действительности?

— Конечно нет, если только не считать, что мы должны были забить лошадей и верблюдов. Но подобных указаний я не получал.

— В том же письме Уиллса говорится: „Оставленная группа получила четкие приказания не покидать лагерь до нашего возвращения без крайней на то необходимости“.

— Таких распоряжений мне никто не давал. Сам господин Уиллс прекрасно помнил об этом. Уходя из лагеря, он просил меня постараться пробыть в лагере четыре месяца, а затем действовать по обстоятельствам.

— Вам самому не приходило в голову, что покинуть базовый лагерь можно только в случае крайней необходимости?

— Конечно, нет... Господин Берк дал мне срок в три месяца; он сказал, что по истечении этого времени ждать его не следует. Я считал, что он не вернется на Куперс-Крик, и у меня были на то все основания. Если бы я задержался, нам пришлось бы израсходовать оставшуюся провизию.

— Почему вместе с провизией вы не оставили одежду?

— Я был уверен, что они экипированы не хуже нашего. Из одежды у нас остались только рубашки.

Сколько времени Вы пробыли с Райтом в лагере, вернувшись на Куперс-Крик?

— Точно сказать не могу, но, кажется, не более четверти часа.

— Вы тщательно осмотрели лагерь?

— Да, я привязал лошадь возле тайника, обошел ограду, осмотрел надписи на деревьях. То же самое сделал и Райт.

— Увидели ли вы какие-нибудь следы?

— Я заметил верблюжьи следы, но решил, что они остались от наших верблюдов.

— Вам не попались отпечатки человеческих ног?

— Никаких отпечатков.

— Как же так?

— Там полно крыс и место очень пыльное.

— Хорошо ли вы знакомы с пустыней? Умеете ли вы идти по следу?

— Да.

— Можете ли вы отличить след белого человека от следа аборигена?

— Конечно, если только они не идут босиком.

— А следы босых ног?

— Нет, не смогу.

— Кому принадлежала идея возвращения в лагерь после встречи с Райтом? Вам или ему?

— Мне.

— С какой целью?

— Мне стало лучше, а Пэттон оказался под приглядом врача. Я считал, что ему нужен покой, тогда он поправится недели через две. Поскольку господин Райт так и не добрался до Куперс-Крика, я решил, что самое правильное вернуться туда еще раз. Если, паче чаяния, господин Берк вернулся бы, мы смогли бы оказаться полезными ему и его партии.

— Значит, в глубине души вы допускали, что он мог там оказаться

— Да, какой-то шанс оставался.

— Почему все-таки господин Уиллис на смертном одре и в двух предыдущих письмах так твердо говорит, что ожидал застать вас в лагере?

— Не могу понять. Не знаю, какие причины заставили его утверждать это».

На этом допрос Браге закончился. Его слова звучали достаточно убедительно, если не считать, что главный вопрос так и остался невыясненным: правда ли, что Берк велел ему ждать в лагере только три месяца? Никаких письменных доказательств не было. Пэттон умер,

Дост Магомет находился в Менинди и к тому же не разумел английского; слова Браге мог подтвердить лишь Макдоно, единственный оставшийся в живых из всей рейдовой группы. Когда он предстал перед комиссией, то его сразу же без обвиняков спросили:

«— Слышали ли вы из уст господина Берка какие-либо приказания относительно сроков пребывания вашей партии в базовом лагере на Куперс-Крике?»

— Сам я не слышал от него никаких приказаний. Но у меня был разговор с господином Берком на эту тему.

— Что он сказал?

— В день накануне ухода, часов в двенадцать — как раз была моя очередь караулить верблюдов, — он подошел, и мы проговорили примерно час. Я спросил, как долго нам предстоит оставаться на крике, и он сказал, что мы должны пробыть здесь три месяца или же до тех пор, пока хватит провизии с учетом обратной дороги до первых поселений. Он не сказал, что таковы оставленные им приказания, просто я спросил, а он ответил.

— Больше он ничего не говорил по данному вопросу?

— Нет, это все. Я хотел бы добавить, что он ссылался в данной связи на господина Райта: „Райт должен прийти через несколько дней, самое позднее через две недели. Я оставил ему четкие указания следовать за мной...“ Насколько я понял, давая эти указания, господин Берк рассчитывал, что они будут выполнены, и господин Райт оборудует у крика провиантский склад.

— Сообщил ли вам господин Браге о полученных им от господина Берка инструкциях после его ухода из лагеря?

— Да.

— Что именно он сказал?

— На следующий день после ухода Берка Пэттон спросил господина Браге, сколько нам надлежит ждать. Тот ответил: „Господин Берк приказал мне оставаться здесь три месяца или до тех пор, пока хватит провизии“. Однако дорóгой, пока Браге провожал уходивших в рейд, господин Уиллс попросил его ждать четыре месяца. Об этом господин Браге сообщил нам тогда же и потом еще несколько раз повторял в разговорах.

— Были ли у господина Берка какие-либо сомнения относительно прихода господина Райта в лагерь на Куперс-Крике?

— Нет, думаю, у него не было сомнений...

Браге (прерывая):— Я хорошо помню слова господина Берка. Утром перед уходом он собрал нас и сказал, что, по его расчетам, Райт должен появиться к вечеру того же дня или в течение ближайших двух дней; однако господин Берк допускал, что Райт может и не прийти. Он сказал: „Я не уверен в нем; я в нем не уверен; он может и не прийти совсем; что-то может помешать ему“.

Вопрос к Макдоно:— Вы согласились с предложением господина Браге покинуть лагерь?

— Когда господин Браге впервые обратился ко мне с этим, недели за две до нашего ухода, я сказал, что можно подождать до первого мая, но Пэттону становилось все хуже и хуже; в моем присутствии Пэттон умолял господина Браге уйти; он еще говорил, что иначе у него нет шанса выздороветь.

— Пэттон действительно так говорил?

— Да, после трех недель болезни он был очень слаб. Что касается меня, то я мог бы оставаться и дольше; думаю, при обычной нагрузке я продержался бы еще не одну неделю и спокойно дошел бы до Дарлинга. Мы могли бы прождать в лагере еще четыре недели, но тогда для господина Берка уже не осталось бы никакой провизии.

— Значит, главной заботой для вас было спасение жизни Пэттона?

— Полагаю, для господина Браге это было главным. Я тут ни при чем. Когда он спросил меня, следует ли нам возвращаться, я ответил: „Конечно, если это поможет Пэттону“.

— Правильно ли будет сказать, что вы потеряли надежду на возвращение господина Берка?

— Надежду потерял только Райт. Я считал, что вероятнее всего, рейдовая группа направилась в Квинсленд, хотя полной уверенности не было. Еще на Дарлинге я имел разговор с господином Берком по поводу одежды, и у меня сложилось впечатление, что господа на Берка могут ждать у залива Карпентария. Я слышал раньше, как профессор Нимейер сказал: „Ну, Берк, надеюсь встретить вас на судне“. А перед уходом с Дарлинга я укладывал одежду господина Берка, которой, кстати сказать, было очень мало, потому как в этом вопросе он был человек непредусмотрительный — только завидит туземца, тут же бросит ему рубашку или еще

что-нибудь; мне даже пришлось отдать ему две свои фланелевые рубашки. Так вот, в тот раз он и сказал мне: „Меня это ничуть не беспокоит, Макдоно; если доберусь до залива, то на борт я вполне могу взойти и в одной рубашке“.

— Что заставило вас склониться к мысли о том, что у господина Райта не осталось никаких надежд?

— Он много раз заявлял, что г-н Берк пропал: „Ни в каком он не в Квинсленде, кинулся как безумец в пустыню, рассчитывая отыскать воду, и потерялся“. У него не было ни капли надежды, причем говорил он с такой уверенностью, что я даже решил поспорить — предложил пари на то, что господин Берк объявится в Квинсленде или еще где-нибудь.

— Известны ли вам слова господина Уиллса о том, что провизии вам было оставлено на двенадцать месяцев?

— Наверное, он имел в виду, что мы должны съесть лошадей и верблюдов; иначе он не мог так сказать.

— Доставляли ли вам беспокойство туземцы на Куперс-Крике?

— Нет, мы ладили с ними. Когда они первый раз появились возле лагеря, наш сипай ужасно напугался, он весь дрожал от страха, и господин Берк послал меня узнать, в чем дело. Я пошел, прихватив револьвер и ружье. Их было человек пятьдесят, они норовили пощупать меня. Но я был спокоен, и все кончилось миром.

— Не казалось ли вам, что находившийся в лагере отряд со временем становился слабее и терял способность к самозащите?

— Лично я всегда мог защитить себя, пока доктор Беклер не уложил меня в постель.

— Известно ли вам что-либо о семье господина Берка в Ирландии?

— Да. Он очень доверял мне и много рассказывал о себе. Мы были большими друзьями.

— В каком состоянии находился отряд господина Райта, когда вы встретились с его людьми?

— Они были в плачевном состоянии, все было в ужасном беспорядке.

— Намеревался ли господин Райт отправить одежду или провизию в лагерь на Куперс-Крике?

— Нет. По правде сказать, он с нами почти не разговаривал. Когда он поехал с Браге в оставленный лагерь, у меня было впечатление, что ему просто хотелось

взглянуть на крик, а вовсе не помочь господину Берку. Да, именно так — он просто хотел увидеть Куперс-Крик собственными глазами. А вот господин Браге действительно беспокоился о господине Берке, потому и вернулся обратно. Я в этом совершенно уверен.

— Что еще вы хотели бы сообщить?

— Я хотел бы сказать несколько слов о докторе Беклере, о том, как он лечил меня с Пэттоном. Когда я попал к нему, я был вполне в форме, мог работать... Но доктор Беклер потребовал, чтобы я лежал, пока не заживет колено... Я считал, что никакого прока от этого не будет; так оно и получилось — вся мускулатура в ногах ослабла и я не мог даже присесть. А Пэттону он ничего не давал, кроме жидкой каши. Между тем у доктора Беклера имелся запас мясных консервов, но Пэттону он их не давал».

Последние фразы Макдоно выпали с особенной горячностью. На этом его оставили в покое, поскольку стало ясно, что они с Браге держатся единым фронтом. У них было достаточно времени, чтобы заранее согласовать свои показания. Впрочем, это вовсе не означало, что оба они лгут. Все выглядело бы значительно проще, если бы Берк перед уходом из лагеря оставил Браге письменные распоряжения. Правда, Браге не был исключением — за все время экспедиции ни один человек не получил от Берка письменных указаний. Остались лишь его последние записи, исполненные горечи и отчаяния.

Путешественники по возвращении с залива твердо рассчитывали застать Браге на посту в лагере. Та же мысль не раз повторяется и в дневниках Уиллса. Но попробуем представить себе их реакцию, напиши Браге в оставленной в тайнике записке, что один из его людей при смерти, а сам он и двое других мучаются от цинги; возможно, участникам рейда не было бы так горько. Быть может, они посочувствовали бы Браге, узнав о задержке Райта в Менинди.. Прояснить ситуацию мог только Кинг. Пока же комиссия занялась следующим свидетелем, г-ном Эдвардом Уэкером, почтмейстером из Менинди.

От него ждали рассказа о поведении Райта во время долгого сидения на Дарлинге.

«— Говорил ли вам Райт, что ожидает депешу с подтверждением своего назначения?

— Да, говорил; он удивлялся, что подтверждение

никак не приходит. Он говорил это не только мне, но и всем приходившим в Менинди, поскольку поведение господина Райта вызывало недоумение: никто не понимал, почему он застрял на Дарлинге.

— Это бросалось в глаза всем?

— Именно так. Все считали глупостью со стороны Райта сидеть без дела и ждать, пока пройдет сезон. Но Райт всякий раз объяснял, что ждет, пока его назначение будет одобрено Комитетом в Мельбурне... Он считал, что без этого ему не выплатят жалованье, тем более что Комитет в то время не пользовался доверием, отказываясь оплачивать мелкие чеки.

— Вы сказали, что господина Райта не раз корили за проволочку?

— Да.

— За то, что он оттянул поход почти до наступления лета?

— Да, все находившиеся в Менинди участники экспедиции упрекали его в том, что он теряет драгоценное время, однако он всегда отвечал одно и то же: он ждет подтверждения».

Следующее слушание состоялось 5 декабря. На сей раз показания давал Кинг. В тот день ему исполнилось 23 года. Он уже успел немного оправиться после восторженных приемов и, как писала мельбурнская «Геральд», выступал в комиссии безукоризненно. Несколько высокомерно газета добавляла: «Хотя этот человек и не получил полного образования, он, несомненно, обладает живым умом. Можно лишь сожалеть, что ему задавали мало вопросов — у него поразительная память, в которой запечатлелось все вплоть до мельчайших деталей». Члены комиссии обращались с Кингом очень бережно, постепенно подводя его к главному вопросу:

«— Оставлял ли господин Берк господину Браге какие-либо приказания относительно его дальнейших действий?

— Нет.

— Говорил ли вам господин Берк в последний день перед уходом о том, что оставляет господина Браге главой тылового отряда и что господин Райт в самом скором времени должен прибыть в лагерь?

— Да, говорил.

— Упомянул ли он точное время?

— Он сказал — через несколько дней. Потом он попрощался со всеми. Когда он пожимал руки Пэттоу,

который обожал Берка, Пэттон заплакал; он очень расстроился из-за того, что не идет вместе с господином Берком. Прощаясь, тот сказал ему: „Пэттон, не надо расстраиваться, я очень скоро вернусь. Если через несколько месяцев нас не будет, вы двинетесь назад к Дарлинггу“.

— С собой вы взяли меньшую часть провизии, оставив большую в лагере, не так ли?

— Да.

— Были ли у вас какие-нибудь спиртные напитки?

— Нет, мы ничего не взяли с Дарлингга.

— Свинина была доброкачественной?

— Замечательная.

— Господин Берк не собирался брать провизии больше чем на три месяца?

— Да, именно так.

— Но при желании он мог взять и больше, не так ли?

— Да.

— Господин Браге сопровождал вас часть пути?

— До первого привала. В тот вечер мы отужинали вместе и, когда пришло время возвращаться, он сказал: „До свиданья, Кинг, вряд ли доведется увидеть вас раньше чем через четыре месяца“.

— Он сказал именно в таких выражениях?

— Да».

Затем Кинг рассказал об их рейде к заливу. Временами, особенно пересекая каменную пустыню, они шли по ночам. У них не было палаток и спали они под открытым небом. На каждом привале Уиллс, как правило, делал записи в дневниках и тратил на это не меньше часа. Потом он читал их Берку, и тот иногда добавлял что-то; сам Берк почти ничего не писал. До залива они добрались без особых трудностей, воды на всем пути было достаточно. Еды тоже хватало, хотя поход затянулся дольше, чем они предполагали — два месяца вместо шести недель; вокруг было много дичи — кенгуру, эму, утки, но они не охотились, чтобы не терять времени, а продолжали «держаться курс».

«— Не говорил ли господин Берк при приближении к заливу, что рассчитывает на чью-либо помощь?

— Нет.

— Он не ждал помощи ни с суши, ни с моря?

— Нет. Когда мы стояли в Менинди, наша с Макдоно палатка была рядом с палаткой господина Берка, и Макдоно слышал разговор между Берком, Уиллсом

и профессором Нимейером. Это было как раз перед возвращением профессора из Менинди в Мельбурн. Они говорили о каком-то судне. Судя по разговору, господин Берк отказывался от посылки судна. Если бы он ожидал помощи, мы бы наверняка вышли к открытому морю, прорвавшись сквозь плавни в устье реки Флиндерс. Но запасы провизии были уже на исходе, и мы туда не пошли. Господин Берк считал свою миссию выполненной; мы видели прилив, вода в реке стала соленой и уровень поднялся на двадцать сантиметров.

— Никаких сомнений в том, что это морской прилив, у вас не было?

— Ни малейших.

— По каким признакам вы его определили?

— Из воды торчали огромные камни, затем мы увидели, что они скрылись под водой.

— Доносился ли до Вас шум моря?

— Нет».

Затем, продолжал Кинг, под проливным дождем — тропический «душ» обрушивался на них по 10—12 раз в день — они пустились в обратный путь. Суточный паек был урезан драконовским образом. И люди и животные «еле шевелили ногами», а Грей, кроме того, жаловался на боль в спине.

«— Говорил ли господин Берк что-нибудь о целесообразности пути через Квинсленд?

— Ничего подобного я не слышал.

— Господину Грью становилось все хуже?

— Да, он угасал, судя по тому, что говорил господин Уиллс; он [Уиллс] был среди нас за доктора — когда кто-то заболел, он давал лекарства. Господин Уиллс говорил, что Грей подорвал здоровье из-за выпивок еще в Суон-Хилле. Я слышал, он действительно сильно пил там».

Далее Кинг упомянул о неприятном инциденте с Греем, когда того застigli поедающим украдкой кашу из ворованной овсянки:

«— Господин Берк подозвал его и спросил, что все это значит; еще он спросил, разве Грей не получал равную со всеми долю; тот, конечно, не отрицал. Тогда господин Берк дал ему несколько оплеух. При этом господин Грей не издал ни звука, вопреки тому, что пишет господин Уиллс. Правда, самого господина Уилса в этот момент не было в лагере, а когда он вернулся,

все уже кончилось. Думаю, господин Берк нанес господину Грею шесть-семь ударов.

— У господина Берка не было привычки бить подчиненных?

— Нет, насколько я знаю, он поступил так впервые.

— В целом взаимоотношения в отряде были хорошие?

— Очень хорошие; все старались помочь друг другу.

— Даже после этого случая?

— Да, хотя в тот момент господин Берк был очень сердит на Грея.

— Как долго Грея везли на верблюде?

— Дней семь... Он умер за день до того как мы вышли к крику, милях в пятнадцати от берега, то есть примерно в семидесяти милях от базового лагеря.

— Если бы вы не остановились, чтобы похоронить Грея, успели бы вы вернуться в лагерь до ухода Браге?

— Да, успели бы в самый раз.

— Известно ли вам, кого господин Берк рассчитывал увидеть в лагере по возвращении на Куперс-Крик?

— Да, мы рассчитывали увидеть там всю экспедицию — отряд Райта и партию Браге. Господин Берк повторял, что не сомневается в прибытии колонны из Менинди; он столько раз обращался в Комитет с просьбой ускорить ее движение, что никакая иная возможность ему просто не приходила в голову. Когда мы пришли в лагерь и не застали там никого, нашему разочарованию не было предела.

— Говоря о колонне, вы имеете в виду отряд Райта?

— Да, он ожидал увидеть там господина Райта со всей экспедицией».

Кинг вновь описал сцену возвращения. Члены комиссии подробно расспросили, в каком состоянии они оставили лагерь 23 апреля, отправляясь к Маунт-Хоуплесу.

«— Заметили ли вы лопатку?

— Да.

— Вы прислонили ее к дереву в том же положении, в каком она стояла?

— Мы нашли ее у ограды, а уходя, прислонили к дереву с надписью.

— Почему господину Берку или кому-нибудь из вас не пришлось в голову сделать зарубку на дереве?

— Мы считали, что отряд сюда уже не вернется. Нам казалось, что слова „рыть“ вполне достаточно.

— Намекал ли господин Берк на какие-либо указания, оставленные им господину Браге?

— Нет. Его сомнения касались только туземцев. Когда мы пришли на Куперс-Крик, они окружили нас, и господин Берк сказал, что нам следует проявлять сугубую осторожность, поскольку неизвестно, что они могли сделать с партией Браге.

— Значит, господин Берк даже не мыслил, что Браге мог уйти из лагеря?

— Мы никогда не обсуждали это, у нас не было никаких оснований предполагать, что такое может случиться... За три-четыре дня до возвращения в лагерь господин Берк спросил меня, хочу ли я остаться на Куперс-Крике или пойду с ним в город — он считал тогда, что на Куперс-Крике будет оборудован постоянный провиантский склад. Он добавил, что разрешит мне несколько недель пробыть в городе с тем, чтобы потом я вернулся в лагерь. Господин Уиллс обещал мне то же самое.

— Много ли оказалось в тайнике провизии?

— На наш взгляд, они могли бы оставить и побольше: по расчетам у них было провизии на девять месяцев — без особой экономии; кроме того, они имели право забить лошадей и верблюдов, если потребуются свежее мясо.

— Допустим, господин Берк пробыл бы в походе пять месяцев. Он все равно рассчитывал бы найти людей в лагере?

— Да, мы все равно считали бы, что тыловой отряд будет на месте. Господин Берк говорил, что они должны ждать при любых обстоятельствах.

— Очевидно, господин Берк был совсем без сил, когда вы расстались с ним?

— Да, он уже не мог подняться.

— Что он говорил, когда просил вас вложить ему в руку револьвер; объяснял ли он как-нибудь свое желание?

— Он сказал мне: „Кинг, я утешаюсь сознанием того, что мы выполнили свой долг и прибыли в условленное место, имея все основания считать, что нас здесь ждут“».

Заседание затянулось, Кинг явно устал и немного путался, но комиссии очень хотелось выяснить еще один

вопрос, связанный с последним письмом Уиллса к отцу.

«— Вам знакомо это письмо?»

— Это письмо, которое господин Уиллс прочитал нам.

— Как по-вашему, почему он счел нужным зачитать его вслух — для того, чтобы вы или господин Берк смогли внести поправки?

— Мне кажется, причина в том, что господин Уиллс не желал причинять нам с господином Берком ни малейших неприятностей. Ему хотелось, чтобы мы сами убедились, что он написал только правду и ничего кроме правды.

Председатель: Полагаю, на сегодня все вопросы исчерпаны. От имени комиссии приношу вам искреннюю благодарность за ясные и исчерпывающие ответы».

На самом деле так ли уж прояснилась ситуация после ответов Кинга? Никто не сомневался, что Кинг старался говорить правду, но его преданность Берку бросалась в глаза; он во всем поддерживал Берка, разделял его чувства, его обиды. В показаниях Кинга четко прослеживалось убеждение в виновности Браге. О чем они говорили с Браге во время долгого пути с Куперс-Крика? Детали этой беседы, проходившей с глазу на глаз, так и не стали достоянием гласности.

Кинга сменил за столом свидетелей Браге. Теперь, при повторном слушании складывалось впечатление, что он уваливает от прямого ответа. Вопрос звучал так:

«— На прошлом заседании мы спросили вас о письме господина Уиллса отцу, в котором он утверждает следующее: „Оставленная партия получила строгий наказ не покидать лагерь до нашего возвращения без крайней необходимости“. Вы сказали, что не получали таких приказаний. Подтверждаете ли вы свои слова?»

— Я вынужден был покинуть лагерь.

— Вы говорили, что не получали таких приказаний. Подтверждаете ли вы сейчас свои слова?»

— В такой форме не получал.

— Действительно ли возникла крайняя необходимость покинуть лагерь?»

— Да.

— Главной причиной, как вы докладывали комиссии, явилась болезнь?»

— Да, болезнь Пэттона.

— Если бы вы получили приказания, о которых пишет господин Уиллс, вы бы ушли из лагеря?»

— Не знаю. Сейчас я затрудняюсь ответить».

На сей раз Браге не упоминает ни о трех, ни о четырех месяцах, хотя все, включая Кинга, говорят, что Берк взял с собой трехмесячный запас провианта. Он рассчитывал вернуться через три месяца — на этот счет сомнений быть не могло. И скорей всего именно так он и сказал Браге. Странно, что за время расследования никто почему-то не зачитал письмо Берка Комитету, отправленное с Куперс-Крика 13 декабря 1860 г. Между тем это был ключевой документ, в котором, в частности, имелись следующие строки: «намереваюсь возвратиться на Куперс-Крик не позднее чем через три месяца. Вторую группу я оставляю под началом г-на Браге, который пользуется полным моим доверием. Лагерь хорошо укреплен на случай нападения туземцев, поэтому ничто не может помешать группе пребывать там до нашего возвращения или же до тех пор, пока не истощатся запасы провизии».

Следующим был заслушан Хоуит, который вновь собирался отправиться к Куперс-Крику, чтобы доставить в город останки Берка и Уиллса. Никаких новых фактов следствию он не сообщил; складывалось впечатление, что Хоуиту не хотелось впутываться в эту историю.

Затем настал черед Уильяма Райта. Его появление вызвало взволнованный шумок в зале: наконец-то он соизволил прибыть в Мельбурн, и комиссия, равно как и публика, сможет узнать из первых уст причины его долгого сидения на Дарлинге. Казалось, ему не удастся найти себе оправдание. Три месяца он проторчал в Менинди, прекрасно зная, что Берк на Куперс-Крике остро нуждается в пополнении провианта. Он проявил полную бездарность, выступив в поход в разгар лета; дорогой без всяких причин обострял отношения с аборигенами; по сути дела, по его вине погибли четверо участников. Заскочив с Браге в лагерь на Куперс-Крике, он не заметил следов пребывания там Берка и Уиллса и не удосужился поискать их вокруг лагеря. Наконец, в довершение всего Райт трусливо отсиживался в Аделаиде, опасаясь расплаты за грехи. Список получался внушительный.

Кто же был этот человек на самом деле? Злодей или глупец? Неуч, которому нельзя поручать никакого дела, или бедолага, преследуемый неудачами?

Ко всеобщему удивлению, Райт держался весьма самоуверенно. Члены комиссии ожидали увидеть кающегося грешника или человека, проглотившего язык. Ни-

чего подобного: Райт хладнокровно отвечал на вопросы, заранее зная, что уличить его в даче ложных показаний будет весьма не просто. Его версия звучала следующим образом: он стал жертвой обстоятельств и вины за собой не чувствовал. Берк, по его словам, обещал отправить Браге с Куперс-Крика с лошадьми и верблюдами, чтобы помочь доставить в лагерь провизию и снаряжение. Но Браге так и не явился. В Менинди одно событие за другим не позволяло выступить в путь: сначала он одолжил полицейскому Лайонсу четырех лошадей и ждал, когда тот их возвратит, чего так и не случилось. Затем он отправил Беклера с тремя верблюдами на поиски Лайонса и ждал, пока тот вернется. Комитет не подтвердил его назначение на должность, более того — даже не удосужился ответить ни на одного его письмо, поэтому он был вынужден отправить Ходжкинсона в Мельбурн, чтобы получить наконец вразумительный ответ, а заодно разрешение на покупку лошадей; вполне понятно, что пришлось ждать возвращения Ходжкинсона. И так далее и тому подобное. Короче, не было никакой возможности сдвинуться с места.

Конечно, сказал Райт, они понимали, что Берк оказался в трудном положении, и очень беспокоились о его судьбе. Но что он мог сделать в Менинди, не имея, по сути, никаких полномочий и не располагая достаточным количеством вьючных животных, чтобы доставить груз к Куперс-Крику? Когда же он смог двинуться в путь, на него обрушились напасти: проявляли враждебность аборигены, заболели участники похода, пересохли источники. Все это не позволило его колонне добраться до места назначения.

Уязвимость ряда моментов рассказанной истории бросалась в глаза. Членам комиссии фактически удалось добиться от Райта признания, что истинной причиной задержки были его некомпетентность и безответственность в добавление к страстному желанию получить назначенное жалованье. Период с 5 ноября, когда он прибыл в Менинди из Торовото, до 19 декабря, когда Ходжкинсон отправился в Мельбурн, прошел в бездействии. Чем же он занимался эти полтора месяца? «Смотрел за животными,— ответил Райт.— Я не знал, как следует поступить, поскольку не имел никаких указаний из Комитета».

Между тем он ясно заявил Берку, продолжал Райт, что останется в Менинди до тех пор, пока не получит

из Мельбурна директив и подтверждения о своем назначении руководителем тыловой колонны.

«— Берк ожидал, что Вы последуете за ним и доберетесь до Куперс-Крика через два-три дня после его ухода к заливу.

— Я не понимаю, как он мог рассчитывать на это.

— Всем известно, что ответ на отправленное из Менинди письмо можно получить не раньше чем через 28 дней. Как это согласуется со словами Берка о том, что вы должны были появиться в лагере спустя два-три дня после его ухода?

— Я никак не могу это увязать.

— Почему вы считали столь необходимым получить подтверждение Комитета?

— Я не знал, будет ли утверждено мое назначение и получу ли я какое-либо денежное вознаграждение.

— Вы получили четкие приказания от господина Берка. Значит, вы просто беспокоились о своем жалованье?

— Нет, я о нем не беспокоился.

— Возражал ли кто-нибудь в отряде против вашего назначения?

— Нет.

— В письме господина Берка (из Торовото) говорится следующее: „Наиболее разумным мне представляется создать продовольственный склад на Куперс-Крике и выступать оттуда мелкими партиями с целью разведки местности. В любом случае крайне желательно, чтобы оставшаяся группа как можно быстрее подтянулась к нам“. Иными словами, господин Берк не предусматривал никакой задержки. Вы можете это объяснить?

— Не могу... Когда он зачитывал мне этот документ, я не обратил внимания на указанную подробность; кстати сказать, господин Берк так часто менял свои решения, что не всегда удавалось понять, что именно он имеет в виду.

— Вы по-прежнему настаиваете на том, что имели право оставаться в Менинди до получения подтверждения о назначении на должность?

— Да.

— Значит, будь у вас даже пятьдесят лошадей и пятьдесят верблюдов, вы бы все равно не двинулись с места, не получив подтверждения Комитета?

— Нет, не двинулся бы».

Почему же в таком случае он не отправил в Комитет письмо с изложением своих сомнений? Он писал, отве-

чал Райт. Когда? В ноябре, когда вернулся в Менинди из Торовото.

Вызванный Макадам категорически отрицал получение Комитетом подобного письма.

«*Вопрос Райту*: — Сохранилась ли у Вас копия?

— Нет, не сохранилась.

— Вы сами писали его?

— Да, собственноручно. Всего несколько слов.

— Можете ли вы сейчас воспроизвести по памяти суть этого документа?

— Нет, не могу.

— Не сочтете ли вы за труд написать аналогичное письмо как можно ближе к тексту оригинала?

— Нет, я не помню, какие там были слова».

Не добившись толку, комиссия занялась не мифическим, а реально существующим письмом Райта Комитету, которое было отправлено в Мельбурн с Ходжкинсоном 19 декабря. В нем Райт сообщал, что «задержка с выходом вызвана главным образом малочисленностью оставленных г-ном Берком верблюдов (девять штук); к тому же они ослаблены и не смогут нести тяжелый груз». В письме нет ни слова о том, что Райт ожидает подтверждения о своем назначении на должность. Какое же из двух заявлений Райта соответствует действительности? Почему он ждал — потому, что не хватало верблюдов, или потому, что хотел получить подтверждение? Райт отвечал, что в письме поднимался вопрос о назначении.

«— Будьте любезны, покажите нам это место. В данном письме мы не можем его найти.

— Я почти уверен, что говорил об этом Ходжкинсону, который писал письмо.

— Но в тексте ничего подобного нет.

— Я считал, что ясно изложил свою мысль, но текст был записан иначе.

— Как все-таки объяснить это несоответствие?

— Я уже ответил на этот вопрос. Больше мне нечего добавить.

— К сожалению, пока комиссия не получит четкого ответа на заданный вопрос, ваше положение остается двусмысленным.

(Г-н Райт не комментировал это замечание)».

В дальнейших показаниях Райт уже не так путался и был менее уклончив. Он, оказывается, с самого начала уговаривал Берка не дробить экспедицию, а идти всем

вместе к Куперс-Крику, но Берк не желал никого слушать — он рвался вперед. Когда наконец в январе Райт двинулся за Берком, никаких следов не сохранилось, а все водоемы пересохли. Несмотря на это, он непременно пробился бы к Куперс-Крику, если бы не аборигены и болезни. Когда Браге присоединился к нему в Буллу, возвращаться на Куперс-Крик и устраивать там продовольственный склад стало уже невозможно: людей подкосили болезни; они буквально «с плачем умоляли его» вернуться в Менинди. Д-р Беклер сказал ему: «Вы понимаете, в каком положении мы оказались. На вас лежит ответственность за экспедицию. Если вы пойдете к Куперс-Крику, трое больных погибнут. А троих мы уже похоронили... Вы принесете в жертву жизнь этих людей ради слабого шанса спасти человека, который скорей всего туда не вернется». Они полагали, что Берк двинулся через Квинсленд.

«— Почему же вы с Браге все-таки отправились в лагерь?»

— Прошло еще три недели сверх того срока, в который господин Берк намеревался вернуться, и мы решили проверить».

Когда они с Браге добрались до лагеря, продолжал Райт, «то не увидели никаких следов, указывавших на то, что там побывали белые. В двух-трех местах виднелись остатки костров, которые, как я считал, разжигали туземцы. Я осмотрел эти места особенно тщательно; все чурки размером больше этих карандашей [лежавших на столе] сгорели дотла. Только туземцы так жгут костры: они кладут ровно столько дров, сколько нужно, не больше».

«— Вы оставили какую-нибудь записку на Куперс-Крике, извещающую, что побывали там?»

— Нет. Я подумал об этом, но потом решил, что разрыв тайник и вытащив бутылку, мы лишь привлечем внимание туземцев, которые уже и так наведывались в лагерь. Я даже подозревал, что они наблюдают за нами — накануне вечером мы видели дым; поэтому, будучи по натуре крайне осторожным, я решил не вынимать бутылку и не вкладывать в нее новой записки.

— Разве так трудно было вырезать на дереве букву „P“, обозначив фамилию Райт, и дату — восьмое мая — под датой двадцать первое апреля?»

— Я вполне мог бы это сделать, но в тот момент я был поглощен другими заботами.

— Никаких поисков вы не вели?

— Я тщательно осмотрел лагерь. Кстати, была мысль остаться там на ночь, но лошади, которых мы взяли с собой, были те самые, что прожили столько месяцев на Куперс-Крике. Поэтому г-н Браге сказал мне: „Если мы здесь заночуем, лошади наверняка убегут за пять миль к месту, где привыкли пастись, и утром нам придется идти за ними“. Тогда я решил, что мы с тем же успехом можем переночевать на пастбище, чтобы потом не мучиться».

Они ускакали, обрубив последнюю ниточку, отняв у товарищей последний шанс на спасение.

Как ни странно, позиция Райта после допроса осталась довольно крепкой. Конечно, никто не сомневался, что он лгал, утверждая, будто Берк наказал ему ждать в Менинди до получения известий из Мельбурна. Не менее очевидной была и ложь о письме, якобы посланном в Комитет в начале ноября, с просьбой подтвердить его назначение на должность. Чувствовалось, что всю эту историю Райт выдумал задним числом. Тем не менее приходилось признать, что на протяжении всей экспедиции приказания Берка оставались расплывчатыми. Безусловно также, что Комитет не торопился отвечать на письма и не торопил Райта с выступлением, хотя, как им было прекрасно известно, в декабре месяце он все еще сидел в Менинди.

Теперь настал черед сэра Уильяма Стоуэлла; он прибыл на заседание, полный решимости защитить репутацию Комитета. Члены комиссии обращались к нему с нескрываемым почтением, даже большим, чем к Кингу. Немудрено, что и в ответах верховного судьи колонии звучали повелительные нотки.

Берку, сказал Стоуэлл, было поручено пересечь континент, не рискуя при этом жизнью людей; вернувшись затем на Куперс-Крик, Берку предстояло продолжать исследования, оборудовав в центре материка провиантский склад. Никто не торопил его, не подбивал обогнать Стюарта; будучи главой Комитета, Стоуэлл написал Берку личное письмо, предостерегая его от ненужной торопливости.

«— Не припомните ли вы содержание депеши, доставленной господину Берку полицейским Лайонсом?

— В ней содержалась информация о продвижении

Стюарта, который тоже намеревался пересечь континент.

— Не могло ли это сообщение побудить господина Берка спешно сняться с места?

— Напротив... В официальной депеше не было ровным счетом ничего, что заставило бы его торопиться. В течение всей экспедиции Комитет неизменно призывал ее участников избегать ненужного риска... Комитет всегда ратовал за осторожность, так что его советы никоим образом нельзя трактовать как призыв без оглядки рваться вперед».

Последнее замечание, мягко говоря, не вполне соответствовало действительности. Берка, конечно же, торопили, причем самым недвусмысленным образом. Покидая Мельбурн, он уже знал об экспедиции Стюарта и ему ясно дали понять, что честь Виктории находится в его руках. Колонисты горячо спорили, у кого больше шансов первым добраться до залива: вспомним хотя бы карикатуру в «Панче» о «великой гонке». Более того, Берка, без сомнений, назначили руководителем экспедиции именно потому, что он обладал напористостью и инициативой — качествами, необходимыми, чтобы обойти соперника и первым оказаться на финише. И письмо Стоуэлла Берку звучало отнюдь не как предостережение. Наоборот, пафос послания как раз заключался в том, чтобы «двигаться как можно быстрее».

При всем том поражало другое: Комитет, рьяно взявшись за дело в самом начале эпопеи, затем впал в какую-то непонятную летаргию. Именно этот вопрос заинтересовал теперь комиссию. Почему, спросили сэра Уильяма, Комитет не предпринял никаких мер, получив 3 декабря письмо Берка с просьбой утвердить назначение Райта? Ведь там четко указывалось, что отряд Райта должен незамедлительно следовать за Берком.

Члены Комитета, отвечал сэр Уильям, даже не могли себе представить, что Райт будет ждать подтверждения. Сам Райт об этом не обмолвился ни словом. Получив письмо Берка, они решили, что Райт давно уже покинул Менинди и отвечать бессмысленно — колонна вне пределов досягаемости.

Сэру Уильяму напомнили еще о двух письмах из Менинди, получение которых Комитет не удосужился подтвердить; одно из них — от д-ра Беклера — датировано 13 ноября, и второе — от Людвига Беккера — 27 ноября. Сам факт их написания не оставлял сомнений в том,

что Райт никуда не ушел, а продолжал ждать в Менинди. Предпринял ли что-нибудь Комитет в этой связи?

«Сэр Уильям: Нет, никаких мер не было предпринято по причинам, уже изложенным; мы полагали, что сделать ничего невозможно... Члены Комитета исходили из того, что, отправив экспедицию, щедро снаряженную всем необходимым, они должны предпринимать меры лишь в ответ на конкретные просьбы или в случае возникновения непредвиденных затруднений».

Итак, лишь с прибытием в Мельбурн Ходжкинсона 31 декабря стало известно, что Райт все еще не выступил из Менинди, ожидая решения Комитета. Тот незамедлительно одобрил его назначение и выделил Райту деньги для покупки лошадей.

«История с утверждением в должности,— продолжал сэр Уильям,— представляется более поздней выдумкой; к такому заключению пришел Комитет. Не знаю, возможно, я сужу [Райта] слишком строго».

Все это звучало замечательно, но вопрос, почему все-таки Комитет не торопил Райта, оставался открытым. Даже 31 декабря, узнав от Ходжкинсона, что Райт топчется в Менинди, они ничем не ускорили ход событий, если не считать письма Райту с выражением надежды на то, что «доставка провианта из нынешнего лагеря к Куперс-Крику будет успешно завершена в самое ближайшее время». После 31 декабря Комитет не ударил палец о палец до июня месяца, когда начали спешно готовить экспедицию Хоуита. Целых шесть месяцев ушли впустую и, пожалуй, даже трудно сказать, где бездействие оказалось более пагубным — в Менинди или в Мельбурне.

Повторные показания д-ра Макадама не улучшили впечатления. Он заявил, что Комитет не стал подтверждать получение депеш от Беклера и Беккера, поскольку оба были «рядовыми сотрудниками» и им надлежало связываться с Комитетом через своего руководителя. Макадаму вежливо дали понять, что это не меняет дела — письма информировали Комитет о том, что в конце ноября Райт все еще сидел на Дарлинге, но Мельбурн никак не отреагировал.

Затем события приняли неожиданный оборот: место свидетеля занял Джордж Джеймс Ленделс, человек, командовавший верблюдами и покинувший экспедицию в Менинди. Он пребывал в возбужденном состоянии, результатом чего явился следующий нелепый диалог:

«— Вы отправились с господином Берком из Мельбурна, не так ли?»

— Да.

— И как далеко вы ушли?»

— Я считаю своим долгом сообщить вам все сведения, которыми располагаю, однако прежде прошу вызвать сюда всех членов первоначального состава экспедиции с тем, чтобы я смог опровергнуть возведенный на меня клевет.

— Вы знаете, что это невозможно. Мы не занимаемся сейчас установлением факта клеветы или клеветы. Мы хотели бы с вашей помощью уточнить ряд неясных моментов.

— Все детали всплывут, но я считаю, что со мной обошлись дурно; я намерен опровергнуть несправедливые обвинения в свой адрес. Меня оклеветали, представив события в кривом зеркале.

— Расследование этого вопроса не входит в задачу данной комиссии.

— Я с готовностью предоставлю любую информацию, которой располагаю, однако мне невозможно это сделать, коль скоро здесь нет членов первоначального состава экспедиции.

— В таком случае сообразовались удалиться.

— Понимаю. Справедливости не дожидаться ни от кого. Королевское общество захлопнуло передо мной двери, вы тоже не желаете слушать».

С этими словами Ленделс покинул зал, а его место занял Томас Дик, содержатель бара в Суон-Хилле, где работал Чарли Грей. Дик был возмущен замечанием Кинга о том, что Грей подорвал себе здоровье пьянством. Это неправда, воскликнул бармен, за те полтора года, что Грей работал у него, «он надирался раз шесть-семь, не больше».

Члены комиссии настроились на шуточный лад: «Его можно считать трезвенником, не так ли?»

Да, Дик придерживался именно такого мнения, и он явился на заседание, чтобы не дать опорочить имя Грея. Комиссия поблагодарила его за прямоту.

Далее опять выслушали Кинга, которому захотелось кое-что добавить.

«Я обратил внимание, что в дневниках [Уиллса] нет упоминаний о религии и боге. У каждого из нас была своя Библия и молитвенник. Время от времени мы читали их. И вечером на смертном одре господин Берк мо-

лился, просил у господина прощения за прошлое и умер со спокойной душой, как подобает истинному христианину».

Кроме того, Кинг много размышлял над историей с тайником в лагере и пришел к выводу, что Браге и Райт, вернувшись туда, должны были увидеть, что кто-то разрыл яму; они должны были также понять, что костры разжигали белые.

«— Как можно было узнать, кто разжигал костер, — белый или туземец? Там не осталось ни кусочка дерева; Вы полагаете, что сами могли бы отличить?»

— Там оставались несгоревшие куски, хотя он [Райт] утверждает, что там ничего не было.

— Имелся ли в лагере запас дров?

— Нет, дров не было. Нам пришлось сжечь несколько оставленных скамеек, и часть из них прогорели не полностью; но это не главное — уже по расположению костров можно было понять, что их жгли белые».

Еще он хотел бы добавить следующее, продолжал Кинг: «Господин Ленделс предъявлял претензии и требовал разбора своего дела. Я готов выступить в защиту господина Берка в качестве свидетеля и участника».

В этот момент д-ру Уиллсу было позволено обратиться с вопросом к Браге:

«— Я хотел бы спросить, не оставил ли мой сын, господин Уиллс, перед выходом в рейд дорожную сумку?»

— Он оставил в палатке мешок, ситцевый мешок с одеждой.

— Знали ли вы, что это были его личные вещи?

— Да, знал.

— Почему же тогда вы взяли мешок с собой в Менинди, а не зарыли в яму?

— У господина Уиллса было ровно столько же одежды, сколько у остальных. Я никак не думал, что им понадобится одежда.

— Не кажется ли вам, что эта одежда могла спасти ему жизнь?

— Сейчас мне известно многое из того, чего я просто не мог знать раньше. Если бы я знал, что они вернутся в тот вечер, я, конечно же, остался бы в лагере. Будь у меня хоть малейшая причина допустить, что они когда-нибудь вернутся, я бы скорее погиб, но не покинул лагерь».

Оставался еще один важный свидетель, д-р Герман Беклер. Очень скоро выяснилось, что он держит сторо-

ну Райта, во всяком случае резко настроен против Берка. Берк, говорил д-р Беккер, не раз позволял себе «грубые выражения» по отношению к нему и к Ленделсу во время перехода из Мельбурна в Менинди, причем оскорбления Берка были не только грубыми, но и несправедливыми. Вскоре он понял, что угодить Берку невозможно, и решил отказаться от участия в экспедиции — частично из-за постоянных придирок к Ленделсу, а частично из-за невозможности вести научные наблюдения. Берк запретил ему проводить эту работу. В результате он застрял в Менинди. Позднее врач переменял свое решение и вызвался сопровождать Райта до Куперс-Крика.

«— Все члены экспедиции были здоровы в то время?»

— Насколько мне известно, да.

— Однако вскоре после того, как Вы покинули Менинди, несколько человек заболели?

— Да, первые симптомы появились у Стоуна в Торовото. Господин Райт нанял его за день-два до выхода из Менинди, куда Стоун вернулся из Аделаиды, где его пользовал врач.

— На что он жаловался?

— У него был, как это называется здесь, хронический бронхит.

— Если он был нездоров, зачем же его взяли в экспедицию?

— По его виду никто бы не сказал, что он страдает какой-то болезнью.

— Вы его освидетельствовали перед походом?

— Нет.

— Хотя в тот период вы отвечали за медицинскую службу экспедиции?

— Да, поскольку вызвался сопровождать господина Райта. Но я не мог решать, брать человека или нет, это было не в моей власти.

— Не считаете ли вы, что длительное бездействие в Менинди без каких-либо занятий предрасполагало к болезням?

— Видимо, да; по крайней мере, так было в случае с господином Беккером.

— От чего умирали люди — от цинги или других болезней?

— Г-н Беккер умер от дизентерии и развившегося в результате ее истощения. При этом у него наблюдались

и типичные симптомы цинги. Перселл умер от истощения, вызванного цингой.

— Значит, цинга была основной причиной смерти?

— Да, цинга была основной причиной всех случаев смерти в нашем отряде.

— Получали ли больные цингой консервированные овощи в достаточном количестве?

— У нас не хватало времени на приготовление этих овощей.

— Вы взяли с собой в экспедицию набор семян. Сумели ли вы их употребить каким-нибудь образом?

— Первые семена мы посадили в Буллу рядом с криком, но как только появились первые ростки, их сожрали крысы».

Заявление Макдоно о том, что он довел Пэттона до голодной смерти, продолжал Беклер, совершенно несправедливо. Он сам готовил Пэттону еду — кашу на завтрак, рис с яблоками днем или вечером. Он также давал больному суп из сушеного мяса, однако консервированные овощи оказались для него слишком твердыми.

Последнее слушание состоялось 30 декабря 1861 года, а месяц спустя комиссия вынесла решение. Оно гласило:

«Тщательно подготовленная и полностью обеспеченная всем необходимым экспедиция без затруднений добралась до населенного пункта Менинди на реке Дарлинг, где была необдуманно разделена г-ном Берком.

Г-н Берк допустил ошибку, назначив г-на Райта на важную должность в экспедиции, не зная ранее этого человека и не располагая о нем достаточными сведениями; вместе с тем следует признать, что неожиданные решения об отставке г-на Ленделса и д-ра Беклера создали в экспедиции сложное положение и привели к этому назначению.

Г-н Берк проявил усердие в ущерб осторожности, покинув базовый лагерь на Куперс-Крике, не дождавшись прихода тылового отряда из Менинди и не обеспечив, вопреки указаниям, надежной связи с населенными пунктами; пустившись в столь длительный поход со скудным запасом провианта, г-н Берк возложил на свою партию непосильное бремя, результатом коего явились гибель животных и изнурение людей от усталости и многих лишений.

Поведение г-на Райта следует расценивать как в

высшей степени предосудительное. Совершенно ясно, что г-н Берк, расставаясь с ним в Торовото, рассчитывал на безотлагательную активную поддержку с его стороны; представляется маловероятным, что руководитель экспедиции мог предположить возможность сколько-нибудь продолжительной задержки на Дарлинге. Г-н Райт не смог дать удовлетворительного объяснения причин своей проволочки; между тем за исключением смерти Грея все несчастья, случившиеся с экспедицией, в значительной мере обусловлены этой задержкой. На г-не Райте лежит также тяжкая ответственность за то, что в тайнике на Куперс-Крике не было достаточного количества провизии и одежды. Убедившись в невозможности доставить провиант на Куперс-Крик, он должен был поместить его в другом месте, оставив в лагере соответствующие указания.

Экспедиционный комитет совершил весьма серьезную ошибку, невнимательно отнесясь к депеше Берка из Торовото и не настояв на скорейшей отправке колонны г-на Райта из Менинди. Комитет располагал сведениями о ее задержке из писем гг. Беклера и Беккера, датированных разными числами вплоть до конца ноября, однако не обеспокоился этим фактом; никто из его членов не осознал жизненно важного смысла слов г-на Берка о том, что „за ним вскоре должна двинуться“ основная колонна; никто не подумал о катастрофических последствиях, которые могут произойти — и, к несчастью, произошли — из-за рокового бездействия г-на Райта и его людей на Дарлинге.

Поведение г-на Браге, покинувшего свой пост в базовом лагере до возвращения туда руководителя или прибытия замены с Дарлинга, заслуживает осуждения; однако мы придерживаемся мнения, что груз возложенной на него ответственности оказался непосильным; не следует также забывать, что, получив уверения руководителя, он имел все основания рассчитывать в самое ближайшее время на помощь от г-на Райта, которой не последовало. Г-н Браге оставался на посту четыре месяца и пять дней и покинул его лишь в связи со смертельной болезнью спутника; только в этой ситуации его долготерпению пришел конец и он отступил, лишив тем самым единственной надежды тех, кто по роковому совпадению вернулся в лагерь в тот же день. Его решение оказалось пагубным, но мы считаем, что его действиями руководило искреннее желание выполнить свой

долг. Мы прекрасно понимаем, сколь мучительной должна быть для него мысль о том, что прояви он выдержку и стойкость еще двадцать четыре часа, он стал бы спасителем экспедиции и заслужил бы восторги и всеобщее одобрение. Эта тяжкая мысль усугубляется обидной на ту часть общественности, которая осуждала его, как он, видимо, считал, незаслуженно.

Насколько можно судить, г-н Берк не вел регулярных записей в журнале и не оставлял подчиненным письменных приказаний. Если бы он не пренебрег этой существенной частью своих обязанностей, многих бед, постигших экспедицию, можно было бы избежать; кроме того, имелась бы возможность объективно судить о поведении подчиненных, ссылающихся на нечеткость и противоречивость устных приказаний и замечаний г-на Берка.

Комиссия глубоко сожалеет о печальном итоге экспедиции, обошедшейся колонии в весьма крупную сумму; признавая, что руководитель похода не сумел выработать систематического плана действий, мы тем не менее хотим выразить восхищение дерзновенной отвагой г-на Берка, преданностью и бесстрашием его заместителя, г-на Уиллса, и их более удачливого и выносливого соратника, г-на Кинга. Комиссия искренне сожалеет о безвременной кончине г-на Берка и его товарищей».

Это был умело составленный уравновешенный документ, воздавший всем по справедливости. Он удовлетворил почти всех, кроме д-ра Уиллса (считавшего, что Браге заслуживал сурового осуждения), Экспедиционного комитета (его члены были обижены) и ярых приверженцев Берка (расценивших критику в его адрес как кощунство). Что касается Райта, то комиссия не нашла оснований для возбуждения уголовного дела, однако публично осудила его как главного виновника гибели экспедиции. Смыть с себя это пятно он уже не сможет до конца дней. Он уедет в Аделаиду и исчезнет с глаз долой, хотя окружающая его тайна долго еще будет волновать колонистов: почему он все-таки столько времени топтался на месте? Неужели только из-за жалованья? Или ему не хотелось покинуть жену и детей, расставаться с удобной жизнью в поселении? Кто он был — просто глупый, ленивый и безразличный человек, привыкший думать только о себе, или жертва роковой цепи ошибок, дьявольским образом преследовавших экспедицию с самого начала?

На эти вопросы так никогда и не будет дано одно-значного ответа.

Глава 15

РАСКАЯНИЕ

На Куперс-Крике разрыли могилы Берка и Уиллса. В самый разгар летнего зноя, перед которым в свое время отступил Райт, Хоуит совершил рейд к Куперс-Крику, выкопал из песка останки и погрузил их на верблюдов. В обратный путь он двинулся другим маршрутом — через Маунт-Хоуплес — и за каких-нибудь две недели пересек полосу иссушенной земли, по которой, как заколдованные, обреченные путешественники бродили последние недели своей жизни. Далее без всяких приключений Хоуит достиг района поселений, вышел к Аделаиде и оттуда морем добрался до Мельбурна.

Похороны, состоявшиеся 21 января 1863 года, вылились в грандиозное событие. По всей колонии были разосланы приглашения для участия в официальной церемонии. Списки были составлены тщательнейшим образом, не забыли никого — там значились представители духовенства, члены обеих палат парламента, франк-масоны, чины армии и полиции, мэры и муниципальные советники провинциальных городов. Последним оплачивались железнодорожные билеты до Мельбурна, и лишь советники городка Бичуэрт (где когда-то служил Берк) не смогли воспользоваться этими льготами ввиду «отсутствия железной дороги как таковой». Начальник канцелярии мэрии Джилонга подал жалобу на то, что представителям города отведено незаслуженно скромное место в похоронной процессии. Его с трудом успокоили. Каслмейн (еще одно место работы Берка) отрядил эскадрон легких драгун.

Катафалк в точности повторял погребальную колесницу, на которой тело герцога Веллингтонского везли к усыпальнице в лондонском соборе св. Павла десять лет назад. Это было огромное сооружение с резными ободами и бархатным балдахином, запряженное шестеркой вороных лошадей с черными султанами. Кинг и другие участники похода держали концы покрова, а во главе кортежа шествовал сам губернатор. Под звуки военного оркестра многолюдная процессия плыла по улицам; все

дома и магазины были увешаны траурными черно-красными полотнищами; вдоль тротуаров стояли солдаты местного гарнизона, опустив ружья дулом книзу. В общей сложности около 40 000 человек молча наблюдали за шествием. На могиле мельбурнского кладбища вскоре установили 34-тонный гранитный монолит со следующей надписью:

«Роберту О'Хара Берку и Уильяму Джону Уиллсу, соратникам, разделившим смерть и славу. Руководителям Викторнианской исследовательской экспедиции, погибшим на Куперс-Крике в июне 1861 года».

Точной даты смерти никто не знал, за исключением, может быть, аборигенов; когда жизнь покинула Берка и остановилось дыхание Уиллса — в конце июня? в начале июля? Впрочем, это уже не имело значения.

В колонии раздавались громкие голоса о том, что имена погибших не увековечены подобающим образом; был объявлен сбор денег на памятник героям, и губернаторство внесло в общественный фонд 4000 фунтов. Памятник поручили Чарльзу Саммерсу, который изваял скульптурную группу колоссальных размеров: 3,5-метровый бородатый Берк с непокрытой головой в рубашке с короткими рукавами смотрит вдаль, положив правую руку на плечо Уиллса, сидящего рядом с дневником на коленях. Гранитный пьедестал украшают четыре бронзовых барельефа, изображающие начало экспедиции, возвращение на Куперс-Крик, плачущих над телом Берка аборигенов и сцену встречи спасателей с Кингом. Долгое время этот тяжеловесный памятник высился в центре города на пересечении Коллинз- и Рассел-стрит, но затем стал мешать движению, и в 1886 году его перенесли к зданию парламента, где он стоит и поныне. Хорошо, если один из тысячи прохожих поднимет голову и глянет на эту громадину; остальные торопятся мимо.

Другие памятники и небольшие мемориальные обелиски были установлены в провинциальных городах Викторнии, в местах, где проходил маршрут экспедиции, а также в Тотнесе, на родине Уиллса. Губернатор Баркли предложил назвать прилегающую к заливу Карпентария северную часть Австралии Берклендом, но затем остыл к этой затее, и теперь лишь один из округов носит его имя. Зато процветающий горнорудный район Квинсленда — Клонкарри, нареченный Берком в честь именитых ирландских родичей, сохранил это название.

Большинство других названий, родившихся во время экспедиции,— ущелье Кинга, крик Грея и многие другие — давно уже заменены и забыты.

Не осталось в стороне от событий и британское Королевское географическое общество. То были золотые годы замечательных путешествий — д-р Ливингстон и Стэнли исследовали Африку, Спик и Грант обнаружили истоки Нила, немало англичан совершили открытия в других частях света. Общество вручило золотую медаль семье Берка в Лондоне и отправило золоты часы Кингу. Получилось, что один лишь Уиллс остался в тени; между тем он, будучи единственным географом экспедиции, не меньше Берка заслуживал медали Географического общества. Об этом д-р Мюллер написал президенту Общества сэру Родерику Мерчисону. Узнав, что д-р Уиллс находится в Лондоне, Мерчисон отправил ему очень теплое письмо, в котором сообщал, что по существующим правилам Общество может наградить золотой медалью лишь одного члена экспедиции; далее он заверял д-ра Уиллса, что столь превосходный географ, каким был его сын, несомненно заслуживает подобной медали. «Смею Вас заверить,— добавлял он,— что ни я, ни мои коллеги никогда не забудем его выдающихся заслуг».

В своем ответе д-р Уиллс писал: «Вряд ли вызовет удивление тот факт, что д-р Мюллер и мои друзья в Австралии испытывают неловкость по поводу истории с медалью... Одежду моего сына, из-за нехватки которой он погиб, носили другие люди; открытые им земли назвали другими именами — неудивительно, что то же самое произошло и с золотой медалью. Тем не менее я весьма благодарен Вам за похвалы в адрес покойного».

Горечь и обида долго еще не могли утихнуть. Даже в день похорон произошел неприятный инцидент. Когда закончилась церемония погребения, огромная толпа в 4000 человек собралась в зале св. Георгия, где состоялось нечто вроде поминовения экспедиции. Первую речь произнес Баркли; после него на трибуну поднялся Макадам с намерением воздать хвалу Комитету. Его встретили бурей негодования, толпа ревела, никто не хотел слушать. Но Макадам, будучи опытным политиком, не смутился и продолжал свою речь пока наконец аудитория не стихла. За ним попытался выступить Ленделс, но это уж было слишком: его слова потонули в крике и свисте; собрание быстренько свернуло.

Несмотря на разгул страстей, Кинг не был забыт: на его имя в банк положили 3135 фунтов, что гарантировало ему доход 180 фунтов в год. В те времена на эти деньги можно было безбедно жить. Губернаторство Виктории выделило также 2090 фунтов жившей в Девоне матери Уиллса, по 500 фунтов его сестрам и 150 фунтов д-ру Уиллсу в оплату проезда до Англии. Сипай Дост Магомет, потерявший руку в Менинди, получил 200 фунтов и столько же — топограф экспедиции Уэлч в компенсацию за поврежденный глаз. Еще одна сумма (1045 фунтов) была вручена старой няне Берка, Элен Догерти, приехавшей вместе с ним в Австралию. (Как оказалось, у самого Берка на банковском счете оставалось всего семь шиллингов и восемь пенсов, так что его долг Мельбурнскому клубу пришлось погасить Комитету.)

Канцелярия губернатора подытожила расходы, куда вошли деньги, потраченные на подготовку и проведение экспедиции, посылку спасательных партий, похороны, сооружение памятников и выплату пенсий. Сумма получилась астрономической — почти 60 000 фунтов стерлингов! Даже Стэнли, отличавшийся небывалой расточительностью в тот век великих открытий, оказался куда скромнее. Тем не менее довольно быстро колонисты убедились, что деньги потрачены не зря. Несмотря на все перипетии и трагический финал, экспедиция каким-то неожиданным образом положила начало целой цепи последующих событий. Более того — она превратилась в миф, в чисто австралийскую легенду, питающую живительными соками тех, кто шел по стопам путешественников.

Спасательные партии, отправившиеся на поиски потерявшейся группы, невероятно расширили представления о внутренних районах континента. За один год помимо Стюарта¹⁸ (чьи походы, конечно же, заслуживают более подробного рассказа) материк пересекали еще дважды. Огромные пространства были открыты для будущих поселенцев — причем все обошлось не только без человеческих жертв, но даже без тяжелых лишений. Маккинли двинулся на север через Куперс-Крик, добрался

¹⁸ Джон М. Стюарт пытался пересечь Австралию в меридиональном направлении в 1860 и 1861 гг. В третий раз он выступил из Аделаиды в октябре 1861 г., через 9 месяцев достиг северного побережья континента и два дня спустя двинулся в обратный путь, вернувшись в Аделаиду в декабре 1862 г. — *Примеч. пер.*

до могилы Грея (где, как он считал, покоятся все участники похода Берка) и продолжил путь до залива. Ему тоже помешали ступить на берег моря непролазные болота; он повернул на восток, надеясь увидеть «Викторию» капитана Нормана возле устья реки Альберт. Тут его ждало разочарование: Норман уже успел отплыть; тогда Маккинли добрался до Квинслендского побережья, а оттуда — морем до Аделаиды. Гигантский маршрут занял у него ровно год, и он прошел его без потерь, если не считать одного из отбившихся верблюдов Берка, которого пришлось пристрелить у залива и съесть.

Тем временем Лендборо, двигаясь с севера (из Квинсленда), целым и невредимым дошел до Куперс-Крика и далее до Менинди, где и узнал о судьбе Берка и Уиллса.

Благополучно завершил свою миссию и Уокер; его черные следопыты отыскали последний лагерь Берка на реке Флиндерс, Уокер сообщил о своей находке капитану Норману, а затем легко, словно совершая увеселительную прогулку, вернулся домой на восточное побережье.

Когда подытожили результаты всех этих походов, тайна «зловещего пятна» перестала существовать. Выяснилось, что в центре Австралии нет настоящих гор и нет никакого моря, однако бескрайние просторы вовсе не представляют собой сплошную пустыню — на десятки тысяч квадратных миль там расстилались пригодные пастбища, имелись периодически высыхающие, но все же крупные реки и леса; в земле, по всей видимости, таилось немало рудных богатств.

Едва в Мельбурне отгремели аккорды траурного марша, как поселенцы уже двинулись со стадами коров и овец в Буллу. Десять лет спустя животноводы освоили пойму Куперс-Крика, где выросли фермы и целые усадьбы. А вскоре в пяти милях от первой могилы Берка вырос поселок Иннаминка с пабом, полицейским участком и таможней (зловещими предвестниками «цивилизации»); Иннаминка стала важным перевалочным пунктом на пути пастухов, гнавших скот из центральных районов Квинсленда на рынки Аделаиды.

Затем в 70-х годах прошлого века от Порт-Огасты на южном побережье материка до Дарвина на его северной оконечности протянули телеграфную линию длиной 1800 миль. Фактически она прошла по маршруту

Стюарта; все работы были завершены за два года — потрясающее достижение, учитывая технический уровень того времени. Впервые за свою историю Австралия получила оперативную связь с внешним миром: еще одна мечта Стюарта стала явью.

После экспедиции Берка и Уиллса на Куперс-Крике появились лютеранские миссии; миссионеры проникали все дальше в глубь континента, защищая аборигенов от жестокостей, оказывая им продовольственную и медицинскую помощь. Несколько позже в Алис-Спрингсе возникла служба «летающих врачей» — прообраз санитарной авиации. Еще одна интересная деталь: австралийцы уверовали в полезность верблюдов и стали в большом количестве ввозить их из Индии; в конце века на континенте уже насчитывалось около 6000 животных. В сезон дождей несчастные двугорбые вязли в болотистой местности, многие из них разделили судьбу бедолаги Ланды, так и не сумевшего выбраться из топи на Куперс-Крике. В наши дни в Австралии почти не увидишь домашних верблюдов, зато их одичавшие потомки бродят по Северной Территории и Квинсленду.

Больше всех выиграли от экспедиции горнодобытчики. Следуя по маршруту Стерта и Берка, они обнаружили, что Писов холм, расположенный севернее Менинди, на самом деле является богатейшим в мире месторождением серебра, свинца и цинка. В этом районе вырос город Брокен-Хилл. Владеющий месторождением концерн получал баснословные прибыли, оценивающиеся в 1958 году в 400 000 000 фунтов стерлингов. Дальше к северу в районе Клонкарри открыли другие, не менее ценные месторождения: у Маунт-Айзы огромные запасы меди, а у поселка с лирическим названием Мэри-Катлин — знаменитые залежи урана. В сравнении с многомиллионными доходами тамошних предприятий потраченные на экспедицию 60 000 фунтов кажутся пустяком.

Двинувшиеся вслед за Берком и Уиллсом геологи вскоре установили, что представления Стерта о внутреннем море не были чистой фантазией. В кембрийский период западная часть Квинсленда от залива Карпентария до границы со штатом Южная Австралия была покрыта морем; когда оно отступило, в центре материка осталось огромное озеро, в которое впадали Дайамантина и Куперс — тогда полноводные реки. Сохранившееся до наших дней озеро Эйр представляет собой малую

часть прежнего гигантского водоема, вокруг которого шумели густые леса.

Здесь водились гигантские кенгуру, передвигавшиеся десятиметровыми прыжками; в воде барахтались узкорылые крокодилы. Но затем климат стал сухим, озеро съежилось до своих нынешних размеров, сделалось соленым и на его выжженных солнцем берегах остались лишь окаменелые кости причудливых животных...

Это, однако, не конец истории с внутренним морем. В 80-х годах прошлого века было обнаружено, что дожди, обрушившиеся на гористое восточное побережье Австралии, просачиваются под почву и стекают к центру, где вода скапливается в огромном подземном резервуаре. Он так и был назван — Большой артезианский бассейн; его южная граница отстоит на 2200 километров от залива Карпентария, а западная — на 1800 километров от восточного берега континента. Где бы ни бурили скважину в пределах этого необъятного ареала, оттуда — иногда с километровой глубины — начинала бить вода, теплая, чуть солоноватая, но вполне пригодная для питья. Это открытие послужило поворотным пунктом в истории развития центральных районов; оно означало, что в любой сезон скот можно перегонять на расстояния в сотни миль, передвигаясь от одной скважины к другой, — вещь немыслимая в иных условиях.

Бывают, правда, годы, когда в этих краях выпадают вдруг обильные дожди и вода с грохотом проносится по сухому руслу, разливаясь по всей пойме Куперса; в такие времена окружающая пустыня оживает. Сотни бездыханных речушек превращаются в буйные потоки и устремляются к озеру Эйр. Тогда на несколько месяцев в сердце континента действительно появляется внутреннее море. В 1959 году дождей прошло особенно много, бурное течение подхватило баркас и по Куперс-Крику донесло его до озера Эйр. Но эти потоки непродолжительны; когда вода спадает, на поверхности остаются нагроможденные обломки и туши утонувших животных, нелепо свисающие с веток вырванных с корнем деревьев...

Да, паводки случаются не часто. Типичная картина центральных областей Австралии — это пустыня или полупустыня с песчаными дюнами, выметенными ветром плоскими равнинами, серо-зелеными островками деревьев вокруг редких водоемов и необъятным небом.

Эта бескрайняя земля сродни морю величием покоя и ощущением грозной силы. Геолог Дж. У. Грегори, в начале нынешнего века побывавший на Куперс-Крике, писал в книге «Мертвое сердце Австралии»: «Временами, когда караван исчезает за песчаной грядой, сердце сжимается от страха при мысли о том, что в этой пустыне можно оказаться без воды и пищи. А ведь таков был удел несчастных путешественников, чьи кости, обглоданные динго и отполированные песком, разбросаны по просторам Центральной Австралии. Словно наяву видишь их фигуры, бредущие навстречу роковой судьбе».

В этом, наверное, причина того, что трагедия Берка и Уиллса превратилась в австралийскую легенду. История их похода как нельзя более точно соответствует представлениям первых поселенцев о том, что жизнь — это не столько борьба с другими людьми, сколько безжалостная схватка с пустыней, не признающей чинов и званий. Только так можно было надеяться выжить в буше, где полная беззащитность человека перед природой рождала небывалое чувство локтя и где подвести товарища означало обречь его на гибель.

Сцена возвращения Берка в лагерь на Куперс-Крике, как мы уже рассказывали, изображена на картине Лонгстафа. Огромный холст размером 4×3 метра сейчас настолько обветшал, что его упрятали подальше в газетный зал мельбурнской библиотеки. Сюжет картины давно уже стал достоянием истории, да и полотно в целом вряд ли можно назвать шедевром. И все же любой австралиец моего поколения, который ребенком стоял в музее у этого холста, вспомнит, как у него пробегал по коже мороз. Заданность и «красивость» поз несколько умеряли впечатление, но даже в том виде зрелище завораживало. Нас учили, что земное бытие венчает смерть на поле брани или в собственной постели. Но здесь смерть — слепая и бессмысленная, мрачное чудовище, подстерегающее любого из нас на каждом шагу. Поэтому посетители, постояв перед этой картиной, торопились дальше, мимо гипсовых слепков греческих богов — скорее на улицу, к свету.

Из участников экспедиции мало кому довелось долго пережить Берка и Уиллса. Кинг мудро отказался от предложения участвовать в передвижном шоу с показом «циклорамы экспедиции», предпочтя спокойную жизнь в доме сестры. В 1871 году он женился на даль-

ней родственнице, но год спустя умер от чахотки — прямого следствия голодных скитаний на Куперс-Крике. Ему исполнилось 33 года. Кинга похоронили рядом с Берком и Уиллсом.

В том же году умерли Маккинли и Ленделс, последний — в Калькутте, куда вернулся, видимо, не выдержав позора. Дост Магомет был похоронен в Менинди, он так никогда больше и не увидел родных краев. Браге отправился в Квинсленд, где обосновался на ферме и весьма успешно вел дела. Д-р Беклер возвратился в Германию. О дальнейшей судьбе Райта почти ничего не известно. Макадам пережил Берка и Уиллса всего на четыре года, а вот Хоуит дожил почти до восьмидесяти лет. Джулия Мэтьюз в 1863 году уехала в Новую Зеландию, там вышла замуж и вернулась в Англию, где с успехом выступала в роли герцогини в оперетте Оффенбаха «Великая герцогиня Герольштейнская», гастролировала в Европе и Америке и умерла в 1876 году в Сент-Луисе. Сэр Чарльз Купер, чье имя Стерт увековечил на карте, а последующие события сделали «гвоздем» географической хроники, вышел в отставку и умер в Англии в преклонном возрасте.

Последним и самым благородным шагом правителей колонии Виктория было закрепление 200 квадратных миль земли вдоль Куперс-Крика за аборигенами, которые спасли жизнь Кингу. Этот щедрый дар стал лучшим памятником экспедиции. Конечно, можно возразить, указав, что крик не принадлежал Виктории, а значит, земля и без того являлась собственностью коренных жителей. Тем не менее благородство порыва не подлежало сомнению, и викторианцы надеялись, что получившие землю аборигены останутся довольны.

Основная часть территории досталась племени юнтурунта; по соседству с ними ниже по течению обитало другое племя — диери. Первое научное изучение их провел Хоуит, когда вернулся за останками Берка и Уиллса; позднее среди них поселились миссионеры, которые стали обучать аборигенов говорить по-английски и носить европейскую одежду. Но контакт с цивилизацией белых сограждан оказался губительным: аборигенов косили европейские болезни, женщины, которых мужья добросердечно предлагали путешественникам, становились бесплодными, новые формы существования убивали волю к жизни. Ко времени прибытия в 1902 г. геолога Грегори в низовья Куперс-Крика из тысячи

аборигенов осталось лишь пятеро. От юнтрувунта, некогда обитавших неподалеку от печально знаменитого базового лагеря 65, не осталось и следа.

В конце концов получилось так, что подаренные 200 квадратных миль некому было наследовать; границы территорий штатов изменились, и о жесте викторианцев благополучно забыли.

Еще и сегодня можно пройти маршрутом Берка к заливу Карпентария, останавливаясь на привал там же, где и он, и видя практически те же картины, что открывались его глазам.

Виктория заселена довольно густо, но старая дорога, по которой ходили дилижансы Кобба, по-прежнему ведет из Ройял-парка в Мельбурне до Каслмейна и Бендиго, только теперь это автострада; от Суон-Хилла можно добраться вдоль Муррея до места его слияния с Дарлингом. Возле Милдери на берегу среди фруктовых садов кое-где виднеются ржавые остовы первых пароходов капитана Кейделла, но, как ни поразительно, некоторые из его колесных посудин до сих пор шлепают по рекам.

Сегодняшний Дарлинг — узкий, грязноватый поток, текущий меж серовато-коричневых берегов, утыканых эвкалиптами, кое-где сохранил атмосферу «первобытности». Мелькнет в скрэбе кенгуру, затеют перебранку попугаи. Как и во времена Райта, все еще существует старая ферма Кинчега с прежними надворными постройками, зато Менинди превратился в железнодорожный узел и центр водного хозяйства. Между озерами с грохотом ползают бульдозеры, ворочаются экскаваторы, но ощущение аванпоста все еще живо. Местные жители покажут вам комнату Берка в старой гостинице Пейна на берегу реки, а дальше, на Памамару-крике, — место, где располагался лагерь экспедиции. Он выглядит точно как на рисунках Людвига Беккера.

В соседнем озере плавают черные лебеди и пеликаны, вечером к ним присоединяются изящные серые цапли; они неподвижно стоят на мелководье, выслеживая добычу, а за ними зорко наблюдают стаи рассеявшихся на деревьях бакланов. Когда рыбы много, бакланы стремглав кидаются к воде, оттесняя цапель, — сцена, которую наверняка не раз наблюдал Беккер. Днем стоит сильная жара, докучливые мухи липнут к телу, и тем не менее в прозрачном сухом воздухе легко дышится, кажется, что ничего не стоит пересечь простирающуюся

ся к северу гигантскую равнину — через Мутвинджи, Торото и Буллу — к Куперс-Крику. Четыреста миль по прямой.

Если отправиться в путь поздней весной (как это сделал Берк), можно увидеть цветы на красной земле и покров дикой травы, завезенной сюда неким Патерсоном много лет спустя после экспедиции. Сама местность настолько ровная, что холмистая гряда (за исключением Писова холма — его полностью срыли горнодобытчики) видна с большого расстояния, а купы низкорослых деревьев у русла высохшего крика кажутся настоящим лесом на фоне бесконечного горизонта.

В Мутвинджи равнину вдруг прорезают глубокие овраги, почему-то показавшиеся Уиллсу мрачными и пугающими. Наоборот, осторожно спустившись по осыпающимся склонам, попадаешь в неподвижную прохладную воду — подлинное блаженство. В этих местах водятся кенгуру и эму, они здесь крупнее и не такие пугливые, как на равнине. Священное место аборигенов в 50-е годы нашего столетия сделалось достопримечательностью туристского маршрута; результаты не замедлили сказаться: любители развлечений начали использовать наскальные рисунки как мишени для стрельбы из ружей, многие норвят оставить свои инициалы среди отпечатков рук на стенах пещер. К счастью, еще не все рисунки уничтожены, но ущерб, нанесенный любителями «путешествий по родному краю», вряд ли поправим. Аборигенов больше нет, никто не исполняет обряда корробори, но ощущение таинства не покидает и сегодня.

За Мутвинджи лежит голая местность, где застрял отряд Райта и где гибли его люди. Скот выживает и тут, несмотря на отсутствие травы; возле редких колодцев расположились фермы, некоторые со всеми удобствами — теннисными кортами с электрическим освещением (днем играть невозможно из-за жары), бассейнами, лужайками и лимонными рощами (сегодня цинга уже не опасна); скот пасут «ковбой» на «фольксвагенах», а владелец на собственном самолете добирается до ближайшего крупного города всего за несколько часов.

На здешних равнинах появились одичавшие домашние животные. Вот дорогу перебегают одинокая белая кошка, стремглав кидаются прочь от машины уродливые собаки — помесь европейских пород и динго. На

бегу они беспрестанно оглядываются, опасаясь погони: фермеры нещадно убивают их, поскольку они крадут ягнят. В скрэбе можно встретить отбившихся от стада коров и тощих лошадей; время от времени их сгоняют к шоссе и везут в город на бойню, где из них готовят консервы для кошек.

Неподалеку от Торовото (теперь это уже забытое название) установлена пирамида из каменных глыб с мемориальной доской; надпись гласит, что в этом месте Стерт провел долгое лето 1845 года, когда чудовищная жара не позволила ему двинуться ни вперед, ни назад. Дальше дорога идет вдоль высокой двухметровой ограды, разделяющей Новый Южный Уэльс и Квинсленд. Нарушители границы — собаки, из-за них-то и воздвигли забор: ни тот, ни другой штат не желает пускать к себе чужих собак. Пересечь границу можно в Уорри-Гейт, расположенном чуть западней маршрута Берка. Затем равнину вновь пересекает сеть трещин и оврагов — последний длинный отрезок перед Куперс-Криком. По этой местности одинаково страшно ходить и ездить: повсюду рассыпаны острые камни, твердые, как железо.

Здесь уже пустыня показывает свой лик во всей красе. На деревьях исчезают листья, и вместо них появляются колючки, кора слезает со стволов, как папиросная бумага; за исключением редких пыльных кустарников, не остается ни одного растения — все выжжено палящим солнцем. Путь к Куперс-Крику пролегает через песчаные кряжи, издали кажущиеся игрушечными, за ними снова открывается каменная равнина, и только пройдя ее — попадаешь под блаженную сень обступивших крик деревьев. Широкие пойменные озера с омутами двадцатиметровой глубины расходятся порой на полмили; вода в них мутная, серовато-зеленого цвета. Берега заросли травой, и там кипит жизнь, которую особенно отраднo наблюдать после каменной неподвижности пустыни, — носятся птицы, семят маленькие черепашки, мелькают бесчисленные кролики. На месте бывшего базового лагеря до сих пор стоит то самое дерево с вырезанной надписью «РЫТЬ» — она все еще отчетливо видна, и ее нельзя читать без волнения. Под его ветвями можно разложить походную кровать и разжечь костер там, где когда-то стоял частокол (его давным-давно снес паводок). Здесь ничто не изменилось, добавилась только пирамидка из камней с бронзовой

мемориальной доской. В этом месте крик изгибается наподобие бумеранга, обтекая территорию лагеря. Надо думать, Браге и его люди тысячи раз смотрели на растущий на другом берегу огромный эвкалипт, облюбованный кареллами, думая свою невеселую думу.

Помимо обитателей фермы, на многие мили вокруг нет ни одной человеческой души; в полуденный зной и ночью здесь стоит мертвая тишина. А ночи в этих краях фантастические. Вначале смолкает вечерний щебет птиц, затем гаснет театральный свет заходящего солнца, и тут же в бархатной тьме вспыхивают холодным серебром гигантские звезды. Лежа на походной кровати, путешественник в полной мере наслаждается прохладой и покоем. Глядя ввысь, он словно уносится в межзвездное пространство. Ночь тиха, кажется, что время остановилось, ничто не шелохнется, не потревожит, не подаст признаков жизни... Рассвет наступает неожиданно, лучи прожектором озаряют землю, и первая муха садится на нос спящего.

Трудно себе представить, что такое ждать, ждать, бесконечно ждать в этом уединенном месте. Нескончаемо медленно текут часы, постепенно день за днем по множеству признаков люди уже умеют определять время: легкое дуновение над криком — значит, 7 утра, умолкают сиреневые зимородки — значит, полдень, появились кролики — наступил вечер. Воздух настолько прозрачен, что каждая пролетающая птица «тащит» по земле отчетливую тень, а самый крохотный муравей виден, как под микроскопом. Скоро начинаешь понимать, что здесь потрясает не гармония, а контрасты — прохладную ночь сменяет удущающе жаркий день, стрекоза кажется ослепительно красной на фоне тусклого буша, какофония попугаев оглушает среди окружающего безмолвия. Пить хочется так мучительно, что глоток тепловатой воды обретает вкус шампанского, как писал Уиллс.

И все же, несмотря на обилие воды, природа Куперс-Крика враждебна человеку, климат слишком сухой и слишком тяжелый. Скотоводы страдают от болезни десен, которую называют «Барку гниль» (Барку — еще одно наименование Куперс-Крика); на самом деле это результат той самой витаминной недостаточности, от которой погибли Людвиг Беккер и другие. Иногда у людей случаются приступы сильнейшей нервной дрожи; правда, они поражают в основном тех, кто зло-

употребляет спиртным, так что Берк поступил мудро, оставив весь ром в Менинди.

Но, пожалуй, самое губительное на Куперс-Крике — это всепоглощающее оцепенение. Оно не похоже на характерную для тропиков сонливость; это, скорее, ощущение глубочайшего физического изнеможения и пассивности мысли; человек отдается на милость бесобытийному течению времени, уносящему постепенно все, что связывало его с цивилизацией, довольствуется минимумом усилий, смиряется с неудобствами и одиночеством. Подобное существование приемлемо для отшельников, но оно губительно для экспедиции.

В пустынном месте, милях в пятнадцати от бывшего лагеря — бывшая могила Берка. Чтобы добраться до нее, приходится делать крюк, огибать каменную осыпь, а затем выйти на берег, круто обрывающийся к воде. Там сохранился высокий эвкалипт, под которым умирал Берк. Рядом — скромная пирамидка с мемориальной доской, на которой изображен руководитель экспедиции: Берк лежит, откинувшись назад, с револьвером в руке; этот памятник впечатляет больше, чем громоздкий монумент в Мельбурне. Берк умер достойно, как подобает первопроходцу. Наверное, в последние часы своей жизни он думал не о дальних горизонтах, не о славе или обидах; скорее всего, он ощущал собственную беспомощность, поражение и еще нежную привязанность к Кингу.

Вся эта часть Куперс-Крика (включая 200 квадратных миль, некогда подаренных аборигенам) принадлежит теперь ферме «Иннаминка». Жилые постройки стоят неподалеку от места, где нашли Кинга. Выросший здесь после смерти Берка маленький поселок просуществовал недолго: дела шли скверно и теперь от него остались лишь разрушенная пивная и тысячи битых бутылок, сверкающих под ярким солнцем.

К северу от маршрута экспедиции лежит Каменная пустыня Стерта, и там в местечке, названном Пост-Кинг, можно увидеть пейзаж, куда больше похожий на абстрактную картину, чем на порождение природы. В течение дня песчаные дюны меняют цвет, становясь то пунцовыми, то багряными, розово-красными или оранжевыми; кое-где виднеются блекло-зеленые вкрапления буша, напоминая строгий японский сад или ярмарочный лабиринт. Пройдя по солончаковым влеям, выходишь снова на открытую равнину. Здесь тоже воз-

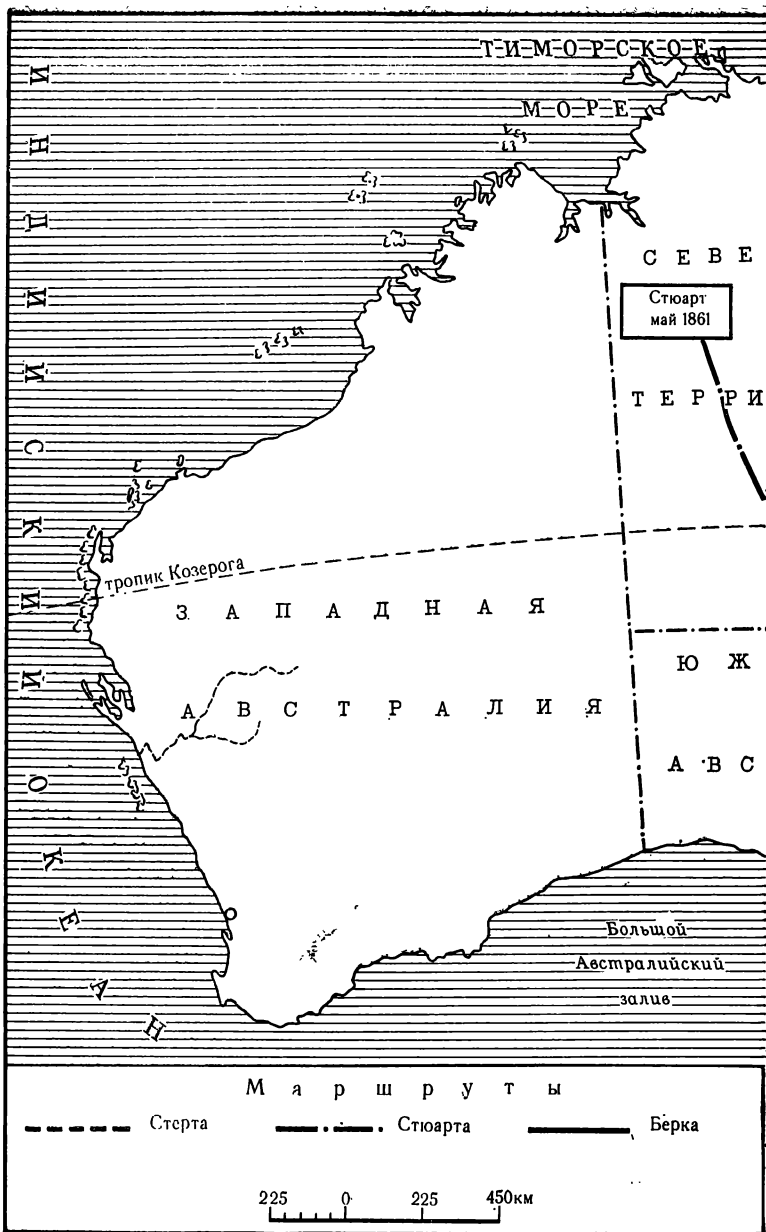
никали, но умирали поселки,—слишком тяжкие засухи и невыносимое одиночество вынудили людей покинуть эти места еще во второй половине прошлого века; артезианские скважины, однако, продолжают извергать с бульканьем и шипением воду, горячую, как из чайника. Когда случаются песчаные бури, возле луж можно увидеть похожих на привидения животных; окрестности усеяны выбеленными костями.

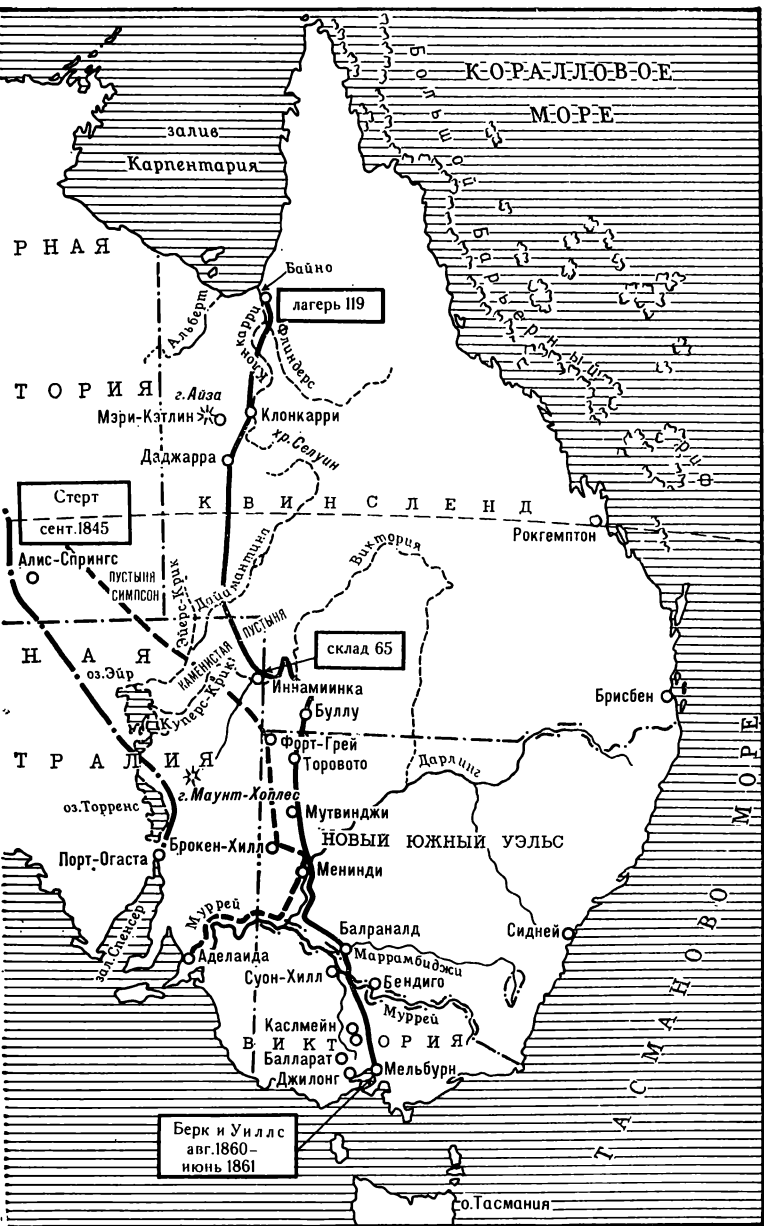
В этой забытой богом местности величиной с малую европейскую страну стоит лишь один городок — Бердсвилл, примостившийся между Каменной пустыней Стерта и пустыней Симпсон. Немудрено, что он часто оказывается в центре песчаных бурь независимо от того, куда дует ветер. Песчаные вихри бушуют сутками, песок въедается в кожу, воспаленные глаза не различают ничего вокруг. Но буря неизбежно стихает, сменяясь «мертвым штилем», и однажды утром из пустыни начинает веять такой пронзительной свежестью, что невольно думаешь — а не лежит ли чуть дальше в этих широтах море?

Найти последний лагерь Берка на реке Байно не составляет труда. Все, что рассказывал об этом месте Кинг, точно соответствует действительности: вода в прилив становится соленой, уровень поднимается, исчезают камни и валуны; в отлив на песчаном грунте остаются вялые медузы. Место красивое, хотя долго любоваться здесь красотами опасно — в мутной воде водятся крокодилы. Воздух густой и настолько влажный, что трудно дышать, а тишина словно таит угрозу.

Вряд ли Берк и его товарищи торжествовали победу в этом жутковатом месте. Как бы хотелось, чтобы они ступили на берег моря, ощутив хоть на мгновение величие собственного подвига, прежде чем вернуться к роковому лагерю на Куперс-Крике...

Впрочем, вся эта история — сплошная цепь роковых случайностей и, как это ни грустно сознавать, наш интерес к экспедиции был бы куда меньше, доведись героям вернуться домой целыми и невредимыми. Не случись трагедии на Куперс-Крике, Берк и Уиллс остались бы скромными фигурами в летописи географических открытий; смерть превратила их свершение в подвиг, сделав покорение «зловещего пятна» в сердце Австралии легендой для потомков.

КОРАЛЛОВОЕ
МОРЕ

залив
Карпентария

РНАЯ

Байно

лагерь 119

ТОРИЯ
г. Аица
Мэри-Кэтлини

Клонкарри
Хр. Селуин

Даджарра

Стерт
сент. 1845

КВИНСЛЕНД

Рокгемптон

Алис-Спрингс

ПУСТЫНЯ
СИМПСОН

склад 65

НАЯ
оз. Эйр

Иннаминка

Буллу

Брисбен

ТРАЛИЯ

оз. Торренс

г. Маунт-Хойлес

Мутвинджи

Менинди

НОВЫЙ ЮЖНЫЙ УЭЛС

Порт-Огаста

Брокен-Хилл

Балраналд

Сидней

залив Спенсер

Муррей

Суон-Хилл

Каслмейн

Муррей

Бендигго

В И К Т

Балларат

Джилонг

Мельбурн

Берк и Уиллс
авг. 1860 -
июнь 1861

о. Тасмания

ТАСМАНОВО
МОРЕ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В историческом развитии Австралии немало своеобразного и даже парадоксального. Своеобразна и история ее открытия.

Таинственная Южная Земля, как долго называли Австралию, появилась на географических картах еще во времена античности, а открыта европейцами позже всех других материков планеты.

За много веков до начала эпохи «великих географических открытий» европейцев финикийские, арабские, индийские, китайские мореходы совершали многочисленные плавания по просторам Индийского океана. Более того, жители островов Юго-Восточной Азии, расположенных в непосредственной близости от Австралийского материка, были тоже достаточно опытными навигаторами и совершали дальние морские плавания. И тем не менее никто из них не обнаружил материка, лежащего не так уж далеко от маршрутов плаваний этих многочисленных мореходов.

В то же время сама Австралия не подавала внешнему миру никаких знаков о своем существовании. А весь континент был заселен людьми еще в плейстоцене, в эпоху палеолита, причем именно через Юго-Восточную Азию. Современная наука считает, что заселение Австралии началось не менее 30 тысяч лет назад.

В то время, чтобы попасть на материк, было достаточно самых примитивных средств навигации, так как Австралию связывали с Юго-Восточной Азией материковые мосты, азиатские и австралийские континентальные шельфы, а проливы между ними были невелики.

В дальнейшем увеличение уровня воды в океане отделило пятый континент от Юго-Восточной Азии. Австралийские аборигены оказались в полной изоляции. Их жизнь крайне осложнилась в период термического максимума, то есть между семью и четырьмя тысячами лет назад, когда значительная часть континента превратилась в зону пустынь и полупустынь. Это привело к значительному культурному регрессу австралийцев, не имевших, в частности, никаких мореходных навыков и никогда не покидавших материка.

Маршруты древних и средневековых мореплавателей, как мы уже говорили, зачастую проходили не так уж далеко от Австралии и все-таки никогда не обнаруживали ее.

Арабские купцы и мореплаватели в начале новой эры основали колонию на западном берегу Суматры и с того времени осуществляли оживленную торговлю.

К приходу европейцев в Юго-Восточную Азию в XVI веке Китай имел уже более чем полуторатысячелетнюю историю связей с народами этого района. Его корабли сотни лет курсировали в Индийском океане. Однако никто из мореплавателей не рискнул пойти на юг от Явы или Тимора. Никто не знал, что там находится, но и недостатка в фантастических рассказах о тех краях не было.

Так, индийцы, жившие на Яве, Суматре и других островах архипелага, утверждали, что южнее Явы и восточнее Тимора расположены острова, богатые золотом. Отсутствие каких-либо данных об их месторасположении компенсировалось подробнейшими описаниями городов с золотыми дворцами, окруженными роскошными садами, в которых мужчины наслаждаются обществом златокудрых женщин. Ступени лестниц, спускающихся от дворцов к прудам, усыпаны драгоценными камнями. Но наряду с красочными легендами о золотых островах из поколения в поколение передавалось страшное предупреждение о том, что каждый, кто попытается их достичь, погибнет. Рассказывали об огромном дереве, стоящем в море к югу от Явы, крона которого поднимается над водой. На ветвях дерева живет птица Гаруда, похожая на грифона; она летает по ночам и при этом носит в свое гнездо кого-нибудь из крупных животных, например слона, тигра или носорога.

В морях вокруг этих островов все течения имеют одно направление — к дереву, и корабли, попадающие в течения, оказываются у дерева и исчезают в бездне, а их команды становятся добычей Гаруды.

Легенды, подобные этой, так запугали яванцев, что они боялись удаляться на юг на сколько-нибудь значительное расстояние, а если течение несло их в том направлении, они бросали свои суда и на шлюпках добирались до берега.

Китайцы, хорошо изучив острова Юго-Восточной Азии, оставили немало описаний и легенд о землях к югу, не предприняв никаких попыток их исследовать. Арабские описания земель, находящихся к югу и юго-востоку от Явы, не уступают индийским и китайским. Так, еще в XIII веке арабские мореплаватели рассказывали об острове «Уок-Уок», на котором растут деревья с плодами в виде человеческих черепов. Когда эти «плоды» созревают, из черепов раздается крик «Уок-Уок», и «плоды» падают на землю.

То ли из-за этих страшных рассказов, передававшихся из поколения в поколение на протяжении столетий, то ли просто из-за отсутствия необходимости, ни арабские, ни индийские, ни индонезийские, ни китайские мореходы не обнаружили берега Австралии. Это сделали европейцы.

В XV—XVI веках господство на морях и океанах земного шара захватили Португалия и Испания. Португальцы первыми из европейцев появились в Индийском океане. Васко да Гама в 1498 году достиг берегов Индии, в 1511 году Афонсу Альбукерки захватил Малакку, и к концу того же года два португальских корабля под командой Антониу д'Абреу достигли Молуккских островов.

В отличие от своих азиатских предшественников португальцы были знакомы с идеей существования Terra Australis Incognita (Таинственной Южной Земли). В Европе эта идея возникла еще во времена античности. Конечно, это было чисто логическое рассуждение. Ни греки, ни римляне ничего не могли знать о существовании земли к югу от экватора, но считали, что масса суши на севере: Европе, Африке, Азии должна на юге противостоять не меньшая по размеру земля.

Живший в I веке нашей эры Помпоний Мела называл ее Землей антихтонов, а Птолемей спустя столетие — Неизвестной землей.

Но все античные авторы говорили о невозможности достичь этой земли и увидеть ее обитателей. Так, Помпоний Мела утверждал: «Об этих людях мы ничего не знаем, потому что между нами и ими находится огненная зона, пересечь которую невозможно».

Однако португальцам страшные рассказы о южных землях не помешали пересечь экватор и начать знакомиться с ними. В 1526 г. Жоржи ди Менезиш первым из европейцев ступил на остров Новая Гвинея.

Возможно допустить, что португальцы подходили к берегам Австралии или что-то о ней знали. Но никаких прямых свидетельств этому нет. Португальцы тщательно скрывали все сведения о географических открытиях своих мореходов. Невидимые миру, они лежали в лиссабонских архивах, которые почти все погибли во время страшного землетрясения 1755 года, разрушившего португальскую столицу.

Первое исторически зафиксированное европейское открытие Австралии было сделано голландским кораблем «Дейфкен»; он подошел к западному побережью полуострова Кейп-Йорк в марте 1606 года. На протяжении первой половины XVII века голландские суда неоднократно достигали западных и северных берегов пятого континента.

С конца XVII века господствующее положение в Южных морях переходит к Англии. В январе 1688 года У. Дампир достиг западных берегов Австралии, а в следующем году исследовал северо-западную часть континента. Наибольшее значение имело открытие Д. Куком восточного побережья Австралии в 1770 году. Спустя 18 лет после этого открытия и началась британская колонизация континента.

Интересно отметить, что британское правительство, поспешившее присоединить Австралию к своим владениям, не имело, в сущности, ясного о ней представления. К началу XIX века мир еще не знал, Австралия — континент или группа больших островов, ибо путешествия, предпринятые в XVII и XVIII веках голландскими и английскими мореплавателями, привели лишь к открытию отдельных участков ее побережья. То, что Австралия — континент, было доказано английским капитаном М. Флиндерсом во время его плавания вокруг Австралии в 1801—1803 годах.

Все указанные выше усилия привели к знакомству лишь с австралийской береговой линией, но никто не знал, что представляет собой сам континент, никто не проник в глубь его. Даже спустя два десятилетия после создания британской колонии Новый Южный Уэльс была исследована небольшая территория, находящаяся в 90 милях от Сиднея, а также район Хобарта на Тасмании, называвшейся в ту пору Землей Ван Димена. Австралия же, как известно, занимает территорию три миллиона квадратных миль, то есть почти равную территории США и в 50 раз превышающую территорию Великобритании.

Первая попытка пройти Голубые горы, расположенные в 40 милях к западу от Сиднея, была предпринята в мае 1813 года. Экспедиция состояла из трех служащих колонии — Г. Блекленда, У. Уинтворта, У. Лаусона — и пяти заключенных. Через две недели они достигли западных склонов Голубых гор и обнаружили прекрасные пастбища, на которых можно, как утверждали члены экспедиции, «кормить весь скот колонии в течение тридцати лет». Блекленд, Уинтворт и Лаусон были щедро вознаграждены за свое открытие. Каждый получил участок земли размером в 1000 акров.

По приказу губернатора заключенные начали спешно строить дорогу к вновь открытым районам. В январе 1815 года Л. Маккуори смог уже проехать по ней до нового города Батерста, в 120 милях к западу от Сиднея.

Активизации исследования англичанами Австралийского матери-

ка способствовали три обстоятельства: стремление французов обосноваться в Австралии, необходимость расселять ссыльных, и недостаток пастбищ и воды.

В 1801 году французские корабли «Географ» и «Натуралист» под командованием адмирала Н. Бодена исследовали южную и западную части Австралии. После этого англичане поспешили официально провозгласить свое владение Землей Ван Димена, а затем приступили к созданию поселений в Маккуори-Харборе и Лансестоне. Поселения появились также на восточном и южном побережьях материка — на месте нынешних городов Ньюкасл, Порт-Маккуори и Мельбурн. Исследования Д. Оксли в 1822 году в северо-восточной части Австралии привели к созданию поселения в районе реки Брисбен.

Экспедиция французского капитана Ж. Дюмон-Дюрвилля побудила губернатора Нового Южного Уэльса создать в 1826 году на южном побережье Австралии поселение Вестерн-Порт и послать майора Э. Локьера к проливу Короля Георга в юго-западной части материка, где он основал поселение, получившее впоследствии название Олбани, и объявил о распространении власти британского короля на весь Австралийский материк. В крайней северной точке континента было основано британское поселение Порт-Эссингтон.

Население новых форпостов Британии на Австралийском материке состояло из ссыльных. Транспортировка их из Англии шла интенсивнее год от года. Считается, что со времени основания колонии и до середины XIX века в Австралию отправлено 130—160 тысяч заключенных. Поскольку поселения располагали друг от друга на огромном расстоянии, помимо фактического захвата территории достигалась и другая цель — рассредоточение ссыльных.

Требовались новые пастбища и источники пресной воды. Систему рек юго-восточной и южной части Австралии исследовали в 20-х годах XIX века Д. Оксли, Г. Хьюм, А. Каннингхем и Ч. Стерт. Вклад последнего особенно значителен.

В 1826—1828 годах в колонии была сильнейшая засуха. От отсутствия кормов падал скот, погибал урожай. Колонисты метались в поисках новых пастбищ и воды. Тогдашний губернатор Нового Южного Уэльса Р. Дарлинг отправил капитана Ч. Стерта на поиски новых рек, а может быть и внутренних морей, которые, согласно распространенному тогда мнению, существовали в глубине Австралийского материка.

Экспедиция Стерта продолжалась с ноября 1828 по апрель 1829 года.

Она доказала, что водным путем можно добраться до южной оконечности материка, а также обнаружила большие пространства плодородных земель, чрезвычайно удобных для колонизации.

Открытие Стерта не давали покоя майору Т. Митчеллу. Этот честолюбивый человек не мог примириться с тем, что он, старший в чине, не был назначен главой экспедиции. Когда в 1831 году Дарлинг, протежировавший Стерту, покинул колонию, Т. Митчелл предпринял свою экспедицию, окончившуюся неудачей.

Во время второго путешествия Митчелл достиг реки Дарлинг недалеко от того места, куда подходил Стерт. Интересно, что Митчелл нашел воду Дарлинга совершенно пресной. Здесь был построен укрепленный лагерь, названный Форт-Брук, и экспедиция двинулась дальше по реке, действительно впадавшей, как в этом убедился не веривший Стерту Митчелл, в реку Муррей. Очередная кровопролитная стычка с аборигенами заставила экспедицию повернуть назад.

Третья экспедиция Митчелла привела к открытию территории к югу от реки Муррей. Земля эта, как утверждал Митчелл, «может родить пшеницу даже в самые засушливые сезоны и никогда не станет болотом в самое дождливое время»; ее назвали Счастливой Австралией.

Примерно в это же время началось исследование западной части Австралии. Первая экспедиция, возглавляемая Д. Эйром, вышла из Аделаиды 18 июня 1840 года, в день двадцатипятилетней годовщины битвы при Ватерлоо; поэтому проводы ее были особенно торжественными. В путь отправились шесть человек с двумя повозками, 13 лошадьми и 40 овцами. В конечный пункт путешествия — британское поселение Олбани на берегу пролива Короля Георга — 7 июня 1841 года пришел только Эйр, сопровождаемый аборигеном по имени Вилли. В следующем месяце Эйр на корабле отправился обратно в Аделаиду, куда прибыл 26 июля.

В 1844 году возобновил свои экспедиции уже пятидесятилетний Ч. Стерт. На этот раз ему хотелось исследовать центральную часть континента. 15 августа 1844 года он вышел из Аделаиды, направляясь на север. Путешествие продолжалось до 1846 года. Стерт убедился, что центр Австралии представляет собой настоящую пустыню, преодолеть которую он не смог. Тяжелобольной, ослепший, он вернулся в Аделаиду.

Исследовать северную часть Австралии первым пытался уже упоминавшийся Т. Митчелл. В 1845 году он добрался до бассейна реки Барку, но из-за нехватки продовольствия ему пришлось вернуться.

Власти Нового Южного Уэльса всячески поощряли исследования северной части континента, надеясь, что они приведут к открытию наиболее короткого и удобного торгового пути, соединяющего колонию с Индией.

Л. Лейхгардт, уроженец Германии, в октябре 1841 года отправился в Австралию. Он прибыл в Сидней в феврале 1842 года и вскоре зарекомендовал себя толковым естествоиспытателем. В свое первое путешествие он отправился в августе 1844 года. Через 16 месяцев Лейхгардт достиг Порт-Эссингтона. Путешествие оказалось очень трудным: много месяцев Лейхгардт и его спутники обходились без муки, сахара, соли и чая, три месяца они питались лишь сухой говядиной.

Вернувшись в Сидней, Лейхгардт начал готовить новую экспедицию. Он намеревался достичь севера континента, обогнув пустыню, найденную Стертом в центральной его части. Предполагалось, что путешествие будет весьма продолжительным, поэтому провизии хватило на два года.

12 декабря 1846 года экспедиция в составе семи европейцев и двух аборигенов вышла из Дарлинг-Даунс. Путешественники взяли с собой 15 лошадей, 13 мулов, 40 коров, 270 коз, 100 свиней и четырех собак. Однако большая часть скота пала, съестные припасы быстро таяли, люди страдали от лихорадки. Не достигнув цели, Лейхгардт через семь месяцев вернулся в Сидней.

Неудача не остановила его. В апреле 1848 года Лейхгардт вновь отправился на север. Его сопровождали шесть человек. На этот раз произошла трагедия: экспедиция исчезла в глубинах материка. В течение первых двух лет отсутствия сведений о ней не вызывало особого беспокойства в Новом Южном Уэльсе, поскольку она была рассчитана на длительный срок. Но в 1851 году власти колонии начали

тонски, не давшие никаких результатов. Судьба участников экспедиции так и осталась неизвестной.

В апреле 1848 года из Сиднея вышла еще одна экспедиция, которая должна была исследовать север материка, найти наиболее удобный путь в Южную Азию и выбрать место для строительства порта на северном побережье Австралии для торговли с азиатскими странами. Возглавлял экспедицию Э. Кеннеди, принимавший ранее участие в экспедициях Т. Митчелла. Для того чтобы сократить время, часть пути была проделана на корабле.

21 мая 1848 года путешественники достигли гавани Рокгемптон и высадились на берег. Страшная жара, болотистая местность, труднопроходимые заросли заставили их отказаться от намеченного маршрута — на северо-запад, к заливу Карпентария. Они пошли вдоль северо-восточного побережья материка, но и здесь встретили те же трудности. К тому же через месяц начались частые стычки с местными жителями.

В августе экспедицию в заливе Принцессы Шарлотты ждал специально посланный туда корабль. Но Кеннеди и его спутники добрались до залива лишь в октябре, когда корабль уже ушел. Спасением для них был Порт-Олбани. Но добраться до него измученные, голодные и больные путешественники уже не смогли. В декабре в Порт-Олбани появился лишь один участник экспедиции — абориген Джеки-Джеки. Сразу же был снаряжен корабль для поисков оставшихся в живых членов экспедиции. 30 декабря корабль достиг залива Принцессы Шарлотты. Из восьми добравшихся сюда людей остались в живых лишь двое. Среди погибших был и Кеннеди.

Экспедиции по исследованию Австралийского материка, проходившие с такими трудностями и потерями, имели очень большое значение для расширения и укрепления британского господства в Австралии. Образование в различных частях Австралии британских колоний, их экономическое развитие требовали дальнейшего, более углубленного изучения Австралийского материка.

Южная Австралия и Виктория настойчиво искали путь с юга на север континента. В начале 1860 года правительство Южной Австралии объявило, что выдает премию в размере 2,5 тысячи фунтов стерлингов тому, кто первым откроет этот путь. На призыв правительства колонии откликнулись двое — Д. Стюарт и Р. Берк; последний из соседней колонии — Виктории.

Книга Алана Мурхеда посвящена именно путешествию Р. Берка, вписавшему одну из трагических страниц в историю исследований пятого континента. История путешествия Р. Берка стала хрестоматийной, ее знает в той или иной степени каждый австралиец, но книга А. Мурхеда представляет собой блестящее исследование, основанное на исчерпывающем использовании всего объема исторического материала. Вместе с тем в своей книге автор выходит за рамки непосредственной темы — трагедии на Куперс-Крике. Он колоритно рисует австралийскую жизнь в середине прошлого столетия, «золотую лихорадку», соперничество британских колоний в Австралии, одним из проявлений которого стали параллельные экспедиции Д. Стюарта и Р. Берка, организованные соответственно Южной Австралией и Викторией. Несколькими словами об экспедиции Д. Стюарта.

Д. Стюарт, опытный исследователь, принимал участие еще в экспедициях Стерта в 40-х годах XIX века. Получив помощь от скотоводов В. Финка и Д. Чемберса, он с двумя спутниками вышел 2 марта 1860 года из Чемберс-Крика и направился на север, туда, где еще не ступала нога европейца. 22 апреля Стюарт достиг гео-

графического центра Австралийского материка. Двигаясь на север, Стюарт и его спутники встретили местных жителей. Между ними произошла схватка, вынудившая Стюарта вернуться в Аделаиду. Но, узнав, что из Мельбурна отправился в экспедицию Р. Берк, Стюарт снова заторопился в путь. На этот раз расходы на снаряжение экспедиции согласилось взять на себя правительство Южной Австралии. Стюарт двинулся по уже исследованному им пути и прошел на 100 миль дальше того места (Атак-Крик), которого он достиг во время первого путешествия, но выбился из сил и вынужден был повернуть назад.

Однако прекращать свои исследования он не думал. 26 октября 1861 года Стюарт с девятью спутниками отправился в свою третью экспедицию на север. На этот раз экспедиция завершилась успешно: 24 июля 1862 года Стюарт и его спутники достигли северного побережья материка в устье реки Аделаида. Стюарт был восхищен землями, открытыми им в конце путешествия. «Если эта страна будет заселена,— писал он,—она станет одной из прекраснейших колоний британской короны». Но надо было возвращаться назад. Преодоление двух тысяч миль потребовало от путешественников всех сил. Еле живые Стюарт и его спутники вернулись в декабре 1862 года в Аделаиду.

Город был погружен в траур: в этот же день в Аделаиду по пути в Мельбурн были доставлены тела Берка и его товарища Уиллса, которые погибли, возвращаясь из экспедиции. Поиски экспедиции Берка позволили исследовать некоторые районы северо-восточной части Австралии. Так, Маккинли, выйдя из Аделаиды в августе 1861 года, 22 мая 1862 года, то есть за два месяца до Стюарта, достиг залива Карпентария. Он не только пересек континент, но и привел с собой небольшое стадо овец. В дальнейшем Маккинли в течение ряда лет по заданиям правительства Южной Австралии исследовал северное побережье материка.

В конце 60-х и в 70-е годы XIX века ряд экспедиций исследовали западную часть Австралии. Среди них следует отметить экспедиции, возглавляемые Э. Джейлсом (1872—1876), П. Уорбертоном (1873 г.), Д. Форрестом (1874 г.) и А. Форрестом (1879 г.).

В 90-е годы XIX века исследование западноавстралийских пустынь было продолжено. Большую пустыню Виктория исследовала в 1891 г. экспедиция Д. Линдсея; в 1896—1897 годах Большую Песчаную пустыню — экспедиции Л. Уэлса, Д. Карнеги и Г. Флетчера.

Таким образом, во второй половине XIX века исследователи уже проложили пути через Австралийский материк с юга на север и с запада на восток, и экспедиция Берка сыграла в этом не последнюю роль.

К. В. Малаховский

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Зловещее пятно	3
<i>Глава 2.</i> Стерт	13
<i>Глава 3.</i> Экспедиция собирается	28
<i>Глава 4.</i> На пути к Менинди	44
<i>Глава 5.</i> От Менинди до Куперс-Крика	59
<i>Глава 6.</i> К заливу	68
<i>Глава 7.</i> Тыловой отряд	79
<i>Глава 8.</i> Роковые девять часов	85
<i>Глава 9.</i> Отступление к Менинди	96
<i>Глава 10.</i> К Маунт-Хоуплесу	108
<i>Глава 11.</i> Спасательные операции	118
<i>Глава 12.</i> Рейд Хоуита	129
<i>Глава 13.</i> Возвращение в Мельбурн	141
<i>Глава 14.</i> Королевская комиссия	151
<i>Глава 15.</i> Раскаяние	185
<i>К. В. Малаховский.</i> Послесловие	202

Известный австралийский писатель рассказывает о судьбе экспедиции Берка, которому первому удалось в середине XIX века пересечь Австралийский континент. Автор проследил путь участников похода от старта в Мельбурне до места трагической гибели Берка на берегу реки Куперс-Крик. Описание связанных с экспедицией волнующих событий «Большой австралийской гонки» перемежается картинками дикой природы внутренних областей континента, эпизодами встреч с аборигенами.